

А.Т. ХАРЧЕВНИКОВ

**Критическая
теория
социализма**
(Политическая технология)

Авторская книга
Москва
2011

УДК 308
ББК 84(2Рос-Рус)6
Х22

Харчевников А.Т.

Критическая теория социализма. (Политическая технология) / Харчевников А.Т. – М.: Авторская книга, 2011. – 386с.

ISBN 978-5-91945-126-6

Х22

Эта книга, по сути, сборник статей, посвящённых различным проблемам, связанным с пониманием социализма как социально-воспроизводственной градации в восходящем развитии общества. В основе этого понимания лежит современная фундаментальная социологическая теория развития общества А.С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)» и, главным образом, её критическая теория линейной формы социализма (политическая технология).

С другой стороны, правда, с различной степенью полноты, в данной работе так или иначе изложены и основные положения мегатеории «Полилогия...», что представляет для заинтересованного читателя уникальную возможность получить самое общее представление о теории, которая генерализирует знаменитое учение К. Маркса «Капитал» и включает его в себя как составную часть.

УДК 308
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-91945-126-6

© Харчевников А.Т., 2011

*Посвящается моим родителям и семье.
Спасибо, без Вас не было бы и этого труда.*

Настоящим выражаю глубокую признательность и благодарность автору современной социологической теории развития общества Андрею Сергеевичу Шушарину за его труд по созданию мегатеории «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)».

Эта мировоззренческая теория не только укрепила моё личное понимание жизни, но и способствовала более широкому и глубокому осознанию основных законов её общественного развития. На этой основе стали очевидны и понятны многие явления и коллизии современной общественной жизни, что в значительной мере обеспечило устойчивость, определённую уверенность и ясность в собственной социальной позиции, дало почувствовать, что, несмотря на все невзгоды и трагедии нашего бурного времени, «действительная жизнь» прекрасна и удивительна.

Многие дни и месяцы, посвящённые изучению и освоению этой теории, до сих пор воспринимаются мною как самые счастливые мгновения мирозерцания, а огромный научный потенциал «Полилогии...» и сегодня дарит неоценимые моменты всё новых и новых открытий, давно уже превысивших и преодолевших рамки этой удивительной мегатеории.

Желаю также и читателям настоящего изложения некоторых основных положений «Полилогии...» испытать это несравненное наслаждение от познания и понимания «действительной жизни» нашего общества и человечества.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	15
Глава 1	17
Генерализация учения К. Маркса	
1.1. Что есть «действительная жизнь» и как она отображена в «Полилогии...»	19
1.2. О прочих моментах генерализации «Капитала» мегатеорией «Полилогия...»	26
1.3. О некоторых частных, но важных моментах и категориях «Полилогии современного мира...»	31
1.3.1. О градациях и механизме перехода от одной градации к другой	31
1.3.2. О некотором различии в трактовке «пятичленки»	34
1.3.3. Несколько слов об отношениях собственности, обобществлении и инфраструктуре общества	35
1.3.4. Кратко о так называемых противоречиях	36
1.3.5. Об экзогенной логике и реальном социализме СССР	38

Глава 2	41
Арифметика социализма – это «математика» функциональности. (Критическая теория социализма)	41
Социализм как превращённая форма капиталистического способа производства	43
2.1. Социализм – это, прежде всего, функциональный способ производства	46
2.1.1. Базовый объект и образ собственности на технологии	46
2.1.2. Функциональное взаимодействие (симметрия)	50
2.1.2.1. Промежуточная и полная форма «закона положения функций»	54
2.1.2.2. Статусы функций (коллективов и лиц): неявная, но основная знаковая форма	59
2.1.2.3. Функциональное равновесие	65
2.1.3. Отношения собственности на технологии (функции)	69
2.1.3.1. Характер собственности на технологии (функции)	69
2.1.3.2. Логическая структура собственности	73
2.1.3.3. Основное производственное отношение	75
О «линейности»	77
2.1.3.4. О формах производственного принуждения	79
2.1.3.5. Основная материальная архитектура, организационные формы собственности	83

О спекуляциях вокруг «монополизма» и «конкуренции»	89
2.1.4. Сущность линейной формы (вообще)	92
2.1.4.1. Революционная теория отжившей формы производства	92
О критическом как ещё вполне квазистабильном и ещё равновесном (дообвальном) состоянии	95
Формула функционального «обращения»	96
2.1.4.2. О «цели» линейного производства	99
«Цель» репродуктивного сохранения технологий	105
2.1.4.3. Основной закон линейного производства и его неизбежный «дефект производства»	110
Диффузный рост дефекта производства	118
Внутрисистемные «кризисы» и темпоритмы	122
2.2. О полной форме градаций	125
2.2.1. Контуры снятых деформаций	126
2.2.1.1. Экономическая деформация и «странность» денег	127
2.2.1.2. Территориальная деформация	140
2.2.1.3. Демографическая деформация – «девальвация диплома» и производственная «перенаселённость»	151
2.2.1.4. «Предельная», культурно-родовая деформация	155

2.2.2. Об общем равновесии	157
2.2.3. О природопользовании	161
2.2.4. К характеристике структуры (состав и отношения) производства	162
О других характеристиках структуры производства	165
2.3. Закон конца линейной формы	167
2.3.1. Тридцать пять тысяч одних... «Лассалей» нового типа	168
2.3.2. Взрывной характер НТР и обобществление технологий	171
2.3.3. Об учёте всего многообразия сложных обстоятельств обобществления технологий	180
2.3.4. Об информатике и «сбросе покровов с тайн производства»	182
2.4. Совсем коротко об экзогенной логике и будущем «реального социализма»	195
2.4.1. Вступление в эпоху критичности всемирных экзогенных производственных отношений	195
2.4.2. Гуманизм	199
2.4.2.1. Социализм-2 и метафора постэгокультурности «гуманизм». Ступени гуманизации	202
2.4.2.2. Две стороны основного закона гуманизма	209

Глава 3	213
Формула социализма	213

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1	231
---------------------	------------

Социализм как «снятая» и «превращённая» форма капиталистического способа производства в «традиционном марксизме»	231
--	-----

1. «Традиционное марксистское» понимание градации «Социализм» и социалистического способа производства	234
--	-----

2. «Полилогическое» понимание градации «Социализм» и социалистического способа производства	239
---	-----

Приложение 2	249
---------------------	------------

Уроки гласности, перестройки и социализма	249
---	-----

1. Из истории «гласности» периода «перестройки»	250
---	-----

2. Под фанфары гласности	254
--------------------------	-----

3. Что есть «гласность» вообще и в свете «Полилогии...»	262
---	-----

3.1. Гласность в понимании современной теории развития общества и социализм	263
---	-----

3.2. Гласность как политический термин и «уроки перестройки»	266
--	-----

3.3. Гласность словами «Полилогии...»	271
3.4. Изначально-перестроечный предмет гласности – «дефект производства»	274
О чём должен был «звонить колокол»?	274
4. Гласность как инструмент управления и восходящий «дух перестройки»	281
4.1. Восходящий «дух перестройки»	282
4.2. Гласность – «троянский конь» и «сетевой флуд» перестройки	284
5. Бесплодие «тысяч простоидейных Лассалей» гласности и перестройки	286
6. «Новое знание»	290
6.1. О «новом знании», идущим под флагами НТР (научно технической революции)	290
6.2. Спасительный тренд революции	292
7. Гласность как движение «трудящихся нового типа»	295
8. О христианской «перестройке», гласности и «новой религии»	304
9. О текущем моменте и «гласности»	306
Приложение 3	309
Конец классово-дихотомии	309
Первобытность	311
Рабовладение	314
Феодализм	316
Капитализм	320

Социализм	322
Несколько слов об информационном обществе	330
Современная Россия	331
Приложение 4	341
О «трудовом и творческом потенциале» трудовых коллективов. («Трудный путь» к пониманию трудового коллектива и его «собственности»)	341
1. Трудовой коллектив как субъект права	341
1.1. О трудовом коллективе как субъекте права на владение объектом собственности «функции, технологии»	343
2.2. О «субъект-объектных» отношениях в редакции проекта	348
2. Трудовой коллектив – ключ к восходящему будущему, ключ к социализму	354
2.1. О «маркировке границ трудового коллектива» и принципах правового регулирования производственных отношений	354
2.2. Об общественном значении и важности принятия Федерального закона «О трудовых коллективах»	359
Приложение 5	367
Соблазнённые права	367
Позиция капитализма	368
Позиция СССР	371

Позиция «Полилогии ...»	372
Предложения	377
Послесловие	378
Приложение 6	381
Рекламное объявление, опубликованное в газете «Советская Россия»	381
Приложение 7	
Чистые эндогенные формы	384

Введение

В 2005–2006 годах вышла в свет пятитомная фундаментальная критическая социологическая теория развития общества А.С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)». Знакомство с этой теорией позволило наиболее полно и чётко получить ответы на многие вопросы современной общественной жизни, поставить собственное мировоззрение на более высокий научный уровень понимания общественного развития.

В последующем в ряде публикаций в «Философской и экономической газете» мною на основе «Полилогии...» был дан развёрнутый анализ различных жизненных коллизий текущего развития не только нашего общества, но и некоторых международных процессов. Одновременно участие и знакомство с дискуссиями, проходящими на страницах различных форумов в сети интернет по вопросам исторического развития современного социума, выявило значительное различие как в понимании сущности «реального социализма» СССР, так в самом научном представлении о характере посткапиталистического развития общества.

Всё это и побудило к подготовке достаточно компактного изложения основ социалистического способа производства на полилогической основе, так как знакомство непосредственно с полным изложением теории «Полилогия...» ввиду

её огромного объёма (более 3000 страниц) даже для подготовленных участников упомянутых дискуссий оказалось затруднительно.

Одновременно в целях поддержания высокой академической планки изложения основ теории пришлось прибегнуть к широкому цитированию и структурному подобию изложения основного материала (Глава 2. Арифметика социализма – это «математика» функциональности). Это в какой-то степени подготовит читателя к более углубленному изучению первоисточника – мегатеории А.С. Шушарина «Полилогия...».

Также следует особо отметить, что каждая глава, как и каждая из статей приложения – совершенно самостоятельные, автономные изложения. Это обстоятельство позволяет усваивать приведенный материал в любой последовательности изучения (прочтения). В то же время некоторое повторение базовых основ теории «Полилогия...» при анализе разнообразных ситуаций действительной жизни в этих материалах позволяет успешно освоить и закрепить основные положения теории.

Для знакомства с многочисленными аспектами применения этой теории, вплоть до дальнейшего развития её теоретических положений, приглашаю уважаемых читателей на созданный с этой целью сайт в сети интернет по адресу: [HTTP://WWW.POLILOGIY.NAROD.RU](http://WWW.POLILOGIY.NAROD.RU)

Глава 1

Генерализация учения К. Маркса

В «Предисловии к первому изданию» «Капитала» К. Маркс пишет: *«Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. <...> ...конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества»*. И далее: *«Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс»*. К. Маркс считал этот труд продолжением опубликованного в 1859 году его сочинения «К критике политической экономии».

Это было почти 150 лет тому назад; первый том был опубликован в 1867 году, ещё при жизни К. Маркса.

Таким образом, Маркс, изучая *«естественные законы»* развития общества как *«естественноисторический процесс»*, концентрирует своё исследование лишь исключительно на *«экономическом движении современного общества»*. Тогда это было общество бурного *«экономического движения»*, *«экономизм»* составлял суть этого общества. Он выразительно проявил как свою внутреннюю природу, так и свой *«негатив»* в форме так называемой *«экономической эксплуатации»*. В то же время он выявил известный всем марксистам тренд своего губительного и критического, а вместе с тем и революционного восходящего развития в форме обобществления *«средств производства»*.

Короче, путь познания общества в то время проходил через познание *«экономического движения»* – экономических отношений в обществе. И это было обосновано, ибо это было время капитализма с его доминирующим *«экономическим»* способом производства.

Однако следует напомнить, что отношения в обществе отнюдь не ограничиваются экономическими. Правда, в пору

Маркса они были главными, доминирующими, что и определило предмет исследований Маркса, сведя его, как он сам пишет, к изучению только *«капиталистического способа производства и соответствующих ему отношений производства и обмена»*.

Спустя всего 50 лет после издания первого тома «Капитала» мир начал резко меняться, а уже через столетие он значительно «полевел» в своём развитии и «раскололся» на два лагеря – социалистический и капиталистический. С той поры уже не только «экономическое движение» определяло тип общества. В восходящем развитии мир вышел за рамки экономической теории «Капитал» и «Политической экономии». Эстафету восходящего развития принял социализм.

Поэтому совсем не случайно, например, пишет Ф. Энгельс в 1890 году в письме Й. Блоху: *«...Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом, в конечном счете, является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу»*.

Итак, «экономический момент» даже в марксовом учении о самом капитализме, созданном более 150 лет тому назад как учение об «экономическом движении» «вульгарного» капитализма середины XIX века, не является «единственно определяющим моментом»!

Более того, Энгельс прямо подчёркивает, что «материалистическое понимание истории» есть понимание «в конечном счете» *«производства и воспроизводства действительной жизни»*, а отнюдь не только «экономического движения».

Поэтому далее, характеризуя понимание «исторического процесса», Ф. Энгельс пишет: *«Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение, как необходимое, в конечном счёте, прокладывает*

себе дорогу...». То есть «Капитал» как учение о капитализме рассматривает «экономическое движение» лишь как доминирующее. Другими словами и в нашем контексте, утверждается лишь о доминировании в градации «капитализм» «чистого эндогенного процесса» производства и воспроизводства жизни как «экономического». То есть именно этой «экономической» чистой эндогенной форме (ЧЭФ) как процессу и посвящён «Капитал» К. Маркса.

Итак, в историческом развитии общества слово сказано, сказано «классиками», и это слово – ***«производство и воспроизводство действительной жизни».***

Как же сегодня современная наука, а в частности, фундаментальная пятитомная социологическая теория развития общества А.С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)» понимает «действительную жизнь», законы её развития и каким образом она генерализирует, включает в себя как составную часть учение Маркса?

1.1. Что есть «действительная жизнь» и как она отображена в «Полилогии...»

Известно, что история развития общества есть история последовательного обобществления всех значимых **объектов «действительной жизни»**, что, собственно, и обеспечивает её восходящее развитие по сложности. В «Полилогии...» действительная жизнь рассматривается как множество следующих типологических объектов жизни (рис. 1-1): «общая жизнь», «работник», «пространство производства», «средства производства», «функции, технологии», «информация, знания» и т.д.

При этом объём понятия «действительная жизнь» раскрывается через логическое деление по признаку (основание деления) **«механизм взаимодействия агентов производства»** при производстве и воспроизводстве конкретных объектов данной типологии как элементов действительной жизни.

Действительная жизнь общества ①

Базовые объекты ДЖ

Рис. 1-1.

Формула-схема воспроизводственного процесса ДЖ

- ОБ* - МЗ* - ОБ...П...ОБ** - ,
 где ОБ - объект воспроизводства,
 МЗ - материально-знак. отношение,
 П - производство. (ОБ) ДТ (труд)

Рис. 1-4.

Атрибуты объектов ДЖ

1. Механизм взаимодействия агентов пр-ва ДЖ.
2. Материально-знаковые отношения.
3. Разделение труда.
4. Богатство и ценность.
5. Родовой "НЕГАТИВ".
6. Доминирующая собственность (асимметрия).
7. Преодолевающий "сдвиг".
8. Теория "Политическая ...". И др.

Рис. 1-3.

Восходящий рост развития общества

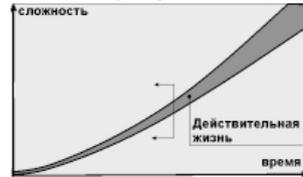

Рис. 1-2.

Если отобразить развитие общества во времени как восходящее развитие по сложности, то получим следующую монотонно возрастающую кривую (рис. 1-2). Эта кривая представляет собой непрерывный единый процесс производства и воспроизводства жизни. Нарастание «толщины» данной кривой как бы символизирует рост мощности воспроизводственного процесса общества.

В статике состав объектов «действительной жизни» можно рассматривать как «поперечное сечение кривой данного единого процесса жизни», что собственно схематично и представлено на рис. 1-1. При этом состав типологических объектов действительной жизни остаётся неизменным для любого момента развития общества.

Каждому из перечисленных типологических объектов соответствует свой способ его воспроизводства, который представляет так называемую чистую эндогенную форму (ЧЭФ), по сути, чистый процесс производства и воспроизводства базового объекта данной типологии. В совокупности все эти ЧЭФ образуют единый процесс действительной жизни общества (рис. 2-2).

Это, можно сказать, есть отображение единого процесса воспроизводства «действительной жизни» уже в динамике. То есть эту «картинку» можно рассматривать как «продольный срез» как «срез-развёртку» графика рис. 1-2, отображающего восходящее развитие общества.

Разумеется, что в реальности все слои ЧЭФ, как подпроцессы, тесно переплетены между собой и взаимосвязаны. Однако мы рассматриваем чистые процессы воспроизводства различных типологических объектов (ЧЭФ) как самостоятельные, отдельно происходящие с целью уяснения их «внутренней» сущности.

Далее, с другой стороны, всем известна знаменитая марксова формула-схема кругооборота товарного капитала:

$$T^* - D^* - T (Cп, Pс) \dots П \dots T^{**} - \text{и т.д.}$$

Запишем по её подобию аналогичную формулу-схему для всего, в целом, процесса производства и воспроизводства

Процессы ЧЭФ действительной жизни (2)

Формула-схема воспроизводственного процесса по ЧЭФ

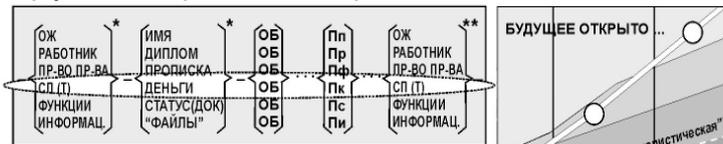

Рис. 2 - 1.

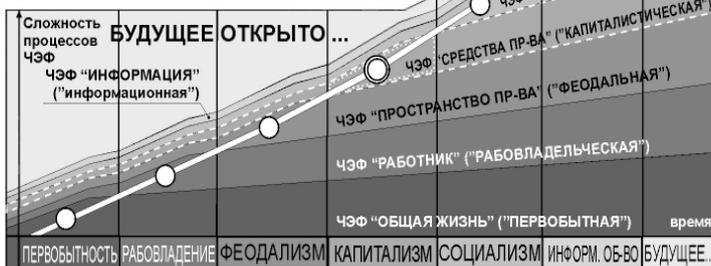

Рис. 2 - 2.

«действительной жизни» в общем виде на основе следующих атрибутов типологических процессов ЧЭФ (рис. 1-3). Вот эти атрибуты: базовый объект производственных отношений и отношений собственности, механизм взаимодействия агентов производства, материально-знаковые отношения, разделение труда, богатство и ценности, родовой «негатив», доминирующая собственность (асимметрия), преодолевающий сдвиг и соответствующая теория ЧЭФ «Политическая...».

Тогда получим следующее выражение для формулы-схемы действительной жизни (рис. 1-4):

ОБ* – МЗ* – ОБ ((ОБ)) ... П(ДТ(труд)) ... ОБ – и т.д.,**

где **ОБ** – объект воспроизводства;

МЗ – материально-знаковые отношения;

П – производство;

ДТ(труд) – деятельность, труд;

(ОБ) – исходные ресурсы для воспроизводства.

Или, с раскладкой по типологическим ЧЭФ (рис. 2-1).

На этом рисунке овалом выделен капиталистический способ производства, ЧЭФ «экономическая», которая и была изучена К. Марксом и составила основу его учения «Капитал». Короче, эта формула-схема всего лишь часть общей схемы воспроизводства жизни, где все прочие ЧЭФ в традиционном отображении представляются обычно как условия производства. Всё это позволяет не только ставить вопрос и говорить о попытке генерализации «Полилогией...» А.С. Шушарина учения К. Маркса «Капитал», но и прямо утверждать, что такая генерализация имеет место быть!

Таким образом, мы видим, что каждому типологическому объекту «действительной жизни» соответствует свой собственный слой воспроизводственного процесса жизни. Эти слой-процессы так же, как и кривая восходящего развития, со временем возрастают в своей мощности и сложности. На рис. 2-2 рост сложности каждой ЧЭФ отображается как возрастающая со временем толщина соответствующего слоя. Разумеет-

ся, «время» здесь не конкретно историческое, а абстрактное, отражающее лишь последовательное нарастание сложности некоторой «идеальной модели» общественного развития.

Итак, производство и воспроизводство действительной жизни включает следующее множество чистых процессов (ЧЭФ) или чистых способов производства (см. Приложение 7, таблица 1):

- это, прежде всего, самый глубокий и витальный, жизненный, слой. Это процесс воспроизводства самого, можно сказать, базового, «человеческого материала», то есть начального общества просто людей как мыслящих биологических существ со своей культурой жития, общения, со своим языком, традициями и т.п., то есть воспроизводства объекта **«общая жизнь»** (рис 2-2).

Конкретные атрибуты ЧЭФ этого типологического объекта следующие. Механизм взаимодействия агентов этого производства жизни есть «телесно-духовное общение». Материально-знаковые отношения – «фамилия, имя, свойство (антропонимика)». Богатство – «телесно-духовное здоровье». Доминирующая собственность (асимметрия) – «эгостадная собственность на общую жизнь», а родовой негатив – «кровавый произвол».

Критическая теория, описывающая эту ЧЭФ, – «Политический социогенез (простая культурология)». Эта ЧЭФ доминирует в градации «первобытность». Преодолевающий сдвиг – «обобществление общей жизни», то есть «социализация (демографизация) производства» жизни;

- следующий слой как чистый процесс – это процесс воспроизводства «специалистов и умельцев», «умеющих и могущих работать» людей, то есть «работников». Это процесс воспроизводства объекта типа **«работник»**.

Атрибуты ЧЭФ этого типологического объекта следующие. Механизм взаимодействия агентов этого производства жизни – «трудообмен». Материально-знаковые отношения – «дипломы (трудонимика)». Богатство – «трудовые ресурсы». Доминирующая собственность (асимметрия) – «собственность на работников (рабов)», а родовой негатив – «диктат».

Критическая теория – «Политическая демография». Эта ЧЭФ доминирует в градации «рабовладение». Преодолевающий сдвиг – «обобществление работников», то есть «натурализация (территориализация) производства» жизни;

- следующий слой – это процесс воспроизводства, можно сказать, «малой Родины», «местности» жизнедеятельности людей, то есть некоторого «пространства производства» и воспроизводства действительной жизни. Это воспроизводство объекта «**пространство производства**».

Атрибуты ЧЭФ этого типологического объекта следующие. Механизм взаимодействия агентов этого типа производства жизни есть «соседствование». Материально-знаковые отношения – «прописка (топонимика)». Богатство – «натуральное богатство». Наконец, доминирующая собственность (асимметрия) – «натурально (парцеллярно) иерархическая собственность на пространство производства», а родовой негатив – «крепость, крепостничество, повинность, подати».

Критическая теория – «Политическая география». Эта ЧЭФ доминирует в градации «феодализм». Преодолевающий сдвиг – «обобществление пространства производства», то есть «индустриализация (товаризация) производства» жизни;

- следующий слой – процесс воспроизводства «вещей, имущества, орудий труда и быта», «товара», то есть воспроизводство всем известного объекта «**средства производства**».

Атрибуты ЧЭФ этого типологического объекта следующие. Механизм взаимодействия агентов этого типа производства жизни есть «товарообмен». Разделение труда – «продуктовое». Базовое взаимодействие (симметрия) – «вещественно-продуктовое (товар)». Базовые производственные отношения – «экономические(товарно-денежные)». Материально-знаковые отношения – «деньги (товаронимика)». Богатство – «вещественное богатство». Наконец, доминирующая собственность (асимметрия) – «частная собственность на средства производства».

Критическая теория – «Политическая экономия» («Капитал»). Эта ЧЭФ «экономическая или рыночная» доминирует в градации «капитализм». Преодолевающий сдвиг, как дальнейшее восходящее и революционное развитие общества, – «обобществление средств производства», то есть «технологизация (плановизация) производства» жизни. Родовой негатив – «экономическая эксплуатация»;

- следующий слой доминирует при социализме. Это процесс воспроизводства «функций и технологий», всевозможной «работы» как жизнедеятельности людей, то есть воспроизводство объекта «технологии, функции».

Атрибуты ЧЭФ этого типологического объекта следующие. Механизм взаимодействия агентов этого типа производства есть «соисполнение». Разделение труда – «ячейное (пооперационное)». Базовое взаимодействие (симметрия) – «функциональное». Базовые производственные отношения – «функциональные (технологические)». Материально-знаковые отношения – «документы, статусы коллективов и лиц (технонимика)». Богатство – «технологии (функции)». Наконец, доминирующая собственность (асимметрия) – «группо-иерархическая собственность на технологии», а родовой негатив – «дефект производства».

Критическая теория – «Политическая технология». Преодолевающий сдвиг, как дальнейшее восходящее и революционное развитие общества, – «обобществление технологий», то есть «онаучивание производства» жизни;

- последующий слой – это процесс воспроизводства «информации», всевозможных «данных, сведений, знаний» о жизнедеятельности людей и мире, то есть «информации» по воспроизводству действительной жизни. Это процесс воспроизводства объекта «информация».

Механизм взаимодействия агентов этого производства жизни есть «полное и свободное информационное обеспечение». Эта ЧЭФ «информационная» доминирует в постсоциалистической градации «информационное общество».

И т.д.

Таким образом, только в эндогенном как внутреннем, внутривострановом развитии общества «Полилогия...» включает в себя «эскизы»: «Политическая география» феодализма (ЧЭФ «феодалная»), «Политическая демография» рабовладения (ЧЭФ «рабовладения»), «Политический социогенез (простая культурология)» первобытности (ЧЭФ «первобытная»). И, разумеется, такие теории как «Политическая экономия» капитализма и «Политическая технология» социализма.

То есть даже из самого перечисления состава теорий ЧЭФ, входящих в мегатеорию «Полилогия...», становится очевидным её генерализирующий статут (положение) и статус (правовое положение). Таким образом, научная генерализация учения К. Маркса проявляется в самой структуре мегатеории.

1.2. О прочих моментах генерализации «Капитала» мегатеорией «Полилогия...»

«Полилогия...» и её автор А.С. Шушарин не «разрывают» с марксовым учением как «Политической экономией» капитализма, а берут его за образец действительно первой в истории научной социологической теории. Начиная главу о капитализме, А.С. Шушарин пишет: *«Единственная известная «культурная» теория эндогенной формы, т.е. критическая, эзотерическая, парадоксальная, революционная теория исторически нового критического же состояния, – это, напомним, и есть гомогенная теория капитализма Маркса, «Капитал». На фоне апологий буржуазных политэкономий Маркс дал теорию идеального типа «реального капитализма» тогдашнего времени только с одним, восходящим трендом».*

Эта глава 10-я «Полилогии...» называется «Капитализм («Политическая экономия», точнее, критика)» и посвящена собственно капиталистическому способу производства, то есть его чистой эндогенной форме – ЧЭФ «экономическая, ка-

питалистическая, рыночная». При этом автор «Полилогии...» поясняет: *«Поскольку же многое в контексте «Капитала» было рассмотрено в «Постановке вопроса», то в настоящей главе о сути теории – кратко».* Далее кратко, всего на 20 страницах, излагаются сжато основные положения учения К. Маркса. В частности, автор пишет: *«Маркс, не фиксируя того, опять напомним, ограничился исключительно и только прорывной («катастрофически-спасительной») ветвью из всего поля траекторий где-то зревшей бифуркации».*

Итак, «Политическая экономия» капитализма, то есть теория ЧЭФ «экономическая, капиталистическая, рыночная или товарно-денежная», разработанная К. Марксом в его труде «Капитал», полностью, можно сказать, «включена» в состав «Полилогии...» А.С. Шушарина. Марксово учение «Капитал» рассматривается здесь лишь только как основа теории «Политической экономии» капитализма, точнее как основа теории чистой эндогенной формы капиталистического способа производства и воспроизводства действительной жизни, то есть как основа всего лишь ЧЭФ «экономическая» (на рис. 2-2 ЧЭФ «экономическая» выделена пунктиром).

Далее по образу и подобию логики «Капитала» построены в значительной мере теории всех прочих эндогенных форм идеального типа, в том числе и «Политической технологии» социализма.

Достаточно при этом вспомнить приведённую в начале (рис. 1-3), а затем и использованную в конкретных подпроцессах ЧЭФ категориальную атрибутику чистых эндогенных форм типологически различных подпроцессов действительной жизни. Эти категории являются общими для различных теорий «чистых форм» и градаций восходящего общественного развития.

Следует особо отметить, что теории «Политическая технология» социализма как идеальной форме (ЧЭФ «функциональная») посвящена глава 11, названная автором следующим образом: «Линейная (плановая, отраслевая) форма («Политическая технология»; Простая «Критика коммунизма», или

всех «Политэкономий социализма», СОЭФ и «планомиков»)). Материал главы излагается на почти 300 страницах, не считая отдельного 4-го тома «Социализм», посвящённого уже градации «социализм СССР», его развитию, становлению и краху.

Наконец, в теории «Политическая технология» социализма А.С. Шушариным изложен и «тощий тренд» траектории постсоциалистического развития к новому восходящему информационному обществу, для описания которого, вероятно, будет в дальнейшем создана теория «Политическая информатика» как теория ЧЭФ «информационная».

В то же время созданная творческой деятельностью теоретика нашего времени А.С. Шушарина политическая технология социализма по доминирующему объекту производственных отношений, по механизму взаимодействия агентов производства, по материально-знаковым отношениям, по объекту отношений собственности и по прочим конкретным атрибутам в корне отличается от политической экономии капитализма и так называемой «политической экономии социализма», излагаемой обычно во 2-м томе известных учебных пособий, называемых «Политическая экономия».

Шушаринская теория «Политическая технология» социализма есть теория чистой эндогенной формы как социалистического, отраслевого, планового способа производства и воспроизводства действительной жизни.

Всё вышеизложенное позволяет утверждать, что фундаментальная социологическая теория развития общества А.С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)» генерализирует учение К. Маркса, то есть включает его в себя как составную часть. Поэтому, образно говоря, бессмертный «Капитал» К. Маркса остаётся жить и не *«отменяется»*.

А теперь покажем, как «окончательно» выглядит это утверждение на общем графике слоёв-ЧЭФ и градаций развития общества (рис. 2-2). Здесь временные интервалы существования градаций условно изображены равными, ибо

отображают лишь последовательность и логику переходов от градации к градации.

Учение К. Маркса, его «Капитал» как основа теории «Политическая экономия», отражающее по сути лишь состояние чистой формы «варварского капитализма», можно представить как небольшую толику всего процесса производства и воспроизводства «действительной жизни» и даже самой ЧЭФ «экономическая». Это вполне соизмеримо с точкой, изображенной двойным кружком и обозначающей доминирующий слой в соответствующей градации (рис. 2-2). И даже если распространить «Политическую экономию» капитализма на весь, скажем так, «чистый капитализм» как доминирующую ЧЭФ «капиталистическая», то есть в пределах пятиугольника, соответствующего части этого слоя ЧЭФ в пределах градации «капитализм» (рис. 2-2), то доля этой теории в метатеории «Полилогия...» составит так же малую толику всей теоретической социологии развития общества, разумеется, эндогенно.

Это весьма наглядно иллюстрирует факт генерализации «Полилогией...» учения К. Маркса «Капитал».

При этом нельзя не пояснить и следующий важный момент теории.

Известно, что в рамки классической «Политической экономии», скажем так, традиционно включают также и все прочие способы производства – феодальный, рабовладельческий и первобытный, а также и социалистический (плановый). Почему так происходит, чем это вызвано и как это следует понимать?

Действительно (рис. 2-2), слой ЧЭФ «экономическая» проходит, пересекает, то есть входит в состав композиции каждой из известных градаций, в том числе и будущих. Однако, входя в прочие градации, этот слой уже не является доминирующим и не определяет суть прочих градаций. Эти области производственных отношений и отношений собственности рассматриваются в «Полилогии...» не как

самостоятельные, а как всего лишь некоторые **деформации** слоя ЧЭФ «экономическая» теми доминирующими отношениями производства, которые присущи соответствующим градациям.

Однако традиционное толкование прочих докапиталистических способов производства классической «Политической экономией» есть, по сути, деформация самих (истинных) понятий этих способов производства под влиянием «экономического взгляда» на развитие общества, то есть перенесение экономических отношений на совсем «неэкономические» способы производства. Или иначе, образно говоря, заблуждение и, как следствие, неверная трактовка фактов исторического развития.

Что же касается градации «социализм», то с учётом того, что это следующая восходящая ступень развития общества, имеет место, мягко говоря, неполное понимание социалистического способа производства как несобственной формы, то есть её понимают исключительно как снятую капиталистическую форму (ЧЭФ). То есть считается, что социалистический способ производства основан лишь на обобществлении «средств производства», а не на собственных основаниях социалистического, функционального, способа производства с таким доминирующим объектом как «функции, технологии».

С другой стороны, проявление и действенность экономических отношений в прочих градациях, за исключением капитализма, явно преувеличено и абсолютизировано.

И всё же присутствие экономических отношений, как и всех прочих ЧЭФ, во всех градациях несомненно. Об этом говорит постоянный состав известных ЧЭФ в композициях градаций.

Изложенного вполне достаточно, чтобы согласиться с тем, что «Полилогия...» А.С. Шушарина генерализирует учение К. Маркса, то есть включает его в себя как составную часть.

1.3. О некоторых частных, но важных моментах и категориях «Полилогии современного мира...»

1.3.1. О градациях и механизме перехода от одной градации к другой

«Полилогия...» опирается на «пятичленку» как исторический факт. Это – первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм и социализм. Эта последовательность есть восходящая последовательность градаций, которые в классическом марксизме именуется «социально-экономическими формациями». Термин «градации» взят у Маркса. И правильнее говорить всё же о «социально-воспроизводственных градациях», ибо «экономическое» связано в чистом виде лишь с капиталистическим способом производства.

Что такое градация (традиционно – формация)? Градация – это композиция всех известных типологий «чистых производственных процессов», то есть ЧЭФ. Они существуют и реализуются в своём развитии одновременно и параллельно, то есть перечень ЧЭФ для всех градаций один и тот же (рис. 2-2). Вид градации определяется лишь типом ДОМИНИРУЮЩЕЙ ЧЭФ, то есть тем типологическим подпроцессом, который главенствует в данной градации. Доминирование – одно из основополагающих положений «Полилогии...».

На рис. 2-2 кружком помечены те ЧЭФ, которые доминируют в соответствующих градациях.

Доминирование означает, что данный тип ЧЭФ освещает, подчиняет и нивелирует все прочие подпроцессы (ЧЭФ), навязывает им свои механизмы, формы и прочую атрибутику, то есть деформирует их природу.

Так, при капитализме доминирует ЧЭФ «экономическая» с доминирующим объектом производственных отношений и отношений собственности «средства производства», то есть ВЕЩЬ как внешний предмет и товар. Напомним, что механизм взаимодействия агентов производства при этом есть «товарообмен», а материально-знаковые отношения – деньги. Богатство и

ценность – вещи, средства производства, капитал. Поэтому все прочие объекты другой типологии рассматриваются в силу доминирования экономических отношений через, можно сказать, призму товара, товарно-денежных отношений и денег.

Вследствие чего, например, такой объект как информация, который не есть «вещь», ибо его невозможно отдать другому, не оставив себе, и который можно практически без затрат неограниченно тиражировать, начинает рассматриваться вопреки её природе так же, как товар. Затем «информацией» начинают торговать по законам товара, однако видя, что из этого ничего путного не получается, начинают создавать специальное законодательство. Оно уже принудительно деформирует механизм взаимодействия агентов производства по поводу этого объекта вопреки законам его природы, делает «нетовар», то есть информацию, как бы «товаром», и тем самым вводит её в рыночный оборот.

Подобное можно наблюдать и в отношении многих других типологических отличных от «вещей» базовых объектов. Такова «сила» доминирования и таковы результаты соответствующей «деформации».

Так вот, смена градаций есть смена доминирующей ЧЭФ, доминирующего объекта, доминирующей ценности и богатства. Происходит эта смена, можно сказать, классически, тогда, когда уровень развития доминирующего объекта не соответствует уровню развития доминирующих производственных отношений в данной доминирующей ЧЭФ. Иными словами, но почти так же «традиционно», когда общественный (обобществленный, по сути) характер производства данной доминирующей ЧЭФ вступает в противоречие с ограниченными (частными или группо-иерархическими) отношениями собственности.

То есть состояние развития общества при данной доминирующей ЧЭФ входит в своё предельное критическое состояние, которое, как принято говорить, возникает на «хорошем основании». Однако так как нет в мире ничего совершенного, незначительные поначалу «родовые недостатки», будучи предоставленные сами себе, заводят развитие данной ЧЭФ и

общество в целом в тупик, выходом из которого является революционное преобразование общества. Чтобы «снять» этот недостаток, превратившийся в «родовой негатив», необходима смена доминирующей ЧЭФ, а короче – необходима смена доминирующего объекта производственных отношений и отношений собственности.

Это состояние критического этапа в развитии прежде всего данной доминирующей ЧЭФ, а также и соответствующие деформации прочих ЧЭФ, приводят общество в состояние «бифуркации». Бифуркация – это неустойчивое равновесие производственного процесса по производству и воспроизводству действительной жизни, когда среди множества мало-значущих факторов-сил любое их незначительное изменение приводит к лавинообразному процессу с непредсказуемой восходящей или нисходящей деградиционной траекторией последующего развития из множества возможных (потенциальных) исходов.

Так как нами рассматривается чисто теоретическая, то есть идеальная, модель развития, то мы концентрируем своё внимание только на восходящем развитии общества по сложности.

Таким образом, обращаясь к схеме рис. 2-2, восходящая последовательность градаций как композиций ЧЭФ может быть представлена следующим рядом «фрагментов» этого общего отображения процесса производства и воспроизводства действительной жизни. Эти фрагменты, композиции напоминают многослойные пирожные со «стандартным набором слоёв, но различной мощности (толщины), причём только один слой-ЧЭФ доминирует, то есть содержит ту изюминку, которая характеризует данную градацию и её отличие от других. На рисунке ЧЭФ, доминирующая в данной градации, помечена пустым кружком, «изюминкой».

Следовательно, соединив эти, по сути критические, переломные точки в развитии общества, мы получим следующую кривую восходящего развития общества, эндогенно (рис. 2-2). Или, как говорится в «Полилогии...», главную последовательность критических точек восходящего развития общества.

1.3.2. О некотором различии в трактовке «пятичленки»

К сожалению, обоснованно рассматривая капиталистический способ производства с экономических позиций, традиционный марксизм и наши классики рассматривают прочие градации (традиционно – общественно-экономические формации) так же с позиций «экономического движения», а не их (градаций) собственное совсем не экономическое содержание движения. И хотя при этом различаются сами способы производства, правда, в теоретическом плане, больше по названию, а именно: первобытнообщинный способ производства, рабовладельческий и феодальный способы производства, капиталистический, социалистический и коммунистический способы производства, – все они, как и капиталистический способ производства, рассматриваются как «экономическое движение». Их категориальная база остаётся неизменной, это «средства производства», товарообмен, стоимость, эксплуатация, частная собственность, деньги и пр. Исторически наблюдается лишь, скажем так, рост сложности и мощи «средств производства», – почти как у Глазьева «технологические уклады», но более укрупнённые.

Отчасти это можно было бы понять как апробирование, например, К. Марсом и первыми «марксистами» «капиталистической (экономической!) точки зрения», теории капитализма на градациях иной природы, что свойственно всем учёным и изобретателям. Как говорят: «Попробовать свою теорию в деле». Однако эта апробация (как проверка уже пригодности и правильности) теории, если вообще это можно назвать апробацией, была куцей и тенденциозной, ибо **игнорировала собственную основу, природу** этих градаций, их доминирующие ЧЭФ. То есть в толковании градаций (формаций), как ранее отмечалось, если воспользоваться схемой рис. 3-1, они не выходят за пределы слоя ЧЭФ «экономическая, капиталистическая, рыночная, или товарно-денежная». Другими словами, в таком чисто экономическом восприятии градаций (формаций), рассматривают-

ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ 3

ся как исторический факт совсем не «градации – формации», а различные уровни развития только «экономического движения», а точнее – их деформации.

Перефразируя, можно сказать, что все «градации – формации» рассматриваются с позиций исключительно только «Политической экономии», однако при этом полностью игнорируется собственная материальная природа и теория этих градаций.

1.3.3. Несколько слов об отношениях собственности, обобществлении и инфраструктуре общества

Рассмотрим всё тот же график-схему рис. 2-2 и кривую восходящего развития общества по сложности, с которого мы, по сути, и начали. Эта непрерывно возрастающая, условно спрямлённая кривая эндогенного развития общества изображена на рис. 3-1.

Следует при этом напомнить, что при доминировании какого-либо объекта производственных отношений,

относительно его всегда имеют место отношения ограниченной, то есть частной или группо-иерархической собственности. Эта зона ограниченных (частных и группо-иерархических) отношений собственности расположена в непосредственной близости от кривой восходящего развития общества.

Поэтому в зоне этой схемы, расположенной справа от кривой или просто под кривой, все объекты обобществлены, то есть находятся под контролем общества и, как говорят, принадлежат всему обществу. Это и есть инфраструктура общества, которая, по определению, в целом его и обслуживает.

Та область этой схемы (рис. 3-1), которая лежит в отдалении, слева от кривой идеальной модели восходящего развития общества, есть область, скажем так, «неактивированных» отношений собственности. Причём чем дальше влево от кривой, тем менее развит и менее присутствует в действительной жизни соответствующий типологический объект производственных отношений, вплоть до простейших, не осознаваемых в обществе форм.

Таким образом, при движении в каждом слое слева направо растёт конкретное разнообразие и мощь соответствующего базового объекта. При этом меняются и совершенствуются производственные отношения и отношения собственности, – от почти их полного отсутствия до самой высшей (мыслимой) формы обобществления. То есть вся история восходящего развития общества есть история последовательно нарастающего обобществления «всего и вся».

1.3.4. Кратко о так называемых противоречиях

Если взять и совместить на одном уровне восходящие графики развития всех ЧЭФ (слои рис. 2-2) по сложности, то получим картинку подобную рис. 3-2.

Графики роста по сложности каждой ЧЭФ отображены двумя кривыми – сплошной и пунктирной (рис. 3-2). Верх-

няя кривая отображает развитие по сложности объекта производственных отношений, нижняя (пунктирная) – развитие самих производственных отношений, в том числе и отношений собственности (от почти полного их отсутствия через ограниченные, частные и группо-иерархические к обобществлённым отношениям собственности).

Этот график, образно говоря, фиксирует некоторое нормативное развитие и рост сложности как типологических объектов, так и производственных отношений. Кроме того, он так же отображает определённую сопряжённость, «сбалансированность и пропорциональность» в развитии всей совокупности типологических объектов действительной жизни. (При этом каждой ЧЭФ соответствует своя шкала категорий сложности.) В результате уровень сложности предыдущей ЧЭФ на данный момент времени оказывается выше уровня сложности последующей по доминированию ЧЭФ.

Таким образом, любое рассогласование этой сопряжённости, то есть отклонение от этой, можно сказать, нормативной базы развития в рамках идеальной модели влечёт за собою возникновение различного рода противоречий.

На схеме показано лишь одно известное всем противоречие «экономического» способа производства между уровнем развития «средств производства», называемых полно в «Политической экономии» как «производительные силы» и уровнем развития производственных отношений (рис. 3-2). Величина этого основного противоречия для ЧЭФ «экономическая, рыночная» отображена «полосатой» зоной.

Таким образом, здесь имеет место полилогический эффект сложения множества противоречий разного рода и разных ЧЭФ. Это в конечном итоге и образует непредсказуемое состояние бифуркации с множеством возможных исходов и трендов последующего развития в ходе восходящего становления обществ, опять же, пока только эндогенно, то есть в рамках внутристрановой логики. Некоторые из противоречий обозначены на схеме двухсторонними стрелками (рис. 3-2).

1.3.5. Об экзогенной логике и реальном социализме СССР

И, наконец, о чём ещё следует сказать в этом кратком изложении, так это о том, что «Полилогия...» состоит не только из эндогенной логики, но и экзогенной логики. Экзогенная логика развития описывает межстрановые, международные, отношения, где агентами производства выступают не люди, как в эндогенной логике, а целые страны и народы. Эти субъекты, как говорится в «Полилогии...», «массовидны». Хотя, в конечном итоге, все эти отношения реализуются через людей и посредством людей. Это не только меняет характер и атрибутику, описывающую межстрановые отношения, но и во времени отстаёт, если так допустимо сказать, в темпах и уровне развития от эндогенной логики. Хотя, следует оговориться, что при этом имеется много общего и подобного.

Если пользоваться подобным сравнением, то условно можно сказать, что современное развитие межстрановых, экзогенных отношений находится на уровне когда-то бывших «допервобытных», то есть звериных отношений. Этот период в эндогенной логике называется «переломной первобытностью», когда люди уже были, а общества ещё не было, то есть люди жили по законам стада животных, зверей. Это ещё раз подчёркивает, что в мире, на планете Земля, единого общества как единого человечества ещё нет.

Сам же современный социум находится в крайне критическом состоянии бифуркации, когда нельзя с уверенностью утверждать, есть ли будущее у рода гомо сапиенс на планете Земля.

Однако, не так уж всё грустно, ибо социализм СССР, или, как его называли, «реальный социализм», дал миру пример высокого уровня международных, межстрановых и межнациональных отношений. Этот пример вполне можно рассматривать как модель будущего единого человечества на социалистической основе.

Теория такого будущего излагается в «Полилогии...» в форме основных законов гуманизма, где царствует патернализм и наука. Развитие строго регулируется на основе научных изысканий и теорий. Его автор теории помечает как социализм-2, однако считает необходимым перейти к метафоре «Гуманизм», чтобы не связывать на будущее, если так можно сказать, крах социализма СССР с термином «социализм-2».

Так что, продолжая развивать учение К. Маркса «Полилогия...» А.С. Шушарина не только его генерализирует, но и направляет коммунистическое движение в сторону ГУМАНИЗМА.

К сожалению, если говорить о единении общества в мировом масштабе как о едином человечестве, социум на сегодня движется в сторону единения на капиталистической основе, то есть в капиталистических формах и «одеждах». Примером тому является Европейский Союз (ЕС).

Глава 2

В эскизном анализе линейной формы (градации «социализм» – ХАТ) и мы можем начать дело так: «Доминирующее (...) богатство общества, в которых господствует линейная (отраслевая, плановая) форма производства, выступает как огромное скопление выполняемых в производстве функций, а отдельная функция – как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому с анализа функций».

А.С. Шушарин «Полилогия современного мира...»

М.: Мысль, 2005–2006

Арифметика социализма – это «математика» функциональности. (Критическая теория социализма)

Далее, подобно К. Марксу в «Капитале», после слов автора «Полилогии...», приведенных в эпиграфе, можно сказать, что ниже описывается общество, в котором бал правит уже не товар, а функция, и имя этой градации общества – Социализм.

«Полилогия...» генерализовала учение К. Маркса «Капитал», то есть включила его в себя как составную часть, а поэтому на полном основании следует считать эту теорию именно постмарксистской и марксистской в смысле продолжения развития того опыта научного анализа общества, которое продемонстрировал К. Маркс на примере капиталистического способа производства, на примере капитализма. Сегодня «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)» – это социологическая теория развития общества, которая в значительной мере позволяет, нако-

нец, не только понять общество, в котором мы жили, но и строго научно описать его на основе современного языка мегатеории более высокого уровня абстракции. Это «новый тип научной, полилогической рациональности в основаниях социологии», построенный, как пишет А.С. Шушарин, «примерно по марксовой логико-семантической теоретической стратегии».

Сегодня в России капитализм. Что это такое, научно описал К. Маркс ещё полтора века назад. У многих он ассоциируется с известной формулой К. Маркса бесконечного кругооборота капитала $D-T...P...T^*-D^*$, и почти каждый тут же вспомнит о прибавочной стоимости и об эксплуатации. (Здесь D – деньги, капитал; T – товар, средства производства; P – производственный (воспроизводственный) процесс.) Это формула бесконечного спиралеобразного нарастания капитала как цели капиталистического производства в его предельно фетишизированном состоянии, когда смыслом жизни («божественное социальное») и целью производства становятся деньги и товар, когда главным, доминирующим типом богатства являются вещное богатство и капитал. Основу этого богатства составляют «средства производства» как базовый объект отношений собственности, то есть доминирования, главенствования частных отношений собственности по поводу средств производства.

За упоминанием прибавочной стоимости и эксплуатации незримо стоит «рабочая сила» и «рабочий человек», ибо в доминирующих производственных отношениях и в первую очередь в частных отношениях собственности капиталистического процесса воспроизводства действительной жизни в качестве агента производства наряду с капиталистом-предпринимателем также выступает и «рабочий», «трудящийся». Вот эти два класса агентов в период предельного, критического развития капиталистического способа производства вступают уже в неравноправные и неравновесные (асимметричные) производственные отноше-

ния, асимметрия которых проявляются в таких известных формах как экономическая эксплуатация трудящихся.

«Степень эксплуатации рабочей силы капиталом, или рабочего капиталистом», согласно К. Марксу, есть следующее «точное выражение» нормы прибавочной стоимости (m^*): $m^* = m / v$, где m – прибавочная стоимость; v – воспроизводственная стоимость рабочей силы. Напомним, что стоимость товаров, создаваемых на капиталистических предприятиях (W) имеет вид: $W = c + v + m$, где c – потреблённые в производстве «средства производства» в готовом продукте (товаре).

Теперь попытаемся аналогично научно описать социализм как социалистический общественный способ производства. Однако предварительно кратко изложим понимание социализма времён его активного реального существования.

Социализм как превращённая форма капиталистического способа производства

Однако если мы обратимся даже к литературе времён «развитого» социализма СССР, то обнаружим, что в целом представление официальной науки и общества о социализме мало чем отличается от вышеприведённых формальных описаний (выражений, формул) капитализма. Так, во втором томе неоднократно массово переиздаваемого и популярного двухтомного учебника для экономических факультетов вузов «Политическая экономия» под редакцией академика АН СССР А.М. Румянцева и др. «Социализм – первая фаза коммунистического способа производства» в главе «Основы хозяйственного расчёта» приводится, и не один раз, следующее, подобное марксовому выражение (схема) для кругооборота денежной формы производственных фондов социалистических предприятий: $D-T...П...T^*-D^*$.

Авторы учебника при этом отмечают, что «содержание кругооборота фондов социалистических предприятий иное,

чем содержание кругооборота промышленного капитала». При этом отличие связывается с «целями обогащения капиталистов за счёт эксплуатации наёмного труда» и «обособленностью частной собственностью» каждого данного оборота капитала от кругооборота других капиталов в «стихийно меняющихся условиях рыночной конкуренции». Далее справедливо отмечается, что «кругооборот фондов социалистического предприятия подчинён интересам всего общества и осуществляется планомерно, в сочетании с кругооборотом фондов других, связанных с ним предприятий».

Таким образом, суть как капиталистического, так и социалистического способов производства в такой трактовке остаётся неизменной, при этом сущность капиталистических и социалистических производственных отношений выражается в экономических категориях: «собственность на средства производства», «хозяйственный расчёт», а также «товар, стоимость, деньги, кредит, прибыль, заработная плата», которые даже, как отмечают авторы, «по названию совпадают с категориями политической экономии капитализма». Кроме того, авторы утверждают также и сохранение как основы социализма закона стоимости и прочих экономических законов, «связанных с существованием товарно-денежных отношений», а равно и «рынка при социализме». Короче, у данной точки зрения суть отличия (различия) социалистического способа производства от капиталистического лишь в «общенародной собственности на средства производства».

Однако это отнюдь не принципиальное и коренное различие упомянутых способов производства, хотя и необходимое условие для реализации социалистического способа производства при социализме. Такое понимание социализма, говоря по существу, всего лишь превращённая форма капиталистического способа производства (см., например, ЭФГ № 46 за ноябрь 2009 г.), возникающая в результате, как говорят философы, «снятия» прежнего капиталистического способа, в частности, снятия такого негатива как экономическая эксплуатация и таких целей как «обогащение капиталистов за

счёт эксплуатации наёмного труда».

И, хотя в теоретическом осмысливании социализма авторы «Политической экономии» ориентируются на превращённую форму капиталистического способа производства, но под давлением реальной практики строительства социализма в СССР (особенно довоенного и послевоенного периодов) и господства общественных идеалов справедливого общества вынуждены с неизбежностью отразить как плановость и планомерность в масштабах общества в целом, в том числе различные виды и типы народнохозяйственных и межотраслевых балансов, так и проблемы пропорционального развития. Однако, образно говоря, именно за этим в научном социологическом плане и стоит коренное отличие социалистического способа производства от капиталистического способа производства или, несколько шире, – главное теоретическое отличие социализма от капитализма.

В последнее время неоднократно на различных форумах левой оппозиции звучат призывы к организации теоретической политучёбы с целью повышения уровня прогрессивной просвещённости как самих членов разнообразных партий левой ориентации, так и граждан страны. По мнению активных участников левого фронта, повышение политического уровня грамотности граждан будет способствовать не только росту популярности левых взглядов в обществе, но и значительно, коренным образом изменит ориентацию электората в период выборных компаний всех уровней в пользу партий и депутатов левой ориентации, в сторону идеи построения «нового социализма».

Итак, с точки зрения современной социологии развития общества, как же представляется научный образ понимания социализма и, прежде всего, его основы – социалистического способа производства и воспроизводства действительной жизни? Ниже попытаемся кратко изложить соответствующее видение социализма, опираясь на фундаментальную социологическую теорию развития общества А.С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)».

2.1. Социализм – это, прежде всего, функциональный способ производства

2.1.1. Базовый объект и образ собственности на технологии

Начиная изложение собственно «социалистической» чистой эндогенной формы (ЧЭФ) «функциональная» как основы социализма, отметим, как сделано было и автором «Полилогии...», такой факт, *«что далёкий от всяких профессиональных кругов рабочий из Старого Оскола А.С. Приголовко, занявшись политэкономией и философией, как бы в прямой укор экономистам развивает свое понимание именно функциональной собственности (именуемой им дискретистской). Это окажется кое в чем довольно близким к тому, что ниже нам и предстоит обстоятельно раскрыть ... <...>»*

*А вот теперь в основах «божественного социального» («субстрата», если угодно) мы добрались до еще одного такого «субстрата»: люди и технологии, процессы производства, т.е. **функциональные (технологические) производственные отношения**. Причем, как и товар до капитализма, они в принципе не могли быть изучены до появления уже критических черт линейного производства».*

Итак, первый образ «собственности на технологии» в изложении автора теории «Полилогия...».

«Представим себе, как это ни покажется странным, кирпичный завод, технически примерно одного и того же уровня в условиях рабовладения, феодализма, капитализма и плановой системы. Но вот общественные формы этих естественно-технически одинаковых процессов, а также отношения людей, собственность, ее объекты оказываются совершенно различными.

При рабстве на этом заводе вообще никто не трудится, ибо рабы суть такие же орудия, как и печь для обжига, только в отличие от нее говорящие. И здесь еще несущественно, кому принадлежит завод как средство производства, ибо

доминирующим объектом собственности являются сами рабы (работники), а следовательно, и актуальны демографические производственные отношения в связи с рабами, их приобретением, профессиональностью, использованием.

При феодализме тот же самый завод реализует натуральную «кирпичную повинность» с жесткой зоной связей в данной местности. И здесь еще не столь существенно, кому принадлежит этот завод как средство производства, а важно, кому принадлежит местность, на которой живут уже не рабы, а крепостные, вынужденные работать на этом заводе, ибо более им деваться некуда – вся местность поделена, все к ней прикреплено. Объектом собственности здесь оказывается «живущая» зона кирпичной повинности этого завода, и актуальны территориальные производственные отношения людей в связи с «пространством производства».

При капитализме все тот же кирпичный завод работает на рынок, конкурирует с другими заводами. Вот здесь самое важное – собственность на сам завод как средство производства, ибо ни рабов, ни прикрепленных к местности крепостных уже не существует и соответственно актуальны экономические производственные отношения.

Наконец, в наших условиях (социализма – ХАТ) тот же самый кирпичный завод вкупе с другими выполняет функцию выпуска кирпичей. Кому принадлежит этот «ничейный» завод как средство производства, в сущности теперь уже совершенно неважно просто в том смысле, что он уже не принадлежит частному собственнику. А вот что теперь важно, совсем иное – теперь вся суть в том, кому принадлежит само «кирпичное дело», т.е. данная («кирпичная») **технология**, соответственно и господствуют отношения людей в связи с этими технологиями. (Кстати говоря, именно Дело, и с прописной буквы, является исходным понятием в «теоретическом» наброске управленца Ю.И. Мухина. Небезынтересно еще заметить, что, так сказать, на 12-й год «перестройки» «трудовик» К. Сабирьянова обратила вни-

мание на то, что в былой системе для работников «работа была поистине правом собственности». **Работа, особо выделяю, т.е. не вещь, а процесс.** Вот в свое время с производственными основаниями одного такого «права собственности» Маркс и разбирался в четырех томах.)».

Из этого условного примера видно, что один и тот же в естественно-технический процесс производства в разных общественно-воспроизводственных формах (градациях или, традиционно, формациях) производства «действительной жизни» обнаруживается, проявляется, «в отношениях людей с совершенно разными объектами обстоятельств производства»: **работники** (рабовладение), «местность» (феодализм), **средства производства** (капитализм), **технологии** (социализм). Поэтому, соответственно, один и тот же труд в «физическом» («кирпичном») содержании осуществляется с совершенно разными мотивациями, интересами, ограничениями и свободами, формами связей и, соответственно, правом. И всё это определяется господствующим типом взаимодействия, то есть в нашем случае (социализм) – функциональным, технологическим типом взаимодействия. При этом само господство этого типа взаимодействия определяется доминирующей собственностью, то есть в данном случае отношениями собственности на технологии.

Социализм эндогенно, т.е. как господствующая линейная форма в своем чистом виде идеального типа доминирующего «верхнего слоя», не имеет никакого отношения ни к культурно-родовым, ни к демографическим, ни к территориальным, ни к экономическим отношениям, а также ко всему множеству понятий, их описывающих. Господствует, то есть доминирует в линейной форме ограниченная, или иначе необщественная (но вовсе не частная), собственность на технологии (функции), которые являются процессуальными объектами (процессами) и которые известны в классическом марксизме как «обстоятельства производства».

А.С. Шушарин так определяет технологии: «Технологии – это и не люди, и не средства производства, и не бес-

численные технологии в квазивещественном (тем более физическом) смысле, а взаимосвязанно осуществляемые, реализующие коллективный навык приемы труда, знания, **процессы производства**, своего рода узлы или, по моде, «кластеры», связанной взаимодейтельности людей. Господствующие же, доминирующие отношения людей в связи с этими технологиями или процессами производства и образуют **плановую, отраслевую, линейную форму**».

С другой стороны, «...в самых первых представлениях технологии обнаруживают (проявляют) себя юридически в виде бесконечно разнообразных участков, цехов, бригад, служб, отделов, лабораторий, далее – предприятий, НИИ, колхозов, совхозов, более крупных образований. В основе всех этих внешних, юридико-организационных форм и лежат ячеисто взаимосвязанные процессы производства, технологии. Все эти технологии по своему существу никогда не могут находиться в частной собственности (хотя отношения с ними, конечно, могут быть капитализированы); они всегда неотделимы от коллективной, совместной (соорганизованной) деятельности людей как «живущие участки производства» (вспомним «живущую пашню»). Но, будучи неотделимыми от деятельности людей, технологии тем не менее есть внеиндивидуальные, объективные процессы, которые в качестве доминирующего объекта обстоятельств производства и оказываются в ограниченной (необщественной) собственности, в узурпации».

Технологии и отношения с ними, как с прочими, ранее упомянутыми базовыми объектами действительной жизни были и есть всегда, во всех градациях общественного развития. Так, например, в изначальной градации «первобытность» костер, загонная охота, лук и стрела и пр. – это уже технологии. Но вот сами отношения с этими технологиями как типом господствующих отношений были только потенциальными и достигли своего высшего, предельного и критического состояния узурпации именно в линейной форме производства.

Производственные отношения в линейной форме производства в связи с технологиями называются **технологическими, или функциональными, или отраслевыми и плановыми**. В чистом виде технологические отношения логически ортогональны объективно и семантически (в описании) всем прочим производственным отношениям, культурно-родовым, демографическим, территориальным и экономическим.

2.1.2. Функциональное взаимодействие (симметрия)

Согласно «Полилогии...», результатом логического деления *«действительной жизни»* общества являются следующие типологические объекты, объемлющие всё множество конкретных объектов: *«общая жизнь»* как само существование homo sapiens; *«работник»* как человек-созидатель и специалист в любой трудовой деятельности; *«пространство производства»* как местность «самодостаточного» проживания; *«средства производства»* как средства (орудия) и предмет труда; *«функции, технологии»* труда как исполняемая производственная функция (работа) отдельного исполнителя или коллектива бригады, предприятия, отрасли и т.д.; а также *«информация»*, *«знания»* и пр.

Главным, доминирующим объектом действительной жизни, «божественным социальным», целью и богатством жизни при социализме являются **«функции, технологии»**, а не «средства производства» (капитал, деньги и вещи), что свойственно капитализму. Механизмом взаимодействия агентов производства в связи с производством и воспроизводством этого объекта (функции, технологии) действительной жизни является **«соисполнение»**, тогда как при капитализме доминировал «товарообмен». Наконец, выражением материально знаковых отношений при социализме являются **«статусы, документы»** исполнителей (лиц и коллективов) в отличие от «денег» в условиях капитализма.

Таким образом, по чисто формальной аналогии с формулой обращения капитала $D-T...P...T^*-D^*$, формулой соисполнения воспроизводственного процесса при социализме, точнее, формулой социалистического способа производства является неуклонный рост статусов (статус-функция-статус*):

$$C-Ф...P...Ф^*-C^* \text{ и т.д.,}$$

где C – статус, документы;

$Ф$ – функция, технология;

P – производственный (воспроизводственный) процесс.

Следовательно, ничего общего между социалистическим и капиталистическим способами производства нет даже в названиях. Однако есть более общие категории для описания различных процессов производства и воспроизводства действительной жизни (и не только капиталистического и социалистического способов, а также первобытного, феодального и др.). Это базовый «объект производственных отношений и отношений собственности», то есть объект производства и воспроизводства как логическая часть действительной жизни, а также «механизм взаимодействия агентов производства» и «материально-знаковые отношения».

Приступая к разбору основных понятий процессов соисполнения функций, А.С. Шушарин пишет: *«В целом пока можно сказать так: вместо обмена, товара, потребительной стоимости и стоимости товара (в товарном производстве) в функциональном производстве соответственно выступают соисполнение, функция, работа и положение функции. Но если обмен товаров осуществляется на основе равенства (величин) их стоимостей, то соисполнение функций осуществляется логически радикально по-другому, на основе **соответствия** (величин) положения функций. Функциональность здесь и обнаруживает себя именно как **связь соответствия**...»*. То есть вместо стоимости капиталистического способа в социалистическом способе производства

соответственно имеет место «положение функции» как конкретное выражение и «элементарное явление», относящееся, скажем так, к категории «объём (труда)» базового объёма воспроизводства.

«В первом приближении соответствие функций оказалось связанным с абстрактным трудом, выраженным в виде некоторых обобщённых численностей коллективов. В отличие от стоимости товара, положение функции в её первом превращении в количественную величину выступает как объём функции (величина положения), определяемый не величиной затрат абстрактного труда, а скоростью его затрат, мощностью. <...> В частности, логическое произведение объёма функции на время её выполнения оказывается «стоимостным» выражением выполнения этой функции, <...> «в чистом виде» обмена (выявляющего стоимость) здесь не существует».

Логика вышеупомянутого соответствия проста. Например, условно, функции 10 проектировщиков завода соответствует функция 100 строителей корпуса этого завода, она же в свою очередь соответствует функции 200 монтажников оборудования, всем им соответствуют функции 50 транспортных, обеспечивающих стройку и подвоз оборудования. Очевидно, что величины 10 : 100 : 200 : 50 как характеристики положений функций никак не равны, но само положение функций есть отнюдь не менее точное соотношение (соответствие), чем равенство (стоимостей при товарообмене в капиталистическом способе производства). Поэтому в конечном итоге при заданных нормативных условиях строительства необходимы именно данные численности и данное соответствие функций как атрибутов более высокого способа (уровня) производства и труда, чем какие-либо объёмы финансирования (стоимости).

Если допустить некоторую вольность, то **объём функции**, или **величина положения**, являющаяся «*первым превращением в количественную величину*» и представляющая «*скорость затрат абстрактного труда*», или его «*мощность*»,

можно уподобить «исторической мощности», но не в «лошадиных силах» (л.с.), а в «человеческих» (ч.с.). Разумеется, речь идёт в первую очередь об абстрактном труде и, если так можно сказать, об «абстрактных людях», что позволяет преодолеть возникающие коллизии вокруг «сложного труда» и сводить объём функции к «простым человекам» (по аналогии сведения к «простому труду»).

Каждая функция, как работа, имеет вполне конкретно-определённое содержание, которое, как и всякая работа, характеризуется **качеством** работы, то есть «уровнем выполнения некоторых общественно признанных требований к свойствам работы». Таким образом «положение функции» в первом приближении характеризуется как мощностью, так и качеством. Поэтому соответствие любых двух и более связанных функций обеспечивается не только количественно через мощность, но и качественно – свойствами. Вследствие этого мощности разных качеств (различной специализации) соотносимы через соответствие в общем процессе производства и воспроизводства действительной жизни, но несоизмеримы (не взаимно заменяемы) в силу различной специализации.

Наконец, как отмечается в «Полилогии...», *«объём функции суть величина общественно-необходимого труда при его социальной равнонапряженности (меняющейся лишь «эпохально») во всем синхронном функциональном производстве, а интенсивность характеризует бесконечно возникающие и исчезающие индивидуальные, групповые, отраслевые и т.д. различия в этом расходе. Так что если узловой метафорой выражения особенности труда в товарной симметрии является равенство количества труда (в обменах), то в функциональной симметрии это – равенство напряжённости труда (в соисполнении)».*

Здесь же есть необходимость провести разграничение и соотношение между производительностью труда в капиталистическом способе производства и эффективностью (организованностью) процессов труда в функциональном

(социалистическом) способе производства. В вещном (капиталистическом) производстве, как известно, производительность труда есть мера количества «вещей», производимых в единицу времени. В функциональном производстве, более сложном и с процессовым базовым объектом (функция есть процесс), *«эффективность труда определяется мощностью функции, приходящейся на одного работника, т.е. всегда связана не с абстрактной (объёмной), а с конкретной стороной труда любого рода... <...> эффективность означает выполнение необходимой работы бесконечно малым объёмом функции»*. В этом плане весьма характерны известные всем выражения типа: «Он работает за троих», «Один семерых стоит», «Они сработают за целую бригаду» и т.п.

*«Производительность и эффективность – это количественные моменты совершенно разных качеств, разных типов общественных форм конкретного труда. ... Это атрибуты разных общественных механизмов, «обменного» и «соисполнительного»». Эффективность выполнения функций (процессов) лишь в частных случаях вещного производства сводится к производительности труда. «Более адекватной или дополнительной характеристикой труда здесь должна быть **организованность**; что опять же совсем не эквивалентно ее какой-то, тем более всегда конкретной, величине».*

2.1.2.1. Промежуточная и полная форма «закона положения функций»

Социалистическое, функциональное производство представляет собой диспозитивную сеть соисполняемых функций (капиталистическое производство есть спонтанно и хаотически существующее множество разрозненных самостоятельных производств со случайными связями). *«Соисполнение функций осуществляется на основе соответствия положения смежных функций, а величина положения, объём*

функции, определяется общественно необходимым трудом её выполнения. Назовём это концентрированное выражение функциональной симметрии в сети промежуточной формой «закона положения функций».

Этот промежуточный закон, в отличие от закона стоимости в капиталистическом производстве, в абстрактной диспозитивной сети функций *«сам по себе никак не выполняется»*. Это связано с более сложной организацией функционального производства в целом в данном обществе. Если, к примеру, товаропроизводитель (капиталистический способ) в сравнении со своими конкурентами начинает работать неэффективно, то вследствие соответствующего падения продаж или дохода, то есть через посредство знаков в форме денег и цен («сигналы рынка») он тут же ощутит последствия своей неэффективной деятельности через главные ценностные атрибуты этого способа производства. В результате под угрозой разорения будут приняты меры по повышению, капиталистическому повышению (!), эффективности, иначе – крах.

Однако если исполнитель функции начинает работать неэффективно, например, непроизводительно, то он этого никак на себе сразу не ощутит, хотя его партнёры (агенты производства) на последующих этапах производственного процесса это почувствуют сразу. Однако эти агенты-потребители не имеют практически никакого непосредственного влияния на данного исполнителя производственной функции; не имеют влияния и даже не знают об этой неэффективности агенты-партнёры предшествующих взаимосвязанных функций. И это происходит несмотря на то, что функциональное взаимодействие (производство) в своей основе является диспозитивным (то есть со строго фиксированными связями агентов производства), ибо *«в то же время никак не сводится к диспозитивной сети»*.

И если рыночный процесс является, можно сказать, саморегулируемым на основе «символического посредника» в форме денег (доходов, прибыли) как главной ценности капиталистического производства, то и функциональный процесс

также регулируется, но уже с участием иных, свойственных данному процессу посредников и системы ценностей. На этот счёт А.С. Шушарин пишет следующее: *«Подобно тому, как обмен товаров нуждается в «третьем» товаре (деньгах), соисполнение функций (процессов) нуждается в «третьих» функциях (процессах), в управлении, каковое и имеет дело с материально-знаковыми (выражаясь экономически, «сигнальными») отношениями функционального производства. Или всё теми же «символическими посредниками» ...»*. Рассмотрим несколько подробнее логический путь от «объективного положения функции к его общественным знаковым выражениям», путь, который подобен когда-то пройденному классиками от «объективной стоимости к её же знаковому (денежному) выражению (цена)», однако значительно сложнее и неуловим.

В частности, сложность этого пути состоит и в том, что *«в коренном отличии от обмена, соисполнение равномерно-го знака не имеет»*. При этом, как отмечается в «Полилогии...», *«соисполнение функций кроме «горизонтальной», диспозитивной сети нуждается в «вертикальной» структуре, в иерархии административного отраслевого управления, органы которого и имеют дело со всей не универсальной, а конкретно-существенной (адресной, локально-значимой) документной, материально-знаковой стороной функционального производства»*. Относительно административного управления и его общих функций К. Маркс как-то написал очевидную, но примечательную фразу: *«Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижёре»*.

В нашем контексте можно сказать, что капиталистический способ производства – это масса разрозненных «отдельных скрипачей», услаждающих слух отдельных граждан и обеспечивающих тем самым своё существование и возвышенное существование прочих граждан. Функциональный способ производства – это хорошо слаженный оркестр страны, управляемый дирижёром (управленцем) и обеспечивающий тем самым как своё существование, так и «возвышенное»

существование всех сограждан страны. А «материально-знаковой стороной» такого функционального, конкретно музыкального производства являются ноты, партитуры и программа выступления оркестра (документы), а также оперативное (ручное) управление с помощью дирижёрской палочки, объявлений об исполняемых произведениях и даже общих поклонов аплодирующей публике.

Короче, «в самом общем виде материально-знаковое отношение функционального производства проявляется в потоке **документов** самых разных типов, классов, разновидностей, далеко не всегда количественных в простом численном смысле (например, кому, для кого и что делать), но как документов именно управленческих (а не специально-научных, чисто и конкретно технических, конструкторских, инженерно-технологических, поэтических или политических). <...> Так, примерами **текущих документов** являются **заказы** (заявки), **наряды** (задания) на требуемые работы и **накладные**, фиксирующие их выполнение. Совокупность заказов в результате ритмически-непрерывного **согласования** образует **планы**, а совокупность накладных в результате непрерывного соисполнения функций образует **отчёты**, а всё движение функционального производства и предстаёт как **планомерное**, логической сущностью которого и одновременно общественной формой соисполнения функций и является «плановый торг» как **согласование** посредством управления и в сфере техномимики. Обратим внимание, что и при капитализме хоть и нетипичные, но «институционализированные связи фирм», или длительные контракты, тоже являются **соглашениями**. Не говоря о внутрифирменных процессах, каковые сполна не рыночные, знаково не денежные, а документны.

В обличительной форме это явление, так сказать, «первоначального накопления» линейной системы (социализма – ХАТ) заметил гений В. Маяковского: должность Победоносикова – начальник главка по управлению согласованием (Главначпунс).

Таким образом, согласование интересов – главная функция управления на институциональном уровне, понимаемом также как производство, как собственная ультраструктура «непосредственного», всё того же функционального производства. Само же согласование происходит в объективной, материально-знаковой (документной) форме именно функционального производства обычно в виде типичных «*универсальных соглашений*» как стандартов.

Однако эффективность управленческого труда, конкретная мощность исполнителя функции управления хотя и вполне реальна, но существует не самостоятельно, а только как эффективности основной функции участка, цеха, завода и т.д., то есть как мощность работы, приходящейся на работника этого коллектива.

В реальном процессе соответствие объёмов функций постоянно нарушается, соответственно образуются перенасыщенности и недооснащённости, простои и перегрузки и т.д., но все эти, пока неизбежные, отклонения всякий раз вновь компенсируются перераспределением работ, исполнителей, мощностей функций или изменением всей структуры связей соисполняемых функций (работ), то есть **посредством функций управления**, которые в целом и обеспечивают эффективность или, иначе, организованность производства.

А.С. Шушарин отмечает: «*В целом же закон положения функций (теперь уже в полной форме), как и закон стоимости, апостериорен (после опыта – ХАТ), пробивает себе дорогу «за спиной» участников, всегда утверждается как нечто уже сложившееся, причём включая в свою сферу и сами функции управления.* <...>

Поэтому в общем случае функционального взаимодействия, если прибегнуть к символической (ещё далёкой от любых математизаций) форме, объём функции (P) представляет собой сумму объёмов основного (Q) и управленческого (Y) труда:

$$P = Q + Y. \quad (1)$$

В абстрактно чистом функциональном взаимодействии это «мощностное» соотношение (в простейших формах проявляемое в численностях) выполняется как для отдельных функций в сети, так и для всей иерархии, и даже в безразличии (относительности) выбора уровня горизонтального сечения, отделяющего управленческие и основные функции».

То есть имеет место **динамическое соответствие исполняемых функций, включая функции в иерархии управления** как ультраструктуре производства.

В этом превращении положения функции её собственной ультраструктуры в объём (в собственную величину) и состоит проявление **полной формы закона положения функций** – главной объективной «механики» образования объёмов и их соответствий согласно общественно необходимому труду соисполнения функций.

2.1.2.2. Статусы функций (коллективов и лиц): невная, но основная знаковая форма

Рассматривая выше материально-знаковые формы отношений как документы, имелись ввиду главным образом *«текущие документы»* (заказ-наряды, планы и отчёты), однако помимо них существуют и документы совершенно другого рода, *«например, положение об отделе, о цехе, заводе, НИИ, об объединении, о главке, министерстве, Госплане, Совмине и т.д., а также многообразные должностные инструкции. В сравнении с текущими это документы относительно постоянные и «неподвижные».* <...> *Все эти документы, в их, тоже огромных, конкретных многообразиях, будем называть инструкциями».* Это своего рода писанные и неписанные, можно сказать, стандарты самих взаимоотношений.

А.С. Шушарин пишет: *«В основе всех этих относительно постоянных инструкций в их многообразиях, самыми инвариантными «документами», обслуживающими функциональное производство, и являются невидимые, но образующие*

самую глубокую и твёрдую знаковую (если угодно, образно-смысловую) реальность **статусы функций** коллективов и лиц, собственно и проявляющихся (как в «следах») в предъявительских и императивных инструкциях. Статусы присущи всем коллективам (подразделениям, предприятиям, объединениям и т.д.), в том числе органам управления, а как ранги – и всему (в том числе незанятому) населению; но прежде всего занятому в виде **простых должностей** непосредственных исполнителей, **должностей руководителей**, представляющих (оформляющих, выражающих) соответствующие **коллективы**, а, в конечном счете, соисполняемые технологии. Статусы и есть **основная знаковая (смысловая) форма** бытия технологий, и, как следствие, коллективов и лиц».

Эти статусы, как материальные знаки, проявляются лишь «в своих следах», но, тем не менее, являются **объективными, материальными и весьма и весьма жёсткими формами** или образными смыслами (которые, напомню, не тождественны самой плоти «осмысляемого», т.е. самим ценностям)».

Несколько слов о «следах».

«Расход абстрактного туда, заключённый в объёме функции, требует для самовозобновления вполне конкретного «прихода», т.е. объём функции выступает не только как положение функции среди других, но одновременно и как благосостояние или, лучше, **благополучие** (можно даже образно уточнить – процессуальное же «благополучение») агента функции. <...> Благосостояние – это уже не относительная, а абсолютная сторона объёма, т.е. общественная форма (абстрактное) жизнеобеспечения (конкретное) агента функции, безразлично, индивида, малого или огромного коллектива. Это благосостояние (благополучие), как определённая форма богатства, не продукты и пр., а тоже форма процессуальной субстанции, **поток жизнеобеспечения**. Вся сфера жизнеобеспечения здесь тоже функционализирована и представляет собой совокупность производственных конечных функций...».

Эти конечные функции обеспечивают, через коллективы или индивидуально, удовлетворение жизненных потребностей граждан – *«продовольственное и непродовольственное обеспечение, жильё, коммунальное и бытовое обслуживание, общепит, транспорт, связь, здравоохранение, отдых, туризм, спорт, учреждения культуры, воспитания, образования и т.д.»*. Разумеется, что перечисленные явления-функции коррелируют с другими взаимодействиями, что в целом и образует объективно-логический тип, или срез, бытия. Поэтому агенты конечных функций, как и агенты всех других функций, получают от обеспечиваемых ими агентов (коллективов и лиц) текущие документы, фиксирующие в материально-знаковой форме самого управления как учёта, отчёта, планирования, т.е. согласования, собственно «факты и планы» осуществления этого жизнеобеспечения. Автор «Полилогии...» пишет о реальном социализме СССР: *«Строго говоря, когда мы покупаем в магазине продукты, то уплаченные за них деньги – это совсем не деньги (или не совсем деньги), а документы, выступающие в качестве закрытого нами обратимого наряда (т.е. многократно используемого), свидетельствующего о том, что мы обеспечены магазином»*.

«Формой выражения благосостояния (благополучия) являются предъявительские потребительские инструкции («права»)». Они не сводятся только к заработной плате, и вовсе не потому, что есть ещё вид благополучения в форме общественных фондов потребления. Эти инструкции являются знаковым проявлением и документной формой адресных, сетевых связей производства и потребления. К числу таких потребительских инструкций благосостояния (благополучия) помимо денег относятся всевозможные ордера, талоны, направления, прикрепления, путёвки, свидетельства всяческих привилегий, льгот и пособий: управленческих, профессиональных, квалификационных, отраслевых, научных, региональных, наградных, воинских, ветеранских, материнских, инвалидных, пенсионных, учебных и пр., а равно и учреждений (данное подразделение, данное предприятие). При

этом деньги, получаемые в виде зарплат, надбавок, выплат и премий являются «совсем не деньгами», а лишь просто обратимыми, многократно используемыми, причём относительно безадресными, документами. В отличие от одномерного денежного и безадресного выражения благосостояния в товарном производстве, в функциональном производстве выражение благосостояния само по себе *«многомерно, а потому и по форме документно»*.

Всё количественное в функциональности необычно. Это наглядно проявляется уже в иерархии. Так, если в отношении цен двух любых товаров можно арифметически точно утверждать, какой из них и во сколько раз дороже другого, то в функциональной иерархии можно столь же определённо утверждать, что директор «главней» начальника цеха, но вот во сколько раз – точного ответа нет и не существует. «Математика» функциональности в сравнении с товарностью, можно сказать, более понятийна, образна. *«Шеф – подчинённый»* – отношение однозначное, но объективно, как цены, *«невычислимое»*.

Но не только благосостояние (благоплучение) выступает для человека реальной ценностью. Не меньшее, а порою и решающее значение для человека имеет, наряду с благосостоянием, трудосостояние в широком смысле условий труда и его обеспеченность. Статусной формой и документным выражением трудосостояния являются *«предъявительские инструкции трудосостояния»* (трудообеспечения, трудоулучения), которые фиксируют обеспечение, обслуживание, снабжение, оснащение и т.д. любой функции производства в виде всевозможных адресных фондов, лимитов, прикреплений (постоянных контрактов) и т.д. *«неценовых»* форм выражения связей в диспозитивной сети производства, в его техномимике.

Неотъемлемой для функционального производства ценностью и необходимостью также являются статусные формы в виде *«императивных инструкций»* (обязанностей) коллективов и лиц. В абстрактно-чистом функциональном произ-

водстве все работают на заданных потребителей, имеют заданных поставщиков, что, разумеется, не исключает и самой динамики этих отношений. Соответствующими обязывающими документами и являются императивные инструкции коллективов и лиц, в частности, в виде возложенных функций, контрагентов и пр. Таким образом, с учётом предыдущего, *«в целом ценность в функциональном производстве можно назвать организованностью бытия»*, которая, однако способна также и к своему перевёртыванию, к превращению в *«заорганизованность и дезорганизованность»*. В субъективных формах организованность бытия особенно ярко проявляется в таких явлениях как социальные и трудовые гарантии, уверенность в будущем и др.

Итак, «Полилогия...» утверждает: *«Статусы не существуют в явно, непосредственно «осязаемом» виде; они проявляются как «следы» в совокупности предъявительских и императивных инструкций в сфере технико-экономики производства, фиксирующих благосостояние и трудосостояние, организованность бытия («права») и разведение («обязанности») коллективов и лиц, а также в рангах незанятого населения в функциональной форме знакового выражения обеспечения до- и послепроизводственных трудовых ресурсов. Как в абстрактно чистой товарности агент есть то, «сколько он стоит» (число), так и в чистой функциональности агент есть то, каков у него статус, но уже многомерный, к числу несводимый, а потому и всегда в чём-то неявный, но глубоко смысловой. <...>*

Статус суть отношение, жёсткая смысловая субстанция, но никогда к своим выражениям не сводимая, ибо предполагает не только внешние атрибуты, но и всякого рода авторитетность (а это отношение) коллективов и лиц в их совокупной диспозиции и иерархии».

«Денежным» проявлением статусов являются тарифные сетки, должностные оклады, пенсии и т.д., а для коллективов – фонды заработной платы и другие выплаты. Но всё

же это знаковые формы не вещественно-продуктовых и не товарных, а потоковых субстанций благосостояния (благополучия), которые неотделимы от неких неденежных форм и многомерных адресных связей.

Статусы, как и цены товаров, – тоже ярлыки, но только сложные и необходимые для функциональных процессов. Это ярлыки незримые, которые прикреплены к самим коллективам и лицам и проявляются лишь в инструкториях.

А.С. Шушарин пишет: *«Короче говоря, «без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек». Но и рано, однако, возмущаться и злобствовать. <...> Всё это совершенно безобидные нормальные ярлыки, или «символические посредники», в смысле Парсонса, разных базовых взаимодействий. Поэтому вовсе не невинные сами по себе знаки превращаются в ложные смыслы, фетиши, нелепости, самостоятельную силу и пр., а причиной этому являются соответствующие отношения собственности...».*

Статусы в качестве объективного знакового (смыслового) выражения объёма функции «прикреплены» к агентам производства как исполнителям технологий сообразно действию закона положения функций. *«Именно статусы обслуживают соисполнение всех функций посредством управления (...) и замыкают объёмы функций между собой в целое и на работу конечных функций. <...> В функциональном производстве, как процессуальном, «универсалией» выступает тоже процесс (не вещь), тоже некоторая технология как сама материально-знаковая деятельность, т.е. и особый (специальный), но и самый обычный управленческий труд, имеющий дело с документами, в том числе «оформлением» статусов (точнее, инструкций), складывающихся, конечно, независимо от самого управления в материальном соисполнении функций, прежде всего, в самой диспозитивной сети. И, между прочим, знаменитое «телефонное право» (реальное, кстати, как «голосовое», внутри любой артели или любой капиталистической фирмы) – это своего рода «разменная монета» в сфере документного обращения».*

2.1.2.3. Функциональное равновесие

Итак, **простое функциональное производство** – это **вертикальная иерархия** управления и горизонтальная совокупная диспозитивная **сеть функций**, образующих в целом так называемую **функциональную пирамиду** как нечто тождественное объективно-логическому типу взаимодействия, а именно – **соисполнению функций в его общей форме планомерности**.

В укрупнённом виде структура функционального производства в силу его имманентной замкнутости может быть представлена следующим образом:

- *главные* производственные (промежуточные, связующие, обеспечивающие) функции, **Рпр**;
- *конечные* производственные (жизнеобеспечивающие всё функциональное производство, все прочие функции, в том числе **Рп** и **Рн**), **Рпр.к**;
- *политические* функции (оборона, право, идеология, политические учреждения, внутренний порядок и пр.), **Рп**;
- *нетрудоспособное* потребление, **Рн**.

Понятно, что в соответствующем замкнутом на себя графе взаимосвязей функций имеют место только потоки в формах **соответствия** объёмов функций (как нет каких-либо равенств, «затрат-выпусков», «спроса-предложения» и т. п.), ибо процессы, суть функции, не складываются (как вещи) и не выражаются в величинах овеществлённых субстанций, а лишь вступают **в соответствия**, или – несоответствия и рассогласования. Однако они могут соединяться, разъединяться, дробиться, комбинироваться, ускоряться, замедляться и т.д., но только не складываться, суммироваться, вычитаться и отниматься, ибо в функциональности вообще нет никакого продукта, а есть только функции. Эти структуры функциональности, как технологические структуры общественного труда, в первом приближении суть только численности их (исполнителей) и некоторые относительно сопоставимые представления эффектив-

ности или организации труда (интенсивность, простои, перегрузки и пр.).

В этой связи несомненный интерес и практическую пользу имели бы бюджеты времени, которые, будучи наложены на этот граф, отражали бы объёмы соисполняемых функций в пространстве «технологизированного производства». А.С. Шушарин пишет: *«Вероятно, вполне возможно построение (укрупнённых, в разной степени детализированных) функциональных балансов соисполнения функций, включающих структурно все обеспечивающие и обеспечиваемые связи, а предметно – кроме хорошо известных, домашний труд, воспитание, здравоохранение, обучение, досуг, исследования, оборону, правоохранительную деятельность, наконец, и всюду «рассредоточенное» управление. Константой таких балансов является всё социальное время общества в виде всего населения, включая младенцев и старцев, так или иначе участвующего в воспроизводственном процессе».*

Даже простой анализ такого графа современного общества России послужил бы не только конструктивной критикой неэффективности хозяйствования нынешнего руководства страны, но и вооружил бы прогрессивные силы новым видением будущего страны и направлений её развития, а также послужил бы мощным средством агитации за прогрессивные, в смысле функционализации в целом страны, идеологии политических партий.

В целом подобный граф отражает следующий исходный *«формализм»* – *«функциональное производство нормально «живёт как работают люди» или «люди работают как живут», что тавтология».* То есть, иными словами, общественное благосостояние людей, или благополучие, – это и есть работа конечных функций. Их осуществление и есть одновременно *«благополучение»*, что собственно и определяется (соответствует) структурой технологической занятости (за исключением политических функций, имеющих иную природу).

Таким образом, «Полилогия...» утверждает: *«Действие закона положения функций и состоит в том, что в среднем выполняется соотношение, при котором статусы (в своём предъявительском, потребительском содержании «благополучения», в частности, всё тех же льгот и привилегий) агентов всех функций равны мощности конечных функций, т.е. благообеспечению».* В этом, собственно, и состоит метафорическая суть выражения функционального равновесия (симметрии) простого функционального производства. И как тут не вспомнить для сравнения суть равновесности в товарном производстве, «которое у Маркса выступало в краткой форме выражения как среднее равенство цен обмениваемых товаров их стоимостям».

В этой связи следует особо отметить, что в градации «социализм» при доминирующем функциональном способе производства (градации абстрактной, но уже композиции всех способов производства) *«все «денежные» явления – это тоже уже постэкономические, техномимические способы расчётов, которые только лишь в части снятой денежной формы балансирования статусов и конечных функций, соответствия объёмов всех функций, являются классически бухгалтерскими, экономическими, в частности в виде кассового баланса системы Госбанка. Вся эта система подчинена (снята) статусной структуре, так сказать, исполняя её в денежной части».*

Итак, абстрактное равновесное состояние характеризуется тем, что *«нет лишних, необеспеченных статусов, а потому нет «длинных» очередей; нет невостребованных, в том числе конечных функций; нет бесполезной работы и недостающих статусов; все потоки сбалансированы; нет переоснащений и недооснащений функций; нет бездеятельности или перенапряжений; нет «лишнего» управления и т.д.».* Разумеется, что всё это надо понимать как некую научную абстракцию идеальной, никогда не существующей, модели функционального производства, позволяющей понять и осознать суть и основные законы этого типа производства.

В чисто функциональном производстве как типе симметрии есть только «функциональные люди», агенты (коллективы и лица), обезличенно и сполна представленные статусами. Однако человек может одновременно и поочередно выступать агентом различных функций, но это проясняется и реализуется только в более полном анализе градаций, являющихся композицией одновременно и одномоментно реализуемых всех известных чистых способов производства (чистых эндогенных форм – ЧЭФ).

Кроме того, описанное выше чистое функциональное производство, базовая абстракция, *«объективно крайне неустойчиво, а тем самым и «физически» как таковое в принципе никогда не возможно»*. Другими словами, простое функциональное производство как таковое, предоставленное самому себе, в мгновение ока превратилось бы в энтропийное скатывание. Такое превращение подобно тому историческому факту, когда простое товарное производство скатилось в капиталистическое производство со всеми его атрибутами, когда большая часть агентов превратилась продавцов своей рабочей силы, меньшая часть – в нанимателей. При этом, в силу «скатывания» к частнособственническим и более устойчивым отношениям, порождается всем известный ныне негатив капитализма, в том числе и такой, как экономическая эксплуатация и экономические кризисы. Разумеется, подобной судьбы не избежало и функциональное простое производство, скатившись к реальному социализму, с негативом которого и специфическими атрибутами которого впервые в мире столкнулось первое социалистическое государство – СССР.

Основная причина такого «скатывания», а затем и последующего краха – в собственности на технологии (функции). Логика этого движения та же, что и была (и есть) при капитализме, когда совсем *«невинный, честный рынок привёл к беспардонной власти капитала и денег над людьми, к всепоглощающей погоне за наживой, безработице, стихии кризисов и пр.»*. (Тогда это была так же собственность, частная собственность на «средства производства».)

2.1.3. Отношения собственности на технологии (функции)

2.1.3.1. Характер собственности на технологии (функции)

*«Новая, ограниченная (необщественная) собственность на технологии («старая» – это ограниченная частная собственность на средства производства, которые теперь, при социализме, обобществлены – ХАТ), в самом первом, «компаративистском» понимании, представляет собой общественную форму преодолевающей капитализм или обходящей его технологизации (плановизации) производства, т.е. утверждение нового способа производства, более высокого производственного порядка, «приучения» общества людей к общей плановой дисциплине и соответствующим общественным взаимоотношениям. Диалектика здесь состоит в том, что каждая следующая (в восходящем развитии – ХАТ) форма накладывает на взаимоотношения людей некоторые новые ограничения, новые запреты; но ограничения и запреты такие, которые **освобождают человека**, всё более защищают его от ранее торжествовавших несправедливостей, несвобод, угроз. <...> ...каждый раз это всё более высокий отрицательный (запрещающий) консенсус».*

Далее А.С. Шушарин продолжает: *«Вот и получается, что каждая новая форма необратимо сбрасывает недостатки предшествующей (отрицательный консенсус, восхождение), но при каждый раз более высокой и честной игре по «договорённым» правилам (положительный консенсус) сразу обретает новые несвободы (диссипации) и постепенно обрывает ими. <...> В образных формах выражения это же значит, что «социальная материя» уже в новых условиях подъёма, на более высоком уровне, но всё равно «изыскивает» самый простой, лёгкий («падный», энтропийный) вариант состояния («потенциальная яма»), который рано или поздно неотвратимо обнажается как обезчеловечивающий*

людей. <...> ...если исключить всякие переходные процессы и внутрисистемные эволюции, каждый эндогенный шаг (внутреннего восходящего развития общества – ХАТ) ведёт к установлению «худшего» из возможных (энтропийного) порядка, но на уже «лучшем» из всех предшествующих уровне этого порядка». Очевидно, что этот «лучший уровень» означает отсутствие доминирования «средств производства» и существование их в основном в обобществлённой форме собственности.

Итак, основной негатив и все беды социализма обусловлены ограниченной (необщественной) собственностью на технологии (функции), ибо их узурпация с неизбежностью приводит к безраздельному господству исторически высшей, хотя и однородной, формы функциональных (технологических) производственных отношений над всем гетерогенным и разнообразным богатством общественной жизни.

С другой стороны, сложное в обыденном и догматизированном экономизмом *«уяснение таинства собственности на технологии»* обусловлена тем, что эта собственность в существующем мышлении воспринимается как нечто очевидное и с само собой разумеющееся. При этом сама суть господствующей и отжившей формы для всех остаётся как бы святой, вечно неизменной, а поэтому и неприкасаемой. Это в значительной мере объясняет её трудное преодоление в восходящем развитии и спонтанно лёгкий срыв к исторически недавно пройденному.

Технологии – это сами выполняемые коллективами *«невинные взаимосвязанные работы»*, диспозитивно и иерархически сгруппированные ячеистые процессы производства, которые при социализме и в его базовой ЧЭФ «функциональная» выступают в качестве доминирующего базового объекта ограниченной (необщественной) господствующей собственности. А так как собственность – это общественный способ связи труда и его условий, а также это производственные отношения людей по поводу некоторого доминирующего объекта обстоятельств производства, то А.С. Шушарин

отмечает следующий «семантический факт» эпохи социализма. Он пишет: *«Поэтому именно моя (не моя), наша (не наша) бригада, смена, лаборатория, фабрика, колхоз, совхоз, кафедра, институт, отрасль, наука и т.д. и являются простейшими субъективными и социально-семантическими проявлениями собственности на технологии в форме статусов как доминирующих **смыслов** бытия. Понятно также, что это же наипростейшее «изоморфное» свойство любого объекта как раз и расшифровывает его, как всегда, определённую **ценность для человека (иначе – «пустой звук») и одновременно общественную форму богатства** (как благополучия)), в связи с которым и складываются отношения людей, собственности. А в функциональном производстве **богатством (благополучием) и являются процессы производства, а именно технологии, общественные формы ячеей и взаимосвязанной работы».***

Далее он продолжает: *«Но вот то, что технология является собственностью коллектива, а этой собственностью как совместным и взаимосвязанным процессом труда распоряжается (конечно, не во внешнем, юридическом смысле) по своему собственному разумению каждый обособленный (большой или малый) **коллектив (с его же администрацией), а не общество** – это и есть сама собой разумеющаяся данность, представляющая настолько естественной, абсолютно нормальной, морально-положительной, что всё то, что мешает этой собственности, выглядит просто предосудительным».*

Итак, несмотря на то, что в производственном процессе идут постоянные изменения, как со стороны обеспечиваемых функций (заказы, требования, условия поставки), так и со стороны потоков от обеспечивающих функций, а сверху сваливается громадьё планов, указаний, инструкций и нормативов (сфера управления), само *«реальное распоряжение технологиями, расстановка людей, организация процесса, использование всех элементов технологии, в том числе и разлюбленных средств производства, – подчёркивает автор*

«Полилогии...», – *незыблемо как гранит, остаётся святым, кровавым делом коллектива, так что и в голову, даже отдалённо, не может прийти, что вообще может быть как-то по-другому. Дико и подумать.*

Однако именно эта собственность, собственность иерархических коллективов на технологии, образует *самое ядро преходящей системы, «глубинный источник всех несправедливостей»* и т.д., нарастающих всё более по мере развития производительных сил социализма. *«Но до поры до времени, – пишет А. С. Шушарин, – сама мысль о том, что данная собственность преходяща и именно она, конечно, как именно доминирующая, и порождает все пороки данного общества, кажется чем угодно: глупостью, несуразницей, нелепицей, экстравагантностью и т.д., ибо диссонирует со всем социальным миропониманием индивидов, со всей укоренившейся практикой, и просто когнитивно (понятийно, осмысленно – ХАТ) не сопрягается с господствующим во всех головах языком и мышлением, менталитетом данного общества. Ведь именно эта собственность и обеспечивает форму благосостояния (благополучия), является исторической доминантой всех ценностей для человека, основой смысла бытия в данной системе, способом организации труда и всего производства. Между тем именно самостоятельность людей как собственников в отживших с некоторых пор формах производства напрочь и лишает самостоятельности людей как людей».*

И как бы ни ругали и «обличали» плановую систему развитого социализма, как бы ни выискивали её недостатки и просчёты, *«никто даже не заикается об имманентной ей собственности, т.е. самой сути системы».* Часто «спиритуализм» этой системы производства, как правило, связывают с её ультраструктурой (только институтами) в образах власти, бюрократии и государства.

Подытоживая анализ характера собственности на технологии (функции), А.С. Шушарин так оценивает состояние научного познания общества силами «развитого социализ-

ма): *«Линейная же форма – «лишь ступенька», на которой мы давно застряли, не отваживаясь познать новую, прежде всего именно собственность (на технологии), в силу главным образом экономического догматизма, т.е. **экономической науки** (в виде «планомиксов», а теперь и вовсе рецидивных «экономиксов» либерализма), как раз по самой природе линейных отношений буквально безраздельно захватившей в свою собственность, «технологию» познания основ общественного развития, которое давно выросло из рамок этой науки».*

2.1.3.2. Логическая структура собственности

Собственность на технологии имеет более сложную логическую структуру по сравнению с предшествующими историческими (эндогенными) формами. Это достаточно развитый группо-иерархический характер, что в своей иерархичности формально напоминает **феодалную** собственность на пространство производства, а по **групповым** элементам напоминает **первобытную** собственность на «общую жизнь».

Административная же иерархия вообще, так же как и территориально-административная, и функционально-административная (технологическая) – это *«обслуживающая основные элементы управленческая сторона, но и как объективная, производственная форма, ультраструктура (институт)».*

Поэтому как ультраструктура любая администрация в своей хозяйственной политике может достаточно просто и споро переструктурировать ход производства, но *«вся эта хозяйственная политика суть облачный дым в своём воздействии именно на производственные отношения, собственность, коль скоро они обрели черты целостности, «урегулированности и порядка»».*

Если в парцеллярно-иерархической, автаркической форме собственности *«необходимое замыкание формы в целом*

сходится на вершине номинального монарха», то в группоиерархической форме собственности на технологии это «схождение» не так явно наблюдаемо, несколько туманно и скрыто. «Здесь всё сходится, т.е. осуществляется замыкание иерархии как отношения в абстрактном, но анонимном (групповом, с «собраниями») объективном центре («Совмин», «Госплан» и пр.), тоже номинальном, лишь формально персонализированном, т.е. в котором, как говорится, и концов не сыскать. Функциональный центр (в объективном, эзотерическом содержании центра материальной же ультроструктуры) – это просто объективный орган высшей инстанции согласования соисполняемых функций».

С другой стороны, статусному факсимиле центра по фиксации факта согласования различных перемен, текущих планов, крупных проектов, титульных списков и компаний как бы противостоят «скучные собрания» советских времён, которые, теперь это предельно ясно видно, «скрывали за собой высокую ценность, существенный фактор постденежного отношения к труду!». Теперь об этом можно только мечтать, ибо даже капиталистическая система «человеческих отношений» (коллективное посещение ресторанов, пикники, подарки к праздникам и пр.) так и не даёт информации и знаний о происходящем на предприятии, происходит нарастающее отчуждение работников от целенаправленной производственной деятельности, воспринимаемое, как неуважение коллектива со стороны «новой администрации» и собственника.

К характеристике структуры собственности вообще следует добавить и такое замечание А.С. Шушарина: *«Преобразование капиталистических форм (в их чистом виде) происходили при тяжелейших обстоятельствах в соответствии с теорией Маркса (обобществление средств производства – ХАТ), но сложившаяся система производства к Марксу никакого отношения уже не имеет. Примерно так же, как христиане рабство действительно преодолели, но сложившийся феодализм – не их «работа»; «протестанты» феодализм*

*преодолевали, но сложившийся капитализм – не их «работа». Все новые формы производства объективно **самоутверждаются**, хотя и всегда в субъективной форме действий «преобразователей»».*

*«Итак, – заключает А.С. Шушарин, – **собственность на технологии в своём «чистом виде» имеет не просто групповую (первобытность – ХАТ), не иерархическую (рабовладение – ХАТ), не натуральную (феодализм – ХАТ), не дихотомическую (капитализм – ХАТ) и т.д., но и не аморфную, а совершенно определённую группно-иерархическую объективно-логическую структуру (своего рода «геометрию») иерархии «собраний».***

Её же содержание и есть не что иное, как основное производственное отношение данной системы».

2.1.3.3. Основное производственное отношение

Экономическая наука, как и вся нынешняя социология, знает всего лишь один тип производственных отношений – это историческая форма частной собственности на средства производства, которая господствует в отношениях между людьми при капитализме, это отношения эксплуатации и капитал. Других производственных отношений эта экономическая наука просто не знает, ибо все прочие отношения, кроме экономических, для неё есть либо нечто политическое, или властное, либо юридическое, либо государственное и т.д.

Однако, как утверждает «Полилогия...», *«в более общем смысле основное производственное отношение – это и есть господствующая асимметрия, форма собственности в её качестве всеопределяющей связи, детерминанты поведения участников производства, но каковое нельзя сводить лишь к привычному «парному» (эксплуатация) отношению».* Поэтому самого смыслового выражения этого основного отношения никогда нет в действующем публичном, внешнем обыденном и научном, всем понятном языке данной формы.

Кроме того, сложность данной ситуации и в том, что используя *«натуральность, рынок и план (отрасли, статусы, функции, технологии)»* для (в определённой степени) содержательного наименования соответственно «феодализма, капитализма и линейной системы как реального социализма», необходимо помнить и понимать, что они *«как таковые были, есть и будут в любых системах, от пещерного до андрометского»*, все вместе и одновременно. И эта ситуация есть, можно сказать, следствие проявления базовых симметрий, равновесного состояния развития.

Однако *«господство, доминирование – совсем другое дело»*. Поэтому, если господствует натуральность, то это – феодализм (автаркия), если господствует и доминирует рынок – капитализм, а вот если господствует планомерность или функциональность, или отраслевые формы, то *«даже какого-то смутноватого термина во всей реальной хозяйственной семантике просто нет»*. Здесь следует заметить, что, строго говоря, использовать термин «социализм» (что мы делаем часто в нашем изложении) не совсем корректно, ибо реальный социализм СССР – это нечто более массовидное и многообъемлющее, относящееся к области экзогенной логики межстрановых (межреспубликанских) отношений и взаимодействий. При этом, что в данном контексте немало важно, сам термин «социализм» в своей семантике никак не связан, опять-таки семантически, скажем так, с атрибутикой самой линейной формы подобно названиям упомянутых систем, то есть с доминирующим фактором.

В этой связи А.С. Шушарин пишет: *«С преодолением феодализма «в чистом виде» всё базово инвариантное местное, территориальное, натуральное, «пространственное» и пр., деформируясь, никуда не исчезает, но автаркия, бесчисленные границы и феод пропадают; с преодолением капитализма «в чистом виде» всё базово инвариантное обменное, товарное, денежное, рыночное, стоимостное и пр., деформируясь, никуда не исчезает, но капитал пропадает. А вот в линейной форме в чистом виде всё базово инвариантное*

достаточно ясно – *соисполнительное, функциональное, плановое, технологическое, отраслевое, статусное и пр., но вот для атрибутики отношений преходящей формы (вроде «рабства», «феода» или «капитала»), т.е., по сути, для самого главного, в самом реальном хозяйственном, научном, идеологическом дискурсе образно подходящего «слова» пока даже не нащупывается».*

О «линейности»

С другой стороны, следует внести некоторую ясность и по поводу самого термина «линейность».

Ранее так или иначе уже неоднократно отмечалась линейность структур и процессов функционального производства реального социализма (СССР). В «Полилогии...» следующим образом понимается «линейность»: *«Под линейными понимаются системы, свойства которых не меняются при изменении их состояния, они не зависят от величин, характеризующих их состояние (...); для нелинейности характерна случайность, влияние малых причин на большие изменения, изменчивость связей и т.д. <...> Короче говоря, производственные структуры функционального типа в общественной мысли, пока ещё робко, но всё чаще связываются с какой-то антиислучайностью, простой экстраполяционностью, линейностью процессов, структур и самого мышления».*

Линейность при этом может пониматься, например, как «тенденция развития «бюрократических и технологических структур»» «жить интеллектуальными достижениями прошлого», как «самодовольство и самодостаточность, боязнь нововведения», **«линейный рост, стремление воспроизводиться в возрастающих масштабах».** Или, например, «неуклонный спад скорости распространения нововведений» и **«прямолинейный»** (по сравнению с логистическими кривыми для западных систем) характер технологического развития» целого ряда показателей.

При оценке сути производственных отношений главное «не в «вертикальных», а именно в «горизонтальных», в данном случае диспозитивных адресных, сетевых взаимосвязях производства». Поэтому, если связи адресны, то и «в начальных оболочках автоматически выплывут «запреты» горизонтальных самовольностей». Более того, в иерархических структурах эти горизонтальные связи совсем не однослойны, а тоже континуальны, то есть имеет место «переплетение слоёв», которых, по сути, и нет.

Таким образом, как пишет А.С. Шушарин, «общественная форма группо-иерархической собственности на технологии и есть по «вертикали» транзитивное, а по «горизонталям» диспозитивно-адресное **линейное отношение**, или просто **линия** производства в её «вертикальной» (старшие-младшие или больше-меньшие) и «горизонтальной» (обеспечиваемые-обеспечивающие) сетевых связях технологий. Это жёсткое, но иерархически распределённое в технологическом пространстве отношение (вспомним «рассеянный суверенитет» при феодализме). Линия, если угодно, – это своего рода **«технологический феодал»** (кратко ещё будем говорить **технофеод**), но именно вовсе не парцеллярный и натуральный в своей основе, а **групповой и технологический**. Соответственно и производственное присвоение здесь и является **линейным, технофеодным присвоением**, или, в материально-знаковом и ролевом выражении, – **статусным** присвоением. <...> Т.е. линия, или технофеод, – это собственность групп на технологии, а управление поэтажно **представляет эту же самую собственность** в ультраструктуре иерархии административного управления, имеющего дело с документами. Так что центр линейной иерархии, формально объёмлющий всю собственность, с точки зрения самих производственных отношений оказывается **отчаянно далёк** от самой её групповой производственной основы, т.е. является, как отмечалось, лишь номинальным верхним пунктом ультраструктуры, просто в нескончаемом дискурсе «планового торга» апостериорно и перманентно замыкающим согласование функций в относительное целое».

Таким образом, *«ультраструктуры – общественно необходимые формы. Стоит их надломить – мигом трещит вся система данного производства <...> В абстракции отсутствия собственной ультраструктуры любая система (социализм, капитализм, феодализм и пр. – ХАТ) мгновенно архаически деградирует. <...> Любая из этих систем без собственной ультраструктуры как имманентных же институтов может образовать только временное, неустойчивое состояние».*

Наконец, в отношениях линейной собственности весьма ярко проявляется обратная сторона всякой собственности. *«Ещё киники замечали, что не рабовладелец владеет рабами, а рабовладельцами владеют «страсти», удовлетворяемые рабами; капиталист владеет средствами производства, но и его средства производства прочно владеют его помыслами и чувствами, т.е. не только они принадлежат ему, но и он им. Соответственно принадлежность к технологии и обуславливает поведение участников как линейное отношение между ними. <...> В линейном производстве собственники все, потому про линию как явление пока можно отделаться лишь каламбуром – каждый гнёт свою линию, сообразно тому, какой технологии принадлежит, от участка до отрасли».*

2.1.3.4. О формах производственного принуждения

В абстрактном понимании линейной формы социализма, а иной, строго говоря, пока нам и неизвестно, присущей отношениям прежде всего индустриального (технологизированного) сектора производства экономического принуждения (т.е. эксплуатации) как основного уже не существует. Однако имеют место «ортогонально» иные формы производственного принуждения к труду: *«Прежде всего, это отношение самой группы к индивидам, как поддерживающее, жизнеобеспечивающее, так и конформирующее их трудовое поведение*

в коллективах, административное давление, а также повышения, понижения, награды, время отпуска, род работы» и др., в том числе и рублём, хотя и в резко ограниченной форме действия этого чисто экономического стимула.

Направленность человеческой активности, как «извечное самоутверждение индивидов», в каждом случае зависит как от особенностей соответствующего индивида так и от конкретных ситуативных обстоятельств, однако среднетипически, то есть типологически, в квазистабильных системах (в условиях равновесного состояния) определяется доминирующими производственными отношениями. И хотя «потребность в труде», как явление бесспорно наблюдаемое, и есть несомненный факт, но несомненно и то, что исторически наблюдается во все времена и непроходима тоже как факт сама «патологическая лень». Поэтому *«без производственного принуждения никогда в обществе дело не обходится»*. Этим фиксируется этот главный и простой момент эндогенной логики в чистых состояниях и переменах, то есть *«в определённых исторических формах принуждения, дисциплины, мотивации, как проявления доминирующих смыслов бытия, в свою очередь псевдорационализирующих (лаконизирующих, экономящих, по Зиммелю) доминирующие материальные ценности»*.

Здесь важно отметить следующее.

Первое – *«естественный (симметрия) абстрактный объективно-логический базовый момент детерминации труда (деятельности): социально-биологический, демографический, местный, вещественно-продуктовый, технологический...»*. Например, социально-биологическая детерминация труда – *«мать, бросившаяся ... кормить проголодавшегося ребёнка»* и т.д. Само понимание состояния *«жить в обществе»* с необходимостью подразумевает (обязывает) *«быть специалистом даже в самом простом труде. Проживая в данной местности, надо хоть как-то участвовать в её жизни. Вещественно-продуктовая детерминация, естественно, обязывает к некоторому обмену (хотя бы собственной ра-*

бочей силы). *Разжигание костра или работа на атомной электростанции требует определённой технологической дисциплины*. Это и есть так называемая абстрактная гетерогенность в трудовой дисциплине, или детерминация деятельности и мотивация.

Второе – *«детерминация в восходящих исторических формах гражданского общества, территориальной (натуральной) целостности, рынка, планомерности, т.е. восходящие перемены в негэнтропийном «принудительном» содержании самоприучения общества и людей к новому, более высокому порядку и дисциплине. Потому все «первоначальные накопления», как правило, были весьма суровыми, но, тем не менее, прогрессивными*».

Третье – со временем *«те же самые формы принуждения по мере развития производительных сил, человека, обстоятельств накатывающихся перемен превращаются из нормальных в оковы соответственно эгостадности, рабства, автаркии, капитала, линейности*».

Таким образом, *«в квазистабильной линейной форме господствовавшее при капитализме экономическое принуждение – угроза голода, увольнения, разорения и пр., а равно нелегитимированный «калач» денежной приманки (способный выступить в форме добровольной тяги к труду) практически отсутствует, точнее, конечно, снят, маловлиятелен, даже резко сужен. Принуждающая сила капитала уступает место как бы более мягкому (даже где-то слишком), но также общественно необходимому новому, функциональному (групповому и административному) принуждению, в том числе самому доминирующему жизнеобеспечению работника через коллектив, т.е. производственным интересам уже другого, не экономического (точнее, постэкономического) рода. Основной (хотя, конечно, и не единственный) «мотив» самоутверждения индивидов, неумножения производственной или социальной позиции (благополучие, общественное признание, социальное положение, обеспеченные быт, досуг, производственная среда, лояльный диапазон поведения – «свободы», и*

пр.) в функциональном принуждении не обретает такой же высоко унитарной формы, как при капитализме. Объективные ценности здесь (а равно смыслы, затем и знаки, статусы, особенно групповые) не имеют вещеподобной определённости, многомерны и иерархичны. Пусть метафорически это будет **защищённость** бытия, конечно, не в утрированно буквальном смысле, а в смысле фактической организованности или функционализированности всех основных потоков жизне- и трудообеспечения, благополучия».

Это «иерархизированное принуждение (давление)» в руководстве и управляющих верхах значительно жёстче, чем в низах, а поэтому, как говорят, «падать сверху куда больше». В СССР положение рабочих значило больше, чем положение служащего, а поэтому и оплата труда (благополучение) было выше, чем у инженерно-технического состава. В этой связи А.С. Шушарин замечает, что «в некотором своеобразном роде «административно-командная система» как раз и была **формой** не «командующих», а, наоборот, своего рода формой «диктатуры пролетариата» (но, конечно, точнее – групповой основы, особенно в главном индустриальном секторе). В строгом смысле, «пролетариат» в линейной форме начисто исчез, как с преодолением любых форм производства исчезают их стратификации. При капитализме, к примеру, крепостных и феодальной иерархии уже не имеется (хотя территориальные структуры вполне сохраняются). Равно и в плановой форме «рабочие» – это вовсе не «класс» в стратификационном смысле, а просто означение основного состава заводского и др. несельского и не«писчего» трудового люда. Причём, повторю, статусное положение рабочих, особо в тяжёлых производствах, было вполне приличным, получение управленческой массы».

С другой стороны, «...психологически функциональное принуждение», например, выговор, снижение премии, «штрафные баллы» в соцсоревновании, осуждение и обсуждение на общем собрании коллектива и т.д., т.е. проявление основного производственного отношения может быть «силь-

*нее ощущений, допустим, крепостных при публичной порке или капиталистического увольнения». То есть «в «физическом» содержании» линейная форма включения человека в общественный труд в отношении основной массы работников **свободней предшествующей**, вплоть, как говорится, до отгулов за прогулы, иждивенчества». В целом же о былом социализме можно сказать, что «к сожалению, мы плохо объясняли народу, что такое прийти на работу и узнать, что «в ваших услугах больше не нуждаются»».*

Итак, *«пока смежные линии и функции управления имеют объёмы, соответствующие друг другу, господствует функциональная симметрия».* При этом никакой асимметрии не обнаруживается, тогда как *«производство живёт, дышит, соисполнение функций полно хаосом бесчисленных противоречий, но вполне естественных».* Основное производственное отношение определяет поведение агентов производства (людей): начальники вниз – ругают и хвалят, вверх – докладывают и отчитываются, просят или согласуют планы и т.д.; одновременно в группах работают – то ворчат, то радуются; управление манипулирует показателями, инструкциями, входящими и исходящими и пр. Соответственно различия в производственных позициях (положение функций), при равнонапряжённости самого труда, проявляются в различиях благосостояния, лишь в меру различия сложности как основного труда (в соответствии со специализацией и квалификацией агентов производства), так и управленческого труда (в соответствии с компетентностью агентов управления).

2.1.3.5. Основная материальная архитектура, организационные формы собственности

Функциональное производство в корне отличается от товарного, где обязательно присутствуют взаимоконтролирующие друг друга множественные покупатели и продавцы подобных, а поэтому взаимозаменяемых и конкурирующих

продуктов, без которых немислим и невозможен рынок, внутриотраслевая конкуренция, рыночная стоимость и т.п. В функциональном производстве осуществляется (присутствует) «*соисполнение специализированных*», то есть неоднородных, несравнимых и не «конкурирующих», функций. Вследствие чего имеет место высокая концентрация и специализация однородного производства.

Интересно, что по ряду исследований общая оценка концентрации советского производства заметно ниже, чем по развитым капиталистическим странам, что вызвано исходной организационной несопоставимостью учитываемых структур предприятий. В подобных сравнительных расчётах следовало бы учитывать, что в действительности крупным концернам и корпорациям в капиталистических странах более близки наши главки, каковые в этих расчёты к анализу концентрации не принимаются. С другой стороны, узкая ассортиментная специализация в основном производстве плановой системы не вызывает сомнений и «*доказывается вполне убедительно*».

*«Суть основной материальной архитектуры функционального производства, – пишет А.С. Шушарин, – состоит в «несомненном примате специализированных функций; во всяком случае, в «крупнопроизводственном» индустриальном секторе прочно закреплена сама **отраслевая технологичность** структуры производства, её сетевое материальное «конвейероподобие»».* То есть высокая концентрация и специализация производства всегда имеет место в условиях сетевого материального «конвейероподобия».

Разумеется, в реальности можно наблюдать множество сходных функций и выполняющих их коллективов. Однако, как правило, это явления других родов и типологий разделения труда, других базовых производственных отношений и секторов (отраслей) производства. Так, например, функциям специализированных подразделений здравоохранения, спорта, культуры и т.п. (чистая эндогенная форма (ЧЭФ) – «первобытная») свойственна линейная деформация

культурно-родовых отношений; это же относится к местным аграрным, сырьевым, добывающим и т.п. секторам (ЧЭФ «феодальная»). Несомненно и то, что высокая однотипность присуща конечным функциям массового жизнеобеспечения, то есть розничной и мелкооптовой торговле, обслуживанию населения и пр. (ЧЭФ «экономическая»), где есть привязка к местности и заметна роль экономических форм и потребительского рынка.

Трудность такого анализа и понимания часто связана с тем, что «технофеод» непосредственно не дан, хотя в некоторых формах является довольно зримо. Однако в целом любые совокупности даже однотипных функций и разной природы на практике организационно оказываются, так или иначе, под крышей одного органа управления в иерархии, т.е. во внешней управленческой форме выступают как одно **ведомство**, разумеется, в объективном, а не юридическом смысле этой управленческой или институциональной формы. При этом за ведомственностью становится менее ощутимой сама групповая основа собственности на технологии.

В целом «Полилогия...» утверждает: *«В чистом виде объективная отраслевая организация собственности на технологии, «законченной иерархии» (кстати, выражение Маркса), имеет внутреннее корпоративное, или **учрежденческое, строение** и внешнюю иерархическую **ведомственную форму**. При этом каждое надведомство, ведомство, подведомство представляет какую-то одну большую или меньшую **основную отраслевую функцию**: или **сложную** (состоящую из специализированных функций), или **сводную** (состоящую из схожих функций), или как угодно **комбинированную** (состоящую из близких и специализированных функций), а в итоге **отраслевую линию производства** с гроздьями функций органов управления. В последних кроме прямых (именуемых в науках управления «линейными» или «штабными») появляются аспектные, или вспомогательные, функции, в которых согласуются некоторые отдельные срезы производственной*

деятельности (к примеру, сама форма планирования, финансовая «бухгалтерия», снабжение, труд, кадры, техника безопасности, стандартизация и пр.)».

Итак, по сравнению с частнособственнической, а именно капиталистической организацией ведомственность – более высокая и более сложная система, которая в данных исторических условиях мирового развития *«просто быстро зашла в свой предел»*. Линейную форму по уровню сложности организации можно сравнить с *«центральной нервной системой производства»*. Она значительно выше и сложнее узловой у низших животных, или капиталистической, и сравнима с уровнем организации нервной системы позвоночных.

Более высокое совершенство линейной формы проявляется и в «экономии» на бюрократии. *«Вместо капиталистически распылённого, но атомарно одноплоскостного множества управленческих иерархических функций «частного производства» и «частных бюрократий» образуется уже одна иерархия. Но и не только в ультраструктуре, а снизу доверху»*. Речь идёт о сравнении так называемых транзакционных издержек, то есть накладных расходов, бюрократических, согласовательных, поисково-рыночных, информационных, стандартизационных и пр. затрат, в соотношении с прямыми (формообразовательными или трансформационными) затратами.

С другой стороны, в целом рынок конкурирующих агентов капиталистического производства в значительно большей степени «бюрократизирован» вследствие осуществления множества адресно неопределённых транзакций в сравнении с конвейером линейного производства, организованным из таких же участков. Разумеется, речь идёт о принципиальных и присущих линейной форме моментах, а не об очевидных современных эволюциях капитализма в направлении заметного неизбежного в восходящем развитии роста «огосударствления» транзакционных издержек. И ещё один образ: *«Партизанская система, безусловно, динамичней, но, как говорится, при прочих равных условиях, «транзакционно» дороже иерархии регулярной армии»*.

Наконец, в капиталистической системе к трансакциям, по сути, относится вся машина услуг *«бирже-банковско-финансово-посреднической-юридико-налогового порядка»*. Тогда как в плановой системе все эти услуги были просто малы и на уровне, главным образом, центральных и министерских структур. В целом очевидно, что бюрократические системы линейного производства при адекватном сравнении с бюрократией капиталистической системы более экономичны, тогда как *«убывание идёт как раз в меру «огосударствления»»*.

Таким образом, в линейной форме потребности и возможности процесса производства заполняются и оформляются, в отличие от рынка, не множествами конкурирующих частных собственников, а *«центральной организацией множества специализированных ведомств – как **внешняя форма собственности** («спиритуализм», ультраструктура), с общим уже совсем не «атомизируемым» (неразложимым) учрежденческим (корпоративным) строением – **внутренняя форма собственности**»*. Это, несомненно, сокращает везде, где возможно, дублирующие атомарные однотипности множества конкурирующих частных собственников, существующие в рыночной системе.

В целом особенностью материальной архитектуры организационных форм собственности функционального производства является определённая относительность внутренних и внешних форм, так, *«цех или предприятие может рассматриваться как ведомство, и вся линейная система может рассматриваться как одно учреждение»*. Образно это очень близко к «математической геометрии» фракталов с их вложенными друг в друга однотипными объектами различной геометрии, а в общем случае однородными объектами любой типологии.

На этот счёт в «Полилогии...» говорится: *«В общем ведомственность характеризует материальную ультраструктурную «оболочку» организационных форм собственности на технологии, а учреждение – её принципиальную не*

«атомизированность», внутреннюю групповую (если угодно – корпоративную) структуру. Но и, особо надо заметить, не «чисто» корпоративного (...), а иерархо-корпоративного. А это разные вещи».

Само по себе сокращение однотипных и сходных производств рационально, но необходимо всегда помнить о конкретных, а поэтому и «качественно разных общественных формах организационных структур производства». «Одну, даже прекрасную, баню на всю страну не сделаешь», ибо здесь имеет место местное взаимодействие. Но вот создать для определённого класса машин один автомобильный завод, абстрагируясь от транспортных, оборонных и т.п. задач, вполне возможно и рационально.

С другой стороны, «местное взаимодействие диспозитивно ограничивается определёнными натуральными ареалами («соседство», ближнедействие или, шире, натурсвязь), поэтому для целостности нуждается в территориальной иерархии, – это «рассеянная», диффузно-узловая нервная система (термины, замечу, не мои, биологические), хотя и тоже с некоторой иерархией поддержания целостности».

Продолжая этот «нервный образ» следует заметить уже для следующего в восходящем развитии способа производства, что «рынок в чистом виде экстерриториален, безадресно диспозитивен, имеет узлы внутриотраслевой конкуренции, ему иерархия (территориальная – ХАТ) не нужна, это уже узловая, более высокая нервная система».

Наконец, в функциональном производстве, как пишет А.С. Шушарин, «соисполнение специализированных функций опять диспозитивно ограничено, но уже совсем не натуральными ареалами, а технологической адресностью соединяемых и разводимых функций; т.е. опять нуждается в иерархии, но уже принципиально не в территориальной, а в отраслевой ведомственно-учрежденческой форме, – это уже центральная нервная система (лишь забегая вперёд замечу, что центральная нервная система ещё далеко и далеко не равна появлению второсигнальной системы, на рожде-

нии которой, в такой аналогии, собственно, мы и сломались под славным руководством экономической науки)».

Заканчивая описание материальной архитектуры и организационных форм собственности, автор «Полилогии...» задаётся вопросом: «...является ли ведомственно-учрежденческая характеристика формы собственности на технологии достаточно инвариантной в отношении высоких многообразий социалистических (точнее, плановых, линейных) производств, тем более пореформенных фаз?» И отвечает: «Полагая и возможность множеств модификаций, признаём ведомственно-учрежденческую форму собственности на технологии как, бесспорно, универсальную, инвариантную (может быть, классическую) для линейной системы, даже при некотором ослаблении централизма».

Итак, в линейной форме в её чистом виде двух одинаковых ведомств не бывает. И если Вы изобрели «новый шуруп», то ищите где-то верховое учреждение по шурупам.

О спекуляциях вокруг «монополизма» и «конкуренции»

Основываясь на очевидной ведомственности линейного производства, часто говорят о государственном, отраслевом и предпринимательном монополизме как о ведомственном монополизме, и об отсутствии «благодетельной конкуренции». Однако такие утверждения лишены даже самой элементарной логической корректности. Упрощённо монополия – это относительное господство некоторого товара, то есть продукта или поставщика, причём непременно при наличии и на фоне немонополизированного предпринимательства. Но в условиях линейной формы подобное господство какой-либо отдельной функции невозможно, как говорится, по определению. Так, например, нелепо говорить о монополизме скрипачей, трубачей или ударника в оркестре, ибо все они взаимосвязаны и предусмотрены партитурой, а рассуждать о

производственной монополия центра или дирижёра (в данном примере, причём на всё?) и вовсе абсурдно.

В чистом виде каждая линия формально и типологически *«единична и специализирована»*, а суть дела здесь в группоиерархической собственности на технологии (функции, процессы, а не средства производства), т.е. в технофеоде. К тому же известно, что капиталистическая монополия, как одна из классических предпосылок линейной формы социализма, при его становлении **как монополия исчезает**, превращаясь в ведомственно-учрежденческую организацию основного производства. Подобным образом, ещё ранее, при капитализме, уже начисто отсутствуют цеха, гильдии, мануфактура и пр., так сказать *«феодалыные зародыши»* капитализма.

Аналогичная ситуация имеет место и в отношении *«конкуренции»*.

В этой связи А.С. Шушарин отмечает: *«Если конкуренцию понимать в товарном смысле, как рыночную конкуренцию, то в «идеальном типе» чистой линейной формы на неё нет и намёка, как нет при капитализме удельщины, как нет и не может быть товарной конкуренции, скажем, внутри цеха, предприятия, конвейера, фирмы и пр. Если же конкуренцию понимать расширительно, как производственную борьбу, естественную состязательность, соревнование между агентами производства, то тогда, как говорится, извольте со всей определённостью различать как её базовые «общечеловеческие стихии» В. Одоевского (от любовного треугольника до делания, скажем, научной карьеры), так и исторические формы «борьбы и согласия» (от животной эгостадности, близкой в нынешних рецидивах к «конкуренции» в уголовной среде, до борьбы «планового торга»)».*

Поэтому, если некоторые упорно пишут, что *«секрет рыночной экономики ... состоит не в частной собственности, а в конкуренции»*, то всё обстоит как раз, можно сказать, наоборот. Секрет рыночной конкуренции есть следствие самой рыночной экономики, то есть порождён этот самый секрет сутью рынка – наличием и доминированием *«частной (или*

частно-групповой) собственности». В этом вопросе важно помнить о ряде некоторых абстрактно-родовых метафор вроде «соревновательность», «состязательность», «борьба». При этом «в любых (из многообразнейших) иерархических материальных структурах тоже всегда неумолимо есть своя борьба, предстающая в субъективированных формах, но в действительности такая же объективная».

Что же касательно собственно линейной формы, то *«это борьба не одноплоскостная (в виде частных хозяйств от миллионов лавчонок до сотен крупнейших корпораций в пределах объединяющего и балансирующего всю эту суету рынка), а борьба и участков, и цехов, и предприятий, и объединений, и целых отраслей в пределах объединяющей и балансирующей всю эту суету иерархической организации производства».* Причём если в рыночной системе капитализма предпроизводственная интеллектуальная фаза этой борьбы есть маркетинг – *«атомизированное дело»* каждого агента-участника рынка, то в плановой борьбе предпроизводственная интеллектуальная фаза есть *«технорасчёт»* – тоже дело каждого, но уже как *«полномочного представителя целого (общества)»* и как неизбежная, имманентная и более высокая общественная форма согласования. Последнее в наиболее явном виде проявляется сперва как некоторые цели, программы, которые после согласования превращаются в планы. *«Как-никак, но уже центральная «нервная система»».*

Поэтому в условиях социализма (линейной формы) призывы к товарной конкуренции, тем более к всеохватывающей конкуренции (*«хотя кое-где и она вполне уместна»*) – *«это дикий примитивизм, упорство которого обойдётся дорого, а особо настырное упорство и катастрофой».* Дальнейшее развитие линейной формы, точнее социализма (линейной формы), можно сказать, задача нашего времени, состоит в том, чтобы *«преодолеть всевластную, совсем не товарную, пока и неуловимую, линейную «конкуренцию», доминантную «плановую борьбу», реализуемый ею закон «технологического феода»».* То есть дело не в «предпринимательстве», хотя и у

него есть рациональная ниша, а дело в поиске, выявлении *«новой, прогрессивной и весьма многомерной деловой, трудовой и хозяйственной инициативы, восходящей состоятельности и творчества. Да никак не вышло это пока».*

Таким образом, «в чистом виде» линейная форма характеризуется как функциональная (технологическая) и имеет иерархическую учрежденческо-ведомственную структуру, ибо нет одинаковых ведомств, все они различаются самими соисполняемыми функциями.

2.1.4. Сущность линейной формы (вообще)

2.1.4.1. *Революционная теория отжившей формы производства*

Кратко о признаках действительно *революционной теории* отжившей формы производства. «Полилогия...» следующим образом определяет суть революционности в теории восходящего развития общества.

1. *«Революционная теория суть не более чем критическое («катастрофически-парадоксальное») описание предельной («накопление негативов») структуры и зреющей бифуркации с полем трендов, включающим объективно негэнтропийный («невероятный», в смысле Шредингера), преодолевающий отжившее состояние восходящий тренд. Но вовсе не практически-политические пути его реализации».*

2. *«Революционная теория излагается революционным же, эзотерическим (парадоксальным) языком, который не существует в ментальности, идеологии и экзотерической (тавтологической) науке самой этой формы».*

3. *«В главном содержании революционная (парадоксальная, эзотерическая) теория есть описание формы производства как уже асимметричной системы «урегулированности и порядка», что и проявляется во всей совокупности негативных явлений, «их накопления». <...>*

Революционная теория – это теория «нехорошего» общества (теория структуры некоторых нейтральных, непреходящих, в данном случае технологических, процессов, но в их собственной же «плохой», так сказать, предельной и «доигравшейся», преходящей общественной форме), в целом как иррациональной, стихийной, не контролируемой людьми системы его движения, отживших «квазидействующих» отношений».

Примером такой теории из исторически прошлого является «Капитал» К. Маркса.

Как пишет А.С. Шушарин, в кратком виде символическое выражение учения К. Маркса нашло в известной «формуле обращения капитала (Д-Т-Д), а в материально-вещественной форме – в **основном законе** максимума прибавочной стоимости как в **законе бытия** этой системы. Метафорической и логически исходной перифразой (иначе говоря – ХАТ) выражения основного закона является тоже эзотерическая (тайная, скрытая от непосвящённых – ХАТ) **цель производства**, т.е. объективная, независимая от воли и сознания людей «нехорошая» элементарная форма направленности его движения, как, собственно, и проявляющаяся в типических «мотивах», или интересах, агентов данной системы производства, собственников, базово «одномерных» субъектов, которые не изобретают свои цели из головы, а находят их готовыми в господствующих производственных отношениях собственности, как их же «квазидействия». Так что напомним, что эзотерическую цель производства никак не стоит смешивать с экзотерическими (всем известными, не представляющих тайны – ХАТ) хозяйственно-политическими целями (рост производства, благосостояния, могущества, отдельных секторов производства, регионов, отраслей и пр.)».

Однако в революционном содержании главной стороной такой теории, подчёркивает автор «Полилогии...», «является уже не закон бытия, а закон конца всей этой формы, т.е. по мере развивающихся производительных сил и сложения

обстоятельств ее неумолимого движения к гибели или к самоотрицанию прорывом восходящего преодоления (ничто не вечно в подлунном мире, и Солнечная система, и капитализм, и пр., просто линейная форма оказалась исторически кратковременной) при отвлечении от многообразных адаптивных движений. Закон конца – это выражение зреющего в недрах производства объективного обобществления доминирующего и даже уже узурпированного объекта асимметричной (ограниченной, необщественной) собственности, а в итоге сброса господствующей формы и снятия (симметризации, а вовсе не ликвидации) имманентных объекту собственности производственных отношений, постановки их под исторически и качественно новую форму общественного контроля «всеобщего интеллекта»...».

И далее: «Наконец, революционная теория остаётся революционной, но только логически, интеллектуально (как, примерно говоря, «Капитал» до Октября...), до тех пор, пока помимо относительно достаточного развития производительных сил в ситуации тысяч «суммирующихся» причин не складывается вся совокупность исторических обстоятельств уже хаотизированного, резко неустойчивого, неравновесного состояния бифуркации, до сей исторической поры, увы, обычно близкого к «паранекротическому» (близкому к смерти – ХАТ). В этих условиях и ещё при обязательном появлении хотя бы небольших сил «новых левых» (в значении акторов восходящей тенденции) теория обретает уже особое, даже решающее общеисторическое значение основы революционной политики спасения, изображая, вообще говоря, тенденции во всём поле трендов, от восходящих до адаптивных и катастрофических (в своё время Маркс, напомним, дал в теории только одну, восходящую, ветвь прорыва)».

В этом обнаружении стихийности в общественной жизни проявляется начало движения «к осознанию ещё не познанной, но уже объективной сути происходящего, отношений, законов и т.д.».

Однако этим главным и революционным содержанием теория далеко не ограничивается, ибо для полного понимания общественного развития необходимо описание как всего движения производства, так и различных *«превращённых форм, деформаций, укладов, исторических, пострановых (культурных) и пр. особенностей, включённости происходящего в могущественные всемирные процессы, наконец, в глобальный кризис»*.

О критическом как ещё вполне квазистабильном и ещё равновесном (дообвальном) состоянии

Характерным признаком линейной формы, доминирующей при социализме ЧЭФ «функциональная», является, с одной стороны, недообеспечение функций, например, нехватка машин, ресурсов, продуктов, видов работ и т.д., что на поверхности и в быту выступает как очереди и дефицит или, с другой стороны, наоборот, навязывание ненужного, затоваривание и пр. Этот дефицит, вплоть до постоянного «инвестиционного голода», выливается так же в незавершённое строительство или, в частности, в те же очереди за готовыми объектами, точнее, за собственно строительными, монтажными и прочими обеспечивающими работами.

Понятно, что дефицит – это неудовлетворённые потребности. Бесспорно, что потребности всегда выше возможностей и потенциально бесконечны, то есть, в нашем контексте, речь идёт лишь об общественно значимых, обозначаемых обществом, потребностях и возможностях производства. Поэтому когда в связи с «дефицитом» говорят об «инфляции», то правильнее говорить о материально-знаковой форме соисполнения функций, а не о неких псевдоинфляционных экономических явлениях.

На этот счёт автор «Полилогии...» отмечает: *«Короче говоря, всё это означает, что статус (в том числе и его денежные проявления) как предъявительски («права»), производственно (трудоостояние) и потребительски (благосостояние), так*

и императивно («обязанности») рассогласован с самим исполнением функций. Средства, лимиты, ордера, фонды и пр. в «плановом торге» согласованы, выделены и адресованы, но реально всё это выделенное надо ждать, выбивать, доставать и т.д. в очереди, да и не всегда с успехом; равно и наоборот – брать ненужное, копить и т.д. Строже, конечно, сказать, не «средства», «фонды» и пр., а «отглагольные» функции в «плановом торге» вполне взаимно согласуются, но и накатывается их неумолимое недообеспечение, рассогласованность.

Получается, что как предьявительские, так и императивные инструкции обрели какое-то самодовлеющее «мистическое» состояние **статусной избыточности**, с одной стороны, обесцениваемых «прав», с другой – извне насилующих «обязанностей» делать ненужное, брать ненужное, выполнять иной раз бессмысленное и т.д. Как примерно совершенно невинные деньги в капиталистической форме, так и столь же невинные статусы (в частности, инструкции, планы, включая и всю саму иерархию управления) в линейной форме превращаются во всевластующую над людьми силу, но куда более «мистическую», непонятную. В субъективных «ощущениях» поставщики выглядят тиранами, потребители – жалобщиками, подчинённые – непослушными, ну а начальство – злыднями. И ведь всё согласовано, в планах оговорено, просчитано и пр.».

Формула функционального «обращения»

Отталкиваясь от «Капитала» К. Маркса, А.С. Шушарин только внешне предлагает в данном анализе свою формулу-схему «обращения» для линейной формы функционального производства. Он пишет: «По чисто формальной аналогии с формулой обращения капитала ($D-T-D^*$) формулой исполнения линий производства является неуклонный рост статусов: статус-функция-статус* ($C-\Phi-C^*$), но в смысле **прямо противоположном** обращению капитала – уве-

личения разрыва между статусами и самим соисполнением». Следствием этого является *«рост всех форм нехваток, дефицита, рассогласований, необеспечений»*, а также даже рост, но не убывание управленческих хлопот.

При этом не наблюдается никаких *«забастовок, как сигналов резких негативов»*, ибо они «запрещены», точнее, любая из них – ЧП. Но это есть имманентное линейной форме функционального производства запрещение, то есть *«запрещено не по злой воле властей, а по причине принципиально сетевого характера связи глубоко специализированных предприятий»*. Ибо очевидно всем, что любая подобная забастовка немедленно повлечёт за собой остановку всех обеспечиваемых предприятий, в том числе и всех последующих переделов вплоть до конечных функций.

Статусная избыточность – это среднетипическое явление всё ещё равновесного состояния производственного процесса функционального производства. Всё соисполнение в *«плановом торге»* формально согласовано, воспроизводственные потоки балансируются, пропорции строго отслеживаются и подправляются, однако статусная избыточность продолжает иметь место и почему-то неотвратима и столь же ускользаема от внешнего понимания. При этом в управлении она более выпукла и поэтому обычно всем заметна, хотя это всего лишь *«форма, институт, ультраструктура»*. В такой ситуации неизбежно возникает *«очень навязчива мысль, что кто-то идёт на обманы, ошибается, плохо работает»*. Конечно, нарушения и рассогласования всегда имеют место в реальном производственном, однако и всем известно как с ними бороться – жаловаться или закручивать гайки. Но весь опыт борьбы с этим злом в рамках функционального производства показывает, что хотя *«всё это не раз перепробовали, но как шло, так и шло»*.

Таким образом, можно сказать, что проявление *«статусной избыточности»* небеспочвенно и имеет некую материальную, объективную основу. Эта материальная основа состоит в следующем. Человек как агент производства, не

машина. И уже только поэтому соединение возможностей и потребностей в любом социальном подпроцессе производства и воспроизводства действительной жизни *«никогда не осуществляется как в машине, всегда предполагает некоторое динамическое рассогласование, хотя и в разных базовых и исторических формах»*. Так, при капитализме с его «вещной» природой товар всегда ищет сбыта и ждёт покупателя, то есть лежит на прилавке, образуя «товарную очередь», *«что суть одновременно очередь за работой, за знаками, «дефицит знаков» (платёжеспособного спроса)»*.

В функциональном же производстве иначе, ибо в его общественных формах доминируют процессы, которые, в отличие от вещей, доминирующих при капитализме, *«ждать не могут по своей природе»*. Поэтому в силу той же природы *«они могут рассогласовываться, или не успевать (образуя очередь), или приостанавливаться (в частности, просто, «внутризаводская безработица» – резервы «рабочей силы», хотя понятия не имманентны, ... находятся среди занятого населения), или переключаться (особенно в капитальном строительстве), или оптимизировать («отгулыштурмовщина-отгулы-...»), или заставлять брать «впрок» (образуя аномальную запасность) и т.д., т.е. проявляются в значительно большем многообразии неизбежных рассогласований, нежели ожидание вещью (в том числе рабочей силы) покупателя»*.

Согласно открытым постсоветским публикациям *«излишки работников»* на советских предприятиях оцениваются в 10–15 %, однако ни в какой отчётности, статистике этого просто нет (не было), что, естественно, и образует *«одну из тайн собственности технофеода, которую достаточно обобщённо можно назвать покрывательством»*.

В «Полилогии...» так характеризуется это, всё же равновесное состояние функционального воспроизводственного процесса: *«В противоположность «дефициту знаков» (спроса) здесь в основном «избыток знаков», статусов («дефицит ресурсов»); с той огромной разницей, что, в отличие*

от одномерных денег, статусы и «ресурсы» многомерны и тоже процессуальны (обеспечивающие функции). Грубо говоря, в одном случае – очередь на бирже труда и товаров (лежащих на прилавке), «перепроизводство продуктов», в том числе рабочей силы, в другом случае – очередь за обеспечением (в том числе и в магазине), «недообеспечение» функций (синоним статусной избыточности)». Итак, несмотря на «осложнения», всё это есть нормальное состояние, пока ещё не критической асимметрии, что сравнимо с тем же постоянным дефицитом спроса в капиталистическом производстве.

Причины и суть неуклонного нарастания статусной избыточности (недообеспечение функций) «следует искать уже не в знаковой сфере, а в самой объективной, материальной направленности («цели», «законе») «реального производства, в его материальном «теле». Так сказать, не знаками живы люди».

2.1.4.2. О «цели» линейного производства

Позиция «Полилогии...» по этому вопросу однозначна: ««Цель» производства, которое нигде и никогда в буквальном смысле «цели» иметь не может (как определённый способ, система «производства и воспроизводства действительной жизни»), напомню, это метафора означения основного производственного «мотива» анонимных агентов в движении этого производства».

С другой стороны «все «показатели» общественного производства совсем «не произвольны, а вырастают как обслуживающая, экзотерическая (хозяйственная) форма и только в меру «согласия» с производственными отношениями».

Так, например, всем известный «капитал суть отношение «одномерных» объективных агентов, вечно персонифицируемых как экономические («атомизированные») индивидуы». В силу этой одномерности капиталистические агенты

способны в своём субъектном выражении отношений и унифицированной мономерности господствующих знаков что-то минимизировать, в частности, расходы, и что-то максимизировать, – доходы. Так как за господством этих знаков стоят сами господствующие при капитализме ценности, то, по сути, господствуют вещи.

«Но, в отличие от капитала, линия производства, технофеод, как общественная форма собственности на технологии суть в самой глубокой основе своей групповое отношение соисполнения функций объективными агентами, которые всегда «анонимны», но по самой природе этих отношений ещё и не персонифицируются (объективные ценности здесь – сами ячеистые процессы, технологии, не «атомизируемые», выступающие в смыслах для человека как «принадлежность» коллективу). С известной условностью говоря, в линейной форме основные агенты как группы не способны ничего ни максимизировать, ни минимизировать, ибо сами эти группы и являются формами взаимоувязанных технологий, отношениями людей».

Соответственно, в самой основе собственность на технологии есть собственность «групповая, не субъективируемая» при этом и не частно-групповая, просто корпоративная, а в целом отношения собственности есть отношения диспозитивно-сетевые и управленчески-иерархизированные или иерархически-корпоративные. Сами работники свободно могут менять свою принадлежность к группе, то есть к технологии, а следовательно, переходить из функции в функцию, тем самым в своём персонифицируемом качестве могут относительно свободно варьировать своё поведение.

Таким образом, в процессах перемены труда работники функционального производства всё же могут так же что-то максимизировать или минимизировать, но лишь в своем самоутверждении. В частности, например, «проявлять целеполагание, скажем, в выборе более спокойной и лёгкой или более трудной, более интересной или более оплачиваемой работы». Однако, «всякая включённость в группу сразу же

всё персонализируемое (в производственном содержании) уничтожает», ибо во всех основных диспозитивных взаимодействиях твёрдо и однозначно реализуются неизбежные безличные (как сам производственный процесс) отношения собственности по поводу технологий или, как говорят, *«собственность на технологии»* неперсонализируемых групп, как больших, так и малых коллективов.

Итак, *«при капитализме «командует» персонифицированный капитал (в лице менеджеров и внутренней иерархии, но без всякой общей иерархической ультраструктуры), без всяких собраний, во внешнем маркетинговом пространстве, в конкурентной и «предлагающей» среде, с очередью за воротами и т.д. В плановой системе «командует» технология (с персонифицируемой, но общей иерархической ультраструктурой), с собраниями, уже в техномическом пространстве, в адресно-фиксированной и «дефицитной» среде, с табличкой «Требуются...» за воротами».*

Однако порою кажется, что в иерархии управления функциональным производством, где структуры часто персонифицируются руководством, явно проявляется целеполагание. Такая внешняя (обманчивая) видимость подвигает популистов на дезориентирующие и отвлекающие от сути объяснения складывающихся ситуаций общественного развития, что, например, нехорошие министры дают плохие указания, что Госплан, Госснаб, ГКНТ и пр. плохо работают. Но в действительности, исходя из материальных основ складывающихся общественных коллизий, *«виноватыми» в отжившей форме бывают только «квазидействующие» производственные отношения».*

В то же время верно и то, что административное руководство вместе с аппаратом управления (группа) является представителем собственно производственных групп, их символом, а равно и выразителем их интересов в знаковой сфере техномимики.

В этой связи А.С. Шушарин пишет: *«Иначе сказать, и в руководящем, казалось бы индивидуализируемом, качестве*

в действительности руководитель является лишь орудием неявной, безликой, но твёрдой «воли» группы, требующей, так сказать, **не высовываться**. Группа, образно говоря, не даст упасть, пропасть, опуститься, покроет отдельные слабости и т.д., что в совокупности и образует основу высокой **социальной защищённости**. Но с ещё большей силой группа никому не даст отличиться, выделиться, выдвинуться и т.д., что и образует **обезличенность, инертность** системы. Таковы уж свойства, если воспользоваться оборотом Ф.А. Степуна, **«тоталитарной демократии»**, как следствие собственности на технологии. Из бесчисленных мрачных биографий творцов хорошо известно, что начинают осаживать «высунувшегося» (того, кто «пошёл против коллектива») именно собратья по цеху, отделу, перу, научной дисциплине и т.д., т.е. **по сложившейся технологии** с её же сложившимися связями, а лишь затем их волю в своих санкциях оформляют более высокие инстанции».

Особо следует отметить следующее интересное примечание А.С. Шушарина: «*Рушащийся сейчас (2004 г. – ХАТ) социалистический коллективизм, отсутствующий при капитализме, напомню, имеет сложную, главным образом неэндогенную природу, с основным символом не «коллектив», а «товарищ»: мы же здесь рассматриваем только линейную форму*».

Функции управления – это «*частички технологий*», или, в конкретных образах, внешне, это управленческие кабинеты, столы, селекторы и пр., от бригадирских до совминовских. А если точнее, это, несомненно, и сами процессы управления, которые также находятся в группо-иерархической собственности на технологии (аппаратно-административной или бюрократической). Эту управленческую собственность в линейной форме условно можно сравнить с «банковской собственностью» капиталистического производства или, разумеется, с верхушкой феодальной иерархии при забвении самой основы феодализма – крестьянского двора как главной составляющей реального натурального феода. В иерархии

управления функциональным производством резко обостряется борьба вокруг самих знаков, то есть самих индивидуальных статусов (должностей, степеней, званий и пр.) и во многом теснейше с ними связанных статусов самих коллективов. Так как, например, в научных организациях число дипломированных, остепенённых специалистов является существенной характеристикой всего статуса коллектива.

Одной из отрицательных черт этого типа отношений собственности, неоднократно подвергаемой публичному обличению в эпоху реального социализма СССР, является беспардонное присваивание поступающих снизу идей, что свойственно всякой иерархии управления. Это присвоение происходит в соответствии со статусной принадлежностью. Такое идейное присвоение имеет место в любой системе производства и сегодня, в основном, можно сказать, *«пока шутейными институтами «защиты авторского права»*. С другой стороны, управление есть так или иначе легитимная форма информационного присвоения, ибо иначе управление в принципе просто невозможно. На этот счёт А.С. Шушарин пишет: *«Информация в самом широком смысле вообще, как известно, – «хлеб» управления. Но если при капитализме это присвоение, в том числе и идей, осуществляется в среднем или в основном по капиталу, то в линейной форме – по статусу (функции). Причём совершенно не обязательно по индивидуальному статусу (например, «начальственному»), а и по групповому («головной» институт, разработчик, ведомство и т.д.)»*.

Следует заметить, что этому способствует ещё и обычная человеческая психология, так как обычно всякая прочитанная или услышанная и заинтересовавшая человека мысль большинством людей автоматически присваивается, а в дальнейшем воспринимается как своя, так сказать, без какой-либо благодарности автору этой мысли. И это так, ибо даже при желании дать соответствующую ссылку, невозможно однозначно и уверенно знать, а утверждать – тем более, что эта мысль впервые посетила именно этого автора, а не другого.

Таким образом, как и в сюжете Матфея, в иерархии управления имеет место устремления «власть к власти», при этом, что очевидно, с некой прибавкой труда, ответственности и риска. Большая производственная власть и большие возможности стоящих у власти открывают для властных индивидуумов широкое поле для индивидуальных злоупотреблений, в том числе для превышения потребительских статусов, сверхнормативных привилегий и льгот. Однако, ещё раз напомним, что это действительно негативное явление не имеет никакого отношения к производственному содержанию происходящего и являет лишь *«броские, наиболее раздражающие явления аморального или нелегитимно правового порядка»*.

Очевидно, что в линейной форме всё, можно сказать, движется и расположено вполне по ранжиру, что *«в верхах всегда пожировать больше склонностей и, главное, возможностей»*. Но, сравнивая с нынешним беспределом и пышно расцветающей коррупцией, в той линейной форме развитого социализма *«ничего, кроме довольно обычных «царских охот», брошек дочки Л. Брежнева, импортнозависимых банкетов «золотой» детворы, откопать не удаётся»*.

В этой связи, возвращаясь к капиталистической (экономической) конкуренции и её соотношению с социалистической состязательностью, можно сказать, разумеется, с известной долей условности, что эта борьба сконцентрировалась и переместилась главным образом в сферу управления и в так называемую допроизводственную фазу управления. Характеризуя линейную форму, А.С. Шушарин пишет: *«... тяжелейшие управленческие бои таковы, что о них обычно даже не подозревают в основном производстве, ибо эти бои лишь апостериорно выражают изменения в основных структурах. Это бои вокруг знаков: отношения планирования и отчётности, слеппроизводственная форма регистрации основных статусов в диспозитивных сетях процессов соисполнения функций, что проявлялось во всей нашей апостериорной планомерности и в лукавой статистике, с неукоснительным выполнением форм соисполнения. Отсюда*

и корректировка планов, и приписки, и рапортomanия. Как говорят китайцы, начальники повышают цифры, а цифры повышают начальников».

Поэтому, пишет далее автор «Полилогии...»: *«Соответственно невинное планирование, как совершенно естественная и необходимая форма согласования функций, в своей гомогенной абсолютизации (доминировании) превратилось в планирование ради последующей удовлетворительной отчётности – не план, тем паче не работа, а последующий хороший отчёт является целевым «мотивом» в управленческой сфере. Но опять существенно подчеркнуть, что управленческая иерархия как ультраструктура – **необходимая форма** соисполнения, какой бы «плохой» она ни была. Причём форма самоконтролирующаяся».*

Итак, в управленческой сфере в отношении проявляются лишь относительно персонифицируемые целеполагающие мотивы, которые совсем не выражают *«действительной направленности (цели» или «закона») производства в его основном содержании».*

«Цель» репродуктивного сохранения технологий

Поэтому закономерно возникает вопрос, поставленный А.С. Шушариным следующим образом: *« ... а может ли быть вообще цель у коллектива, точнее, даже у многих десятков тысяч технологически (диспозитивно адресно и иерархически) связанных коллективов? Или, лучше, какой здесь может быть объективная, материальная «ориентация», выражаемая метафорой «цель»?».*

Далее, отвечая на поставленный вопрос, он пишет: *«Главный «агент», в самом теле линейного производства в собственном смысле представляющий «технологический фео́д», – вовсе не субъект, а группа (учреждение, от цеха до ведомства или министерства), т.е. форма связей технологии, отношение, которое просто по природе своей никак не может персонифицироваться, ни к чему не может*

*стремиться, чего-то хотеть или не хотеть, целеполагать. Конечно, работают-то целеполагающие люди, но групповое (иерархическое) отношение способно только к **сохранению**. Вспомним у Маркса – «цель всех общин – сохранение» или тезис Дж. Гэлбрейта о «корпорации». Вот это и есть **объективная доминирующая «мотивация» линейного производства («цель»)**». Линия, «технологический феодал» с «рассеянным суверенитетом», в чистом виде есть **репродуктивная** локализация труда во взаимосвязанных группах и превращение всех работников в исполнителей частичных, в том числе общих (управленческих), функций, всякое отклонение от которых органически отторгается, как, образно говоря, самовольство оркестранта, работника конвейера, цеха фабрики, сотрудника конторы, гребца команды и т.д.».*

Здесь каждая отдельная линия не случайна, а есть динамическая, но строго органичная частица всего неатомизированного, то есть взаимосвязанного, линейного производства. Сохраняющая самообеспеченность в линейном технофеоде резко отлична от известного натурального («настоящего») феодала с его «предельной натуральной самообеспеченностью». В технофеоде сохраняется сама сетевая, потоковая, функциональная взаимозависимость. В репродуктивных срезах производства эта форма организации труда не только вполне естественна, но и необходима. Здесь она эффективна и мощна, однако в условиях доминирования «анонимной» собственности на технологии и господства над всем «превратилась в неподвластную, отжившую, самодовлеющую силу своего рода молоха».

Всё это обуславливает качественная неизменность линий линейного производства, которые подобно автомату продолжают выполнять свою работу, можно сказать, «экстраполируют по инерции», вне зависимости от вида работ, будь то рытьё земли, выплавка стали, проектирование или писание философских трудов. В этой, подобной автомату, форме коллективы из средства раскрытия и самореализации личности превращаются в групповые оковы, но не вообще, а в отноше-

нии связанных и качественных перемен. *«Образно говоря, – пишет А.С. Шушарин, – группа по самой природе обязывает делать что-то накатанное, т.е. если и «целевое», то неизменное, репродуктивное, повторяющееся. <...> Соответственно всякий «вал», «затратность», экстенсивная или расширительная экспансия и пр. – это и есть проявления линейности, «технологического феода»».*

Технологии, как крупные «социотехнические агрегаты», из средства *«превращаются во взаимосвязанную независимую систему и узурпируют функцию целеполагания»; «система распространяет свой контроль и на цели... приспособливает их к собственным потребностям»,* репродуктивным по определению.

В любом обществе его системность всегда сочетается с некоторой несистемностью и даже внесистемностью, образуя некий динамический хаос. Поэтому в реальной жизни постоянно наблюдаются как яркие, незаурядные личности, так и появляющиеся или исчезающие, меняющиеся коллективы. В этой связи *«всякий перестроившийся коллектив – это, в сущности, уже совсем другой коллектив, люди, связи, отношения».*

Особо интересен при этом формирующийся в линейной форме психологический климат отношений, так, если капитализм, в силу повсеместной конкуренции, *«безжалостен к проигравшим и снисходителен к удачливым, то групповая основа линейной формы снисходительна к неудачникам, но безжалостна к «высовывающимся»».*

В анализе мифических целей чисто функционального производства главное – это *«видеть инвариант формы производства, материальную направленность линий на сохранение».* Соответственно это устремление к сохранению в самом простом варианте приводит и практически проявляется *«в полном отсутствии известной при капитализме диффузии или даже передач (трансфера) технологий (даже в их самом простом, инженерном смысле)».* Точнее и строго логически такая передача технологий в линейной

форме невозможна, да и не следует забывать, что главным объектом отношений собственности и являются сами технологии, сам объект собственности, пусть даже и группоперархической.

То есть технологии сами по себе не диффундируют, а поэтому, и лишь при *«вопиющей необходимости»* введения новообразований, эти новые технологии *«силой и сверху вклиниваются во всю сеть»*, обычно через посредство учреждения новых организаций и строительство ряда уникальных объектов и целых цепей новостроек, включаемых в титульные списки.

Соответственно, на защиту интересов основных производственных групп и сохранения их *«репродуктивного покая»* встаёт не только собственно вся иерархия управления (руководство и аппарат), но и *«научная адвокатура»* ведомственной науки, то есть *«не отраслевой науки, а аппаратной науки ведомств»*. Поэтому вся внешняя производственная бюрократическая волокита, обосновываемая *«глубокой и тонкой»* аргументацией, есть всего лишь обычная *«управленческая форма сохранения или экстенсивного расширения (экспансии) данной структуры линий, собственности на технологии»*.

На этот счёт А.С. Шушарин пишет так: *««Бюрократические» помехи новшествам в управлении – это в основном лишь выражение их неприятия в самом производстве; об­разно говоря, если «бюрократ» запрещает, то чаще всего за этим и скрыты какие-то подразделения, цеха, отделы, заводы и т.д., коим и желателен такой запрет. Причём если «бюрократические запреты», помимо нормального согласования функций, выражают консервативный момент всей системы, то «бюрократический нажим» иногда может даже выражать, наоборот, позитивный момент постоянной борьбы с основным пороком системы в виде хотя бы административного внедрения новых технологий. В этом смысле, кратко говоря, даже любое государство, будь то феодальное, капиталистическое, выступает не только как*

обслуживающая надстройка, но и как институт, стремящийся хотя бы частично ослабить имманентные негативы системы. Всегда гомогенная доминирующая собственность, образно говоря, «стремится» к предельной узурпации объекта, а государство, в целом неизбежно «покорное» этой собственности, но тем не менее, выражая более общие, всегда гетерогенные общественные нужды, «стремится» смягчить негативы узурпации».

Наконец, сравнивая рассмотренные выше моменты целеполагания в актуальных для нас общественных системах, отметим следующее.

Во-первых, «... в капиталистической системе «цель» (объективный несознаваемый «мотив») атомизированных агентов (своеобразно включая и рабочих) экономически одномерна и весьма определённа (максимум прибавочной стоимости <...>). Собственно, именно поэтому, начиная с М. Вебера, система и именуется «целерациональной». Хотя, конечно, для всей хозяйственной системы (за исключением кризисов, особых случаев, внутренних реакций внешнеполитического происхождения), собственно, целей нет. Откуда и широко известная афористика, что «рынок» всё сам налаживает, саморегулирует, а «министерства экономики малость манипулируют лишь «правилами игры»». Итак, в целом всякая хозяйственная капиталистическая система (общество) «собственно целей» не имеет и иметь не может.

Во-вторых, «в линейной форме на этот счёт почти всё наоборот. У всех основных агентов материальной «цели» по сути нет (репродуктивное сохранение технологий), а в управленческих хозяйственных (субъективируемых) формах всё и вся вертится вокруг целей, программ, планов, вплоть до «светлых далей». Хотя объективно на самом деле это уже постэкономическая форма тоже саморегуляции, со своими «правилами игры», ибо никакое производство в буквальном смысле никогда «цели» иметь не может, это определённая материальная структура деятельности, лишь проявляемая в «правилах»».

Итак, и ещё раз, подчёркиваем, что *«никакое производство в буквальном смысле никогда «цели» иметь не может»*, однако можно и допустимо говорить лишь о *«мотивации производства»*. Поэтому вышеизложенное понимание объективной мотивации линейного (функционального) производства позволяет уяснить его объективную направленность как основной закон линейной формы производства, как закон бытия этой системы производства в условиях равновесного состояния и квазистабильного развития, но ещё не достигшего критической фазы *«своего конца»*.

2.1.4.3. Основной закон линейного производства и его неизбежный «дефект производства»

«Основной закон линейного производства, как и закон всякой эндогенной формы, метафорично выражает объективное нарастание асимметрии собственности, т.е. «в чистом виде» всегда форму какого-то иррационального «накопления»». То есть в критическом описании идеального типа линейного производства, как и прочих чистых форм, нарастание асимметрии собственности проявляется как «закон».

Источником нарастания этой асимметрии и в её основе лежит производительный труд, равно как и в основе нарастания асимметрии любого типа, любой чистой формы общественного производства. Как утверждает А.С. Шушарин, *«производительный труд – это и есть общественная форма труда, увеличивающего асимметрию собственности (какой раз напомню, что от адаптаций и всего множества неэндогенных факторов мы отвлекаемся)»*.

Так, например, по Марксу, в основе нарастания асимметрии в обращении капитала, кроме одного необычного «третьего товара» (деньги), обслуживающего всё движение доминирующего объекта, есть ещё один особый «товар» – рабочая сила. «Товар» пишем в кавычках, ибо вообще-то, согласно «Полилогии...», «рабочая сила» как типологиче-

ский объект не является товаром. Однако в силу «*товарного доминирования*» в этой экономической (капиталистической) форме всё деформировано под «*товаризацию*». Эта рабочая сила, «особый товар», согласно определению, обладает «*способностью производить прибавочную стоимость и, главное, постоянно воспроизводить и расширять асимметрию, собственную противоположность*» (частную собственность на средства производства – ХАТ).

А.С. Шушарин пишет: «*Точно так же и в функциональном производстве, где кроме соисполнения функций в «чистом виде» ничего нет (всё «функционализировано»), кроме одной уже известной функции, обслуживающей весь процесс (иерархия управления), должна найтись ещё какая-то особая функция, форма труда, производящего асимметрию собственности и собственную же противоположность. Ведь никакой иной созидающей и изменяющей субстанции, кроме труда, нет...».*

Далее. Функциональность вообще, в движении материи есть связь соответствия, связь существования, В то же время любое производство невозможно без изменений и новаций, обусловленных, в конечном счете, естественными научно-техническими сдвигами и скачкообразными преобразованиями самих процессов самореализации человека, природы, техники, технологий, идей и т.д. При этом, как отмечается в «Полилогии...», «*человеческой формой*», *источником всех этих перемен является творческий труд, труд всеобщий (Маркс), который в его современном специфическом историческом содержании выступает как дислокальный труд, как труд, неизбежно выходящий за всякую данную технологическую локализацию труда, или как труд производящий (продуктивный), который и бьётся из недр производства независимо от воли и сознания людей (хотя, конечно, и посредством этой воли и сознания)*».

Как правило, можно сказать, и всегда, как пишет А.С. Шушарин, «*производящий труд не конструируется в особых функциях, но именно в общей функциональной форме, как*

говорится, везде и всюду, где удаётся, выступает как нефункциональный, эксфункциональный, даже дисфункциональный».

Таким образом, линейная система, как и всякая исторически общественная система, целиком, всеми компонентами, настроена на репродуктивные процессы, то есть, грубо говоря, «на массовый нетворческий труд», в основе которого лежит регулирование и рост жёстко связанных потоков. Однако, несмотря на это, из недр производства, так или иначе, и всё чаще начинает выбиваться нечто аномальное. Это «аномальное» не вписывается и не сопрягается с текущим процессом и, наконец, искажает и разрушает согласованное и равновесное (спокойное) течение всех связанных производственных потоков. Как подчёркивает А.С. Шушарин, ««массовый нетворческий труд» – это вовсе не какой-то «плохой» труд. Ерунда это. Он был, есть и будет всегда. Даже на Андромете. Но в высшей исторической (линейной) форме своей же организации группо-иерархической собственности на технологии он и предстаёт как стопорящий труд творческий. Никаких явных несправедливостей нет, все вроде бы при деле, но вся система начинает растрескиваться».

Таким образом, можно сказать, что двигателем всякого восходящего развития является «производящий труд». Производящий труд – это общественная форма труда, проявляемая во многих функциях, которая вначале **разрывает** соответствующую **функциональность**, а затем преодолевает её. При этом в связанных (сетевых) неподвижных линиях производства образуются так называемые в «Полилогии...» **«производственные дефекты»**. «Эти дефекты, – как определяет эта теория, – и суть общественные, объёмные формы соисполнения работы в основных функциях, работы вполне весомой, субстанциональной, но которая столь же весомо, материально не сопрягается, не увязывается с другими работами – или уже не нужна, но продолжается, или ещё не нужна, но уже есть, или не тем нужна, или не так нужна и т.д. до бесконечности конкретных проявлений».

Следует заметить, что в отличие от товара, который способен ждать покупателя на полке магазина (или склада), а также в очереди на биржах труда, в частности, в виде рабочей силы, производственные функции, как процессы, физически и «впрок» запастись невозможно. Поэтому, коль скоро они в чём-то не те, что надо, ибо рассогласованы, то они неизбежно вносят во все смежные функции некий диссонанс, тем самым диффузно распространяют соответствующий дефект производства. Таким образом, стихийно диффундируют уже не технологии, а *«дефект производства»*.

Дефект производства, как говорится, растворён в линиях полностью увязанного, сопряжённого и синхронизированного производства. В соответствующих объёмах линий этот дефект составляет вполне определённую часть, однако при этом он не обособляется в некую определённую «вредную» деятельность. Особо следует заметить, что этот «вред» часто приносят самые важные, передовые, продуктивные производственные сдвиги, но *«в общественно скрытых, не обособленных формах»*. В силу изложенного дефекты производства есть не просто нечто большее, чем коммерческая тайна капиталистического производства, а внутренняя, *«интенсивная форма иррационализации линий»* функционального производства.

«Дефект свято охраняется, но чаще всего совсем не как злонамеренное сокрытие, а просто как нечто неуловимое и несознаваемое». В частности, это проявляется в так называемой *«подстройке технологий под дефицит»*, когда происходит внутренняя, конкретно-индивидуальная и всё уродующая таинственная порча производственного процесса, а короче – адаптация к «испорченным» обстоятельствам. Как замечает А.С. Шушарин, *«образно говоря, часто люди могут чувствовать, что делают никчёмную работу, но, за редким исключением простых случаев, попытки установить эту никчёмность наталкиваются на что-то ускользающее, да ещё и выясняется, что эта никчёмность кому-то пока очень нужна»*.

Дефект, как и всё в линейном производстве, технологически *многомерен*.

В процессуальном и многомерном постэкономическом производстве и его аномалия, дефект производства, процессуальна и многомерна, технична и технологична, поэтому дефект производства выступает в форме некоего неэффективного процесса неиспользования значительных возможностей многомерного потенциала данной технологии, что неизбежно ведёт к негативным социальным последствиям. Таким образом, конкретные **формы дефекта исключительно многообразны**, при этом, как правильно пишут, *«новое воспринимается как инородное тело, заноза, вокруг которой начинается воспалительный процесс»*. В итоге частный дефект производства проникает во всю совокупность выполняемых функций, которые, можно сказать, сами по себе *«ни в чём не виноваты»*, и поэтому внешне остаются, а точнее, *«кажутся»*, вполне рациональными.

И всякий раз, когда на конвейере происходит *«не какое-то рационально общее, а именно частичное, спонтанное новообразование вполне позитивного свойства»*, то *«в связанную систему оно неотвратимо вносит именно какой-то дефект»*. Само же, будучи уже новым и более совершенным, тоже *«порчено»* подстраивается под старую среду и становится, таким образом, неким *«новопорченным»* образованием.

Так как дефект производства не экономичен, а технологичен, то его закрытие невозможно, ибо это приведёт к остановке всего конвейера или смежников по сетям. То есть дефект неотвратимо диффундирует на смежные участки производства, как бы заставляя их подстраиваться под исходный дефект, который по своей внутренней сути может быть совсем и не дефект, а вполне рациональное, но не сопрягаемое, искажающее новообразование.

Однако, как пишет А.С. Шушарин, *«... каковы бы ни были многообразные формы дефекта, он всегда означает или своеобразную «неработу» неиспользования потенциала технологии, или объемную форму, как правило, скрытой тем или*

иным покрывательством, но **общественно бесполезной** в данном соисполнении работы, хотя и столь же общественно необходимой. Ключевой итоговый негатив капитализма – эксплуатация, присвоение результатов чужого труда. Ключевой итоговый негатив линейной формы – многообразные проявления общественно бесполезного труда. <...>

Короче говоря, технологическое содержание дефекта – это **неэффективность, контрэффективность** (сама себе парадоксальная противоположность) производства, как всегда **конкретное**, выступающее в скрытой форме «нетруда» или в «размазанной» общественной (абстрактной) объемной форме бесполезного труда. Но и общественно необходимого и явно не вычленимого. Если одной из общих метафорических характеристик технологической функциональности в ее «родовой» (нейтральной, симметричной) сути мы назвали **организованность** производства и всего бытия, то расползание дефекта приводит к противоположности (точнее, хаотизированности) **заорганизованности и дезорганизованности** (...) производства и всего бытия».

Таким образом, в заключение А.С. Шушарин пишет: «В этом главном содержании происходящего оказывается, что все работают относительно интенсивно и равнонапряженно, но все большая часть работы в ускользящих формах идет вхолостую». Конкретные подтверждения этого повсеместны: «изобретения делаются, но пропадают; металл гонится, но во многом складывается; станки выпускаются и приобретаются, но не используются; прокат идет, да не тот; ... удобрения производятся, но либо пропадают, либо перенасыщают почву; проекты множатся, но со временем многие уничтожаются; топливо добывается в возрастающих размерах, но и топлива, и химического сырья все больше не хватает и т.д.». К тому же бесконечные газетные примеры подтверждают, что действительное содержание дефектов несомненно технологически конкретно.

Наконец, дефект производства – не только основная форма постоянного негатива, но и уже форма критической

иррационализации всей функциональности линейного производства. А так как дефект производства обусловлен всей системой собственности на технологии, то потому проявляется лишь *«в пределах отдельных организаций»*, тогда как сам является лишь объективной характеристикой всей линейной формы общественного производства. *«Причем не столько «организаций», сколько самого труда и, главное, его динамики и взаимосвязей»*.

Итак, в чистом виде *«дефект производства есть формы именно технологической (как следствие – социальной) иррационализации процессов труда, негативов узурпации технологий, глухой закрытости и инертности «технологического феода»*. То есть речь идёт о «технологическом» аспекте и совсем не в узком инженерном и техническом смысле, но и в аспекте смысла самих процессов труда в части и *«в виде всех форм недоиспользования и сокрытия потенциала технологий, внутригруппового иждивенчества, «зажима» новых, консервации устаревших, неэффективности работы, несоответствий функций, их рассогласований, рассинхронизаций, качества, простоев, перегрузок, «порчи» технологий, бездеятельности и пр., вплоть до утраты целыми предприятиями их хозяйственной рациональности, при сохранении их функциональной необходимости»*.

Перечислим **некоторые « типовые » виды форм дефекта.**

Первое. Один из основных макродефектов связан с преимуществами самих по себе инерционных, медленно меняющихся технологий. В линейной форме постоянно выигрывают количественное соревнование те производства и отрасли, где делается что-то давно накатанное, редко и медленно меняющееся. Так, например, функции добывающих отраслей, которые почти не меняются, равно как и их технологии, обычно медленно развивающиеся. Это, как говорят, обычно регрессивные отрасли, которые по конкретному виду функции совершенно необходимы, однако в силу собственности на технологии к существенным совершенствованиям не склонные.

Второе. Еще одним из основных дефектов является сама (собственная) технологическая неоднородность. Эта неоднородность выступает, с одной стороны, в микроформах, различных полукустарных собственных вспомогательных производств, например, ремонт, литьё, штамповка и пр., при этом основное профильное производство может быть вполне высокотехнологичным. С другой стороны, эта неоднородность выступает в разных макроформах, например, от допотопных технологий до космоса, или от отдельных участков, цехов и предприятий до отраслей. Напомним, что, несмотря на эти технологические макроразрывы уровней совершенства, все они конвейероподобно увязаны. Так что в конкретной действительной жизни эти жизнеобеспечивающие функции высочайших технологий могут сочетаться с технологиями, включающими работу с ведрами, тачками и лопатами.

Третье. Это *«утрата контроля и недооценка социальных последствий»*, напрямую связанная с так называемой *«фиксированной дифференциацией контрольных служб в соответствии с ведомственной... принадлежностью подконтрольных учреждений, организаций, хозяйств»*. Проще говоря, это обусловлено принадлежностью контрольных служб органам тех же самых технологий, то есть самим себе. Иначе, *«дефект производства «охраняется» всей самой организацией этого же производства»*.

Четвёртое. Кроме скрытых потенций, иждивенчества, утяжелённости, вспомогательной кустарности и технологической неоднородности, главным классом дефектов в разрезе связи науки и производства, обеспечивающей конечную практическую ориентацию отраслевой науки и некоторую обновляемость производства посредством административного управления (то есть посредством образования новых функций, их силовым плановым вписанием в существующие структуры вплоть до образования даже новых сетей) является так называемый *«двойной дефект»*. В разрезе наука-производство со временем и в условиях ответственности на технологии (за исключением особенностей

ВПК), образовывается следующий **двойной дефект** – **«перенаселенность» науки** в силу репродуктивной невосприимчивости **основного производства и противоположная ей, научно-технологически всегда в чем-то устаревшая, «перенаселенность» в производстве.**

В частности, это и, как отмечает А.С. Шушарин, *«замеченная еще П.Л. Капицей «лень заводов», отсутствие «творческих запросов» от промышленности. Это же, кстати, еще раз свидетельствует и о растущей ограниченности административных и любых управленческих решений в линейном «исполнении». Потому только сами «трудящиеся нового типа» (обновляемый массовый субъект, или актер, перемен способны преодолеть этот постоянный и всепронизывающий взаимный барьер, тем более, еще раз повторяю, при конкретном содержании любого дефекта».*

Диффузный рост дефекта производства

«Вместе с тем, несмотря на нарастающую асимметрию собственности на технологии, соисполнение линий происходит в полном соответствии с законом положения функций, т.е. в общественной форме функциональной симметрии при соответствии объемов в смежных функциях, при примерной равнонапряженности труда (в том числе иногда и бесполезного). Да это и понятно, ибо «нехорошая» асимметрия всегда выступает в форме господства гомогенной функциональной симметрии («хорошая основа»). В самом деле, в процессе согласования функций, «планового торга» и «договора», каковому, как цене стоимость, предшествует образование объемов (поэтому любые, в том числе волюнтаристские, планы все равно корректируются), формально согласуются работы, объемы, соисполнители, этапы и т.д., но сами технологии при этом настолько взаимно табуированы, что ни у кого даже мысли не может возникнуть вмешаться в то, что делается у «другого внутри», ибо это

означало бы и вмешательство в твою технологию. Любой «технологический феодал» (и во всей сети их целые цепи) – неприкосновенная крепость. Собственность – не шутка. В итоге объем линии вместо свойственного «простому функциональному производству» соотношения ($P = Q + Y$) дополняется нарастающим дефектом линии (D – ХАТ):

$$P = Q + Y + D. \quad (2)$$

Этот дефект и оказывается общественной («асоциальной»), объемной формой иррационализации всего линейного производства. Приведенная символическая эвристика (2) показывает, что во всей структуре технологической занятости (проявляемой в численностях ли, в «бюджетах времени» в технологическом пространстве) к нормальной динамике равновесия добавляется не столько скрытная незанятость, сколько и прежде всего растущая бесполезная «занятость» во всех ее многообразнейших формах, собственно и составляющих основную «тайну» линейного производства».

При этом очевидно, что каждый основной дефект собственно производства автоматически порождает дополнительный дефект в объеме управления. На этот счёт весьма примечательна практика развитого социализма в части нормативного исчисления численности различных структур (отделов и бюро) управления, например, заводов и промышленных предприятий, в строго функциональной зависимости (а в простейших случаях – в процентах) от численности основных производственных рабочих. Более того, неэффективность в работе управления абсурдно отражается также и в бумаге, отчётности, инструкциях, планах и т.д.

«Наконец, само управление тоже может иметь собственный дефект, порождаемый производящим (новаторским) управленческим трудом. В результате в целом и возникает, нарастая, «размытость прав и ответственности», всех раздражающая «перенаселенность» управления, в действительности лишь отражающая «перенаселенность» в самом теле

производства, хотя и действительно склонная к «саморазмножению». Но ведь и это тоже «тайна» дефекта!».

Однако главная суть здесь не в бюрократии и управлении, а в низовой, групповой основе собственности на технологии. Поэтому можно сказать, что при переосмыслении линейного производства *«надо поменьше обращать внимание на всякое управление»* и переходить от часто ныне упоминаемого примитивного бюрократизма к материальной сути, прежде всего сетевых, основ диспозитивных связей самого производства. Весь исторический опыт, в том числе и линейного производства, показывает, что можно сколь угодно и как угодно сокращать управление, но *«оно просто автоматически сместится в более низовые функции, сохраняя соответствие все того же, и даже еще большего, объема объемам линий с их материальными дефектами, т.е. с объемной формой бесполезной основной работы (и «неработы»)».*

*«Итак, – согласно «Полилогии...», – дефект есть производственное отношение соисполнения линий, отношение увеличения иррациональности производства, или ... предельности «ведомственной оптимизации», утрачивающей возможность оптимизации по отношению к обществу с его усложняющимися жизненными процессами. Короче говоря, **основной закон линейного производства состоит в неуклонном росте дефекта линий производства, или технологической анархии** (Р. Косолапов, И. Хлебников), но только (и в этом суть!) именно в этой ее совершенно определенной исторической форме репродуктивного молоха логики плановой формы «индустриализма угля и стали»».*

Эти «самоцели», определяемые основным законом линейного функционального производства, присущи как для каждой (и любой), так и для всех вместе линий производства, вплоть до писания философских трудов. При этом А.С. Шушарин замечает, что *«собственность не надо драматизировать»*, ибо она и есть всего лишь *«ядро отжившей системы производства, пронизывающее все отношения»*. И будучи *«ядром отжившей системы производства»*,

линейного типа производства, с неизбежностью ведёт всю линейную, социалистическую, систему производства к её исторически закономерному концу, в т.ч. и в восходящем развитии общества. Это находит выражение, как в ранее отмеченном снижении доли общественно полезного труда, в общем объеме всех функций производства, т.е. в росте «доли пустой занятости», а следовательно, и к соответствующему снижению эффективности всего производства. В итоге так же неизбежно нарастает относительное снижение общего благосостояния, т.е. относительно падает мощность конкретных конечных функций жизнеобеспечения и, собственно, благополучие всего населения общества.

Далее отмечается: «*В отличие от закона прибавочной стоимости, рост дефекта вообще не выражается в телеологической форме (рост дефекта явно неловко назвать «целью производства», хотя, строго говоря, это действительно так). Отсюда и появилась весьма образно цепкая, но в то же время и определено мало что говорящая характеристика – «застой»*». Образ «застоя» – это нечто антидинамичное и антиновационное. Поэтому к дефекту и застою нигде и никто не стремится, что совершенно противоположно отношению к прибыли в экономической форме капитализма. Однако, как и при капитализме (в чистой форме), каждый агент линейного производства продолжает «*гнуть свою линию*», тем самым всё более «*плодя дефекты и углубляя застой*».

Рост дефекта никаким образом «*непосредственно не выражает основную стратификацию участников*» линейного производства. «*Субъектная форма противоречий сосредотачивается внутри самих «табуированных» технологий, в иерархиях и, особенно, в диспозитивных связях самих коллективов*». Однако этот стратификационный анализ, хотя и «*важнейший, но уже вторичный анализ*», равно как и любой подобный анализ для прочих чистых форм (ЧЭФ) и прочих социально-воспроизводственных градаций.

В то же время объективный технологический закон развития линейного (функционального) производства есть закон

«сопряжённости и согласования» функций, однако его основное содержание (мотив) проявляется через неуклонный рост дефектов линий производства, технологической анархии. И хотя этот рост нельзя, строго говоря, назвать мотивом, ибо мотив должен быть положительным, но именно в этом проявляется стремление к стабильности, покою, «накатанности и неизменности», что в целом свойственно всякой упорядоченности процессов и особенно после хаоса и случайности в связях частнособственнической инициативы агентов капиталистического способа производства, как такового.

Конечно, основной закон не следует понимать чисто механистически, ибо это всего лишь «приблизительная всеобщность». Поэтому, несмотря на отмеченную всеобщность, здоровые силы общества в основном производстве и на управленческих этажах, в лице трудящихся, повсеместно прилагают постоянные усилия к устранению дефектов. И не безуспешно. *«Где-то это, возможно, и удаётся. Но, как говорится, закон есть закон».*

Внутрисистемные «кризисы» и темпоритмы

Основная особенность общего типа асимметричного функционального производства, то есть линейной формы господствующего планового равновесия, в том, что ей свойственны и свои, хотя и специфические, но вполне полновесные внутрисистемные кризисы. Вообще же так называемые внутрисистемные кризисы, можно сказать, исторические кризисы, свойственны всем известным и реализовавшимся до настоящего времени формам градаций восходящего развития общества.

Так, для апополитейной первобытности это спонтанные вспышки «беспредела»; для классического рабства – неотвратимые войны; для установившейся автаркии – голод и крестьянские бунты; тогда как рыночному (капиталистическому) равновесию свойственны всем известные многообразные экономические кризисы. Для линейного равновесия

же характерны специфические внутрисистемные кризисы, непосредственно связанные с соответствующей, и неизбежной пересинхронизацией производства, разумеется, если речь идёт о восходящем движении в развитии общества.

А.С. Шушарин так конкретизирует это специфическое явление в линейной форме реального социализма: *«В совокупности все это и проявляется с формальной стороны в периодичности планов, а по производственной сути – во всевозможных аperiodических кампаниях (в режиме «пульсара» – А. Фонотов), типа «строек века», «совершенствования управления», «целины», «Нечерноземья», «химизации», БАМа, «пятилетки качества», даже «кукурузизации» и т.д. Более цепкая сила образов перемен в линейной форме производства как «новостроек», «строек века» и пр. дополнительно и ярко отражает то, что в условиях собственности на технологии все старые структуры к переменам не склонны».*

Всё это конкретное, тем не менее, вполне воспринимается как некая периодизация в гомогенном развитии данной формы и беда здесь не в собственной масштабности «строек века», ибо в основном это были вполне позитивные и необходимые явления, а в невосприимчивости линейной формы к новообразованиям. *«Причем все это такие же объективные явления, как и капиталистические кризисы и подъемы. Во внешней управленческой форме (ультраструктуре) на сей счёт известны такие же неизбывные аperiodические «сокращения» (некогда раньше – как подчас трагические «чистки»)».*

Это качественно другой характер темпоритма функционального производства, более мощный и в среднем более неповоротливый, чем у рынка. Своеобразный характер и сущность подобных перемен в линейной форме производства, резко отличающаяся от капиталистических циклов, давали повод советской ортодоксии *«для ложной трактовки плановой системы как «бескризисной». «Атавизм годового планирования» как «годовые исчисления», сохранившийся*

и в рыночных системах, не исчез в линейной форме и, более того, дополнился более долгосрочным планированием и прогнозированием.

Кроме того, отмечает автор «Полилогии...», *«низкая «вертикальная мобильность» и малоподвижность «номенклатуры» в сочетании с аperiodическими разносами (сокращениями) – это тоже есть управленческое отражение темпоритма линейного производства, довольно четко выражаемого «кампаниями» и «пятилетами».* При этом соответствующая переструктуризация линейного производства обуславливает функциональную мобильность. И если капиталистические циклы разоряют и выдвигают, то функциональные циклы в форме «новостроек», всевозможных «кампаний» и «пятилеток» перемещают своих героев, правда, в качественно ином, отраслевом и иерархическом рисунке. В частности это проявляется в том, что чем выше по вертикали управления, *«тем перемены реже, но и круче, масштабней (по горизонтали)».*

Следует заметить, что речь идет пока только об эндогенной логике, согласно которой плановым формам на исторически известном и коротком интервале присуще отсутствие экономических кризисов капиталистического типа, однако, как выше было показано, в линейной форме имеет место *«просто совершенно другой тип «дерганий» или темпоритма, неотвратимых пересинхронизаций производства, изменений «титальных списков», целей».*

Наконец, весьма актуален для понимания линейной формы следующий комментарий А.С. Шушарина по работе Госплана СССР в изложении В. Маевского. Шушарин пишет: *«Он полагает, что Госплан не занимался разработкой программ свертывания технологически отсталых производств (что устраивало идеологов КПСС как «бескризисность»).* Отсюда, по его мнению, и возникло явление *«невосприимчивости экономики к НТП».* Но сам же Маевский при этом замечает, что от фактора выполнения плановых заданий *«зависели карьера людей и их зарплаты».* А вот

это уже и суть проявление вовсе не «идеологии КПСС» или просчетов Госплана, а едва ли не ключевого свойства собственности на технологии, тем паче уже при отсутствии свободных факторов производства и в условиях растущих инноваций НТР, грубо говоря, покушающихся на насиженные места. Даже капиталу для «свертывания отсталых производств» приходится иной раз прибегать к полиции и армии (реконструкция угольной промышленности в Великобритании во времена «железной леди»). А для гегемона «трудовых коллективов» и армия не угроза.

В заключение изложения «основного закона» как «закон бытия» линейной формы функционального производства, перед тем как сделать шаг к анализу «закон конца» этой формы, кратко опишем в целом «полную форму градации», в которой доминирует эта линейная форма и которую часто именуют как реальный социализм. При этом ещё раз уточним, что последующее изложение по-прежнему ведётся в рамках эндогенной логики «Полилогии...».

2.2. О полной форме градаций

Имманентная цельность «производства и воспроизводства действительной жизни» и его несводимость только к господствующим, доминирующим отношениям, порождает ряд так называемых «загадочных явлений экзотеризации (внешнего проявления – ХАТ) «общего равновесия», материального полилога или полилогизации базовых форм (уже многомерной «суеты сует»), объективного появления внешних и «превращенных» форм». При этом эндогенный анализ полной формы градаций не касается «многоукладности всех, подчас весьма мощных, внутренних и внешних международных (экзогенных) отношений, исторических и пр. постранных особенностей, «послезастойной» деградации».

2.2.1. Контурсы снятых деформаций

Всякое *«господство соответствующей одной гомогенной симметрии, одного типа доминирующего равновесия (в данном случае планового, функционального, технологического), означает, что в полилогизованной материальной структуре «общего равновесия» всегда базово-гетерогенного производства все остальные симметрии или механизмы (базовые отношения; структуры; типы сует, хаосов или равновесий), прежде всего ранее снятые производственные отношения, некоторым образом искажены, деформированы, выступают в виде в данном случае линейных деформаций, «плановизованных» материальных «инфраструктур»».*

В то же время все прочие производственные отношения, каждый тип по своему, со своим характерным типом взаимодействия, темпоритма и т.д., оказывают обратное влияние (давление) на доминирующую, господствующую, форму производства. В целом имеет место полилогическая интеграция множества типов вклада в формирование состояния общего равновесия, что в итоге и обуславливает типологический характер движения всей системы производства, зачастую весьма далёкий от чистых форм господствующего производства.

А.С. Шушарин пишет: *«Иначе сказать, если господствует закон положения функций («невинное» функциональное или плановое равновесие), но во всеподавляющей линейной форме, то происходит искажение товарного равновесия (экономических отношений), территориального или натурального, гражданского (демографического) и самого глубокого органического (социально-биологического, культурно-родового) равновесия, т.е. имеют место их материальные деформации».*

Этот механизм деформации подобен тому, как, например, при феодализме все стороны общественной жизни, от типов отдельных хозяйств, денег, системы образования

вплоть до покроя костюмов, семьи и музыки были феодализованы, или, например, как при капитализме всё так или иначе было капитализировано, то есть *«овеществлено, отоварено, орыночено, коммерциализировано, однежено, окапиталено»*. Подобный механизм действует и в линейной форме – *«все происходит как функциональное, ведомственно-учрежденческое, технологическое, отраслевое, опланированное, линейное, статусное, причем в самих материальных структурах и процессах»*, а если и не происходит, то внешне выглядит именно так и не иначе. При этом напомним, что *«уяснение идет только в предельно «чистом виде» моноукладной градации линейной формы»*.

Сначала остановимся на линейной деформации экономических отношений.

2.2.1.1. Экономическая деформация и «странность» денег

На этот счёт А.С. Шушарин пишет: *«...линейная (плановая) деформация экономических производственных отношений наиболее броско обнаруживает себя в «странности» денег и вообще во всей «бухгалтерии» производства (мономерной денежно-продуктовой части хозяйственной семантики). Это собственно и есть «планово-снятый», как говорилось, «социалистический рынок»*. Нечто подобное и в «капиталистических формах» К. Маркс предвидел в своих работах, он писал: *«Если налицо совпадение производства и потребления, т.е. если в конечном счете имеет место пропорциональное производство... то вопрос о деньгах становится совершенно второстепенным, и в частности совершенно второстепенным становится вопрос о том... в какой еще иной (знаковой – А.Ш.) форме люди будут вести общественную бухгалтерию»*. Продолжая мысль, он отмечал, что в этом случае *«банковский бон не был бы деньгами, или он был бы лишь условными деньгами в расчете между банком и его клиентами, но не на общем рынке»*.

Продолжая комментировать этот момент, А.С. Шушарин отмечает следующее: *«Далее речь идет о функциональном производстве, почти буквально в самом прямом смысле: «Этот бон был бы тем же, чем является дюжина абонементных талонов на обеды в ресторане или дюжина театральных билетов; и те, и другие представляют деньги, но первые представляют деньги лишь в этом определенном ресторане, вторые – лишь в этом определенном театре. Банковский бон перестал бы отвечать тем требованиям, которые предъявляются деньгам, так как он имел бы хождение не среди всей публики, а лишь между банком и его клиентами».*

<...> чтоб избавиться от хозяйственных интонаций, в том же образе Маркса правильнее было бы говорить обо всех «ресторанах» или «театрах», но тогда и рассуждения о «бонах» приобрели бы другой характер. Но момент снятия денег (как и вообще всех экономических отношений) зафиксирован точно; они становятся адресными. А если чуть продолжить аналогию, то деньги становятся подчиненными уже «ресторанно-театральным» (т.е. функциональным, технологическим) производственным взаимоотношениям».

Деньги в линейной форме во многом утрачивают свою универсальность и мономерность, становятся, как и сами производственные связи, адресными, а поэтому и **локально-значащими**, то есть это уже не совсем деньги. С другой стороны, при капитализме денежные формы статусных явлений, например, внутри предприятия (фирмы) и в контрактах (трансферт и пр.) уже не имеют непосредственного отношения к рынку и товарообмену.

Таким образом, *«в более общем содержании неумолимая технологизация (плановизация, иерарх-корпоративизация, «бюрократизация») производства как раз и проявляется, в частности, в устойчивых адресных связях (длительно-контрактных и пр.), которые фиксируются и обслуживаются лишь денежноподобными документами или деньгами в их явно неклассических рыночных функциях».*

Итак, в линейной форме деньги сняты, они лишь обслуживают господствующие статусные формы собственности на технологии, сохраняя чисто внешнюю форму денежного оборота (обращения) и всеобщего эквивалента. Поэтому, например, для обеспечения некоторой функции, положим, средствами производства (при капитализме это была бы просто покупка средств производства), одних денег уже мало, ибо ещё необходимо выполнить (или заранее уже иметь) согласование соисполняемых функций, так называемое, конкретное «фондирование». Это «фондирование» есть согласование в части обеспечивающих функций, выполняемых соответствующими поставщиками (изготовителями) средств производства. Короче, поставщик должен дать согласие или получить соответствующую команду (наряд) на поставку данному потребителю необходимых средств производства.

До этого момента имеющиеся у потенциального потребителя средств производства деньги пусты и условны, ибо *«безналичны в смысле нефондированности (а не в смысле технического момента безналичного оборота)»*. То есть одного наличия денег и желания приобрести данные средства производства уже недостаточно, необходимо ещё и соответствующее фондирование.

Кроме того, как отдельные предприятия, так и целые отрасли наделены определенными статусами, категориями, в том числе и внутренними структурами использования денежных средств сообразно статусам и различным функциям. Это так называемые фонд «экономического стимулирования», фонд «развития производства, науки и техники», фонды различных социальных расходов и прочие фонды. Поэтому все линейное производство в экономической терминологии к ценам не эластично, а соответствующая система налогов в целом не имеет почти никакого отношения к их классическому рыночному содержанию, вплоть до так называемых «свободных остатков», то есть не использованных (не фондируемых) денежных средств.

Интересно, что многие, в том числе и «технари» неоднократно пытались объяснить экономистам, что у *«не товарной продукции»* нет ни стоимости, ни цены. Поэтому предприятия функционального производства не продают своей продукции и, следовательно, например, удержание с них налога бессмысленно и имеет всего лишь некоторый учетный смысл. Более того, несмотря на всю вышеизложенную аргументацию, «законченным» экономистам невозможно объяснить, что все так называемое экономическое в линейной форме существует уже в форме инфраструктуры и само уже суть инфраструктура линейной формы производства и воспроизводства действительной жизни. Поэтому и вся *«денежно-банковско-финансовая ультраструктура»* входит в эту инфраструктуру. Таким образом, *«в «реальном» производстве парадом командует не обмен, а соисполнение, а в знаковой сфере – не деньги, а статусы»*.

Далее некоторые из авторов, в частности, Я. Корнай, при анализе реального социализма отмечали, что «прибыль не имеет никакого значения». Более того, в силу снятости экономических отношений считается, что такие экономические (капиталистические) асимметричные проявления обмена как прибыль, спекуляция (купля для продажи), процент, рента, фиктивный капитал и т.п. уже типологически являются преступными, преступлениями. Обращаясь к исторически прошлому, напомним подобную аналогию в понимании преступности. Так, при капитализме были (и есть) преступны все феодальные формы асимметрии территориальных отношений, в том числе любые местные ограничения перемещений товаров, рабочей силы и капитала.

Поэтому в отношении «реального социализма» и линейной формы градации А.С. Шушарин замечает: *«Все это, конечно, доставляет ужасающие неудобства рыночным экономистам, стремящимся вернуться энтропийно куда попроще, чтоб им легче было считать, к «нормальной» прибыли, ценам, налогам, мономерным деньгам»*.

Но многообразия проявлений совсем неденежных, многомерных по самой природе статусов – результат действия технологизированных (многомерных, объемных, если угодно, «затратных»), а вовсе не стоимостных (рыночных) структур и взаимосвязей производства. Причем напомним, что сами по себе «фамилии», дипломы, пропуски, деньги, статусы суть «извечные» и совершенно невинные (нейтральные, базовые) знаки ценностей, просто статусы сложнее денег, многомерней; другое дело – какие знаки правят бал, а это определяется собственностью. В целом все снятые денежные явления в линейной форме образуются огромными многообразиями ситуаций...». Некоторые из этих ситуаций выше были уже упомянуты.

Тогдашний советский рубль, формально везде одинаковый, в действительности был различен в разных секторах народного хозяйства, в различных срезах, этажах и регионах производства, а потому *«какого-то одного общего объяснения статусной деформации денег просто не существует»*. Так, например, в аналитических выступлениях ряда авторов звучали следующие оценки о разных «весах» денег по таким крупным группам как продукция военная, потребительская, техническая, продовольственная, сельскохозяйственно-строительная и т.д. Однако, строго говоря, разновидностей денег здесь, можно сказать, ровно столько, сколько самих предприятий, объединений и ведомств. Таким образом, можно сказать, что в линейной форме *«денежная власть»* принадлежит не правительству, а тысячам хозяйственных единиц (по числу предприятий). В это связи, характеризуя ещё советский период известной «перестройки», А.С. Шушарин, резюмирует: *«Оно, хотя и примерно, так. Но это-то и произошло (можно даже сказать, приоткрылось) при «отпусках» в «самостоятельность»». До того хозяйственная индивидуальность (если угодно, их ранее упомянутая марксова «театральность») денег не составляла ровным счетом никаких хлопот»*.

И только лишь в сфере потребления и жизнеобеспечения населения линейного производства и воспроизводства действительной жизни деньги практически выступают, можно сказать, в классическом варианте. Действительно, потребительский рынок в основном всегда есть относительно бездресный, с произвольным выбором. Так, если есть хотя бы два сорта хлеба, то, следовательно, есть и рынок, поэтому именно в сфере обращения наличности (денег как «*обратимых нарядов*») рыночные инварианты сохраняются, что находит самое общее выражение в бюджетном балансировании и кассовом плане. Однако цены здесь все равно имеют уже не стоимостную природу и совсем не рыночную. При этом в качестве постоянного и своеобразного барометра неизбежных отклонений объемных структур от стоимостных выступает «колхозный рынок», разумеется, в части сферы продовольственного потребления. Главным образом в линейной форме эти отклонения проявляются в изменениях степени дефицитов и длины очередей.

В этой связи А.С. Шушарин отмечает следующее: *«Экономические закономерности сняты, но отнюдь никем не могли быть «отменены». Поэтому при резких отклонениях цен от стоимостей возникают возможности махинаций, спекуляций, вылезает теневое производство, тогда у «границ терпения» (Я. Корнай) происходят компенсирующие изменения в производстве. Хорошо также известны дотации и преференции, можно сказать, чисто социалистической (хотя и материально пока малопонятной) природы (дешевое продовольствие, жилье, транспорт и т.д., иногда и с «перегибами»), нестоимостной шлейф от которых, тем не менее, тянется во все без исключения ценовые структуры. В сравнении, например, с «развитыми» капитранами плата за жилье могла быть почти символической, а это неизбежно связано со всеми зарплатами и ценами.*

Кстати, именно на этих явлениях строится миф «дешевой рабочей силы», каковой к тому же здесь вообще не

имеется, а есть исполнители технологий. Если не прикинуть жилье, электроэнергию, газ, транспорт, детские дела, отдых и пр. по западным меркам, то картина будет совсем другой. Кроме того, напомню, что благосостояние (благополучие) людей здесь многомерно, жизнеобеспечение тоже функционализировано, причем и далеко за пределами только канала потребительского рынка (ясли, садик, пионерлагеря, обучение, жилье, лечение, путевки, ордера и пр.). Все это означает, что к «зарплате» благосостояние здесь в принципе никак не сводится. И дело не в ее величине, а в качественно ином общественном типе. А это еще больше и глубже уводит все денежно-ценовые явления от их классического стоимостного содержания. Вообще от всего экономического, хотя и отнюдь не «уничтожая» его. Доля (но, конечно, именно доля, а не уровень) социальных выплат, показывает Г.В. Курцева, в СССР была весьма близка к этой доле в развитых западных странах – капитализм – ученик довольно способный. Но вот с учетом многих «народных цен» и вообще неденежных компонентов социального обеспечения, его реальная доля была выше.

В равновесном состоянии капиталистического общества, например, во внутрифирменных отношениях, почти повсеместно (!), действуют вполне реальные статусные структуры, но в силу ограниченности внутрифирменной областью распространения, являются пока лишь потенциальными статусными структурами (будущей функциональной формы производства общества!). Очевидно, что эти статусные структуры, хотя и потенциальные, также деформированы реальным капиталистическим рынком, а именно рынком труда и, разумеется, в пользу высшего менеджмента (высшего звена управления), что вполне исчерпывающе объясняется экономической (капиталистической) логикой производственных отношений. Таким образом, в целом, образно говоря, при капитализме правит финпромплан (точнее – финтехплан), тогда как в линейной форме, в рамках той же терминологии частиц «фин» и «тех (пром)», когда

все экономические структуры уже сняты, но не исчезли и повсеместно подчинены статусным структурам и отношениям, «правит бал» в своё время всем хорошо известный **«промфинплан»** (точнее – техфинплан). *«Потому, – замечает А.С. Шушарин, – легко сказать, что, допустим, це-нообразование «плохое», но куда трудней понять, что оно диктуется собственностью на технологии».*

Смысл линейной деформации экономических отношений приближенно выражен широко известной из ортодоксальных «политэкономий» и последних лет «совершенствования хозяйственного механизма» и «перестройки» в СССР метафорой – хозрасчёт. Однако, как и в прочие исторические времена, важно понять, какой именно «хозрасчёт» доминирует. То ли доминирует хозяйственный расчёт с частицей «тех (пром)», – **«технорасчёт»**, или с частицей, уходящей в прошлое, «фин», – «экономрасчёт»; то ли с ещё ранее доминировавшими историческими «хозрасчётами», – «натуросчёт», «профрасчёт» и, наконец, изначальный, – «антропорасчёт».

Поэтому расхожее, в своё время выражение «полный хозрасчет» – это неуклюжее обозначение осмысленного хозяйственного, рационального поведения агентов производства, которого в равной мере придерживаются как вожди первобытных племен, владельцы латифундий и, соответственно, крепостные и феодалы, так и, в условиях капитализма, – рабочие и капиталист, а также, в условиях социализма, – исполнители, начальник цеха, директор, начальник главка и т.д. В этих разных формах производства *«полные хозрасчеты» как типологии хозяйственного анализа и рационального (в тривиальном значении осмысленности) поведения»* в своей сущности оказываются ортогонально различными, ибо доминируют в них различные типы хозяйственного расчёта. Так, А.С. Шушарин пишет: *«Шеф, скажем, племени у огнеземельцев в случае безнадежной голодухи, как свидетельствовал Ч. Дарвин, может даже счесть хозяйственно целесообразным дать добро на съедение старухи. На это*

хозяйственники следующих форм производства уже едва ли решатся. Но в снятом виде тот же самый антропорасчет у них как аспект неумолимо есть (учет половозрастного, «умственно-телесного» состава работников, трудоспособности, больных, женских отпусков, отдыха, детских дел, семейных и родственных беспокойств каждого человека и пр.). Так что опять все дело в типологии, доминировании разных «расчетов» в «полных хозрасчетах».

Итак, в линейной форме производства доминантно уже невозможен экономический, а в целом капиталистический, хозяйственный расчёт, ибо «явного рынка практически нет, уволить трудновато, ставки фиксированы, как и цены, задания сваливаются» и это есть совершеннейший факт.

Доминирующей основой «технорасчёта» является сфера **технонимики**, а не ранее исторически пройденные, но никуда не исчезнувшие и параллельно существующие сферы антропонимики, трудонимики, топонимики и товаронимики (цены, деньги и пр.). На этот счёт даже западные экономисты справедливо пишут, что кроме ценовых сигналов в экономическом (капиталистическом) обществе существуют и «неценовые сигналы», в частности, это так называемая техническая информация или сигналы внутри сотрудничающих предприятий. Таким образом, если при капитализме технорасчёт, можно сказать, существует лишь внутрифирменно, то в исторически последующей в восходящем развитии форме, то есть в линейной форме, технорасчёт – это уже **общественный** процесс, причём более сложный и высокий, как и сама линейная форма, чем экономический (бухгалтерский) расчёт и сама экономическая форма производственных отношений.

Доминирование технорасчёта обуславливает и всем известную «инженерность» значительной части советской номенклатуры. Многие отмечают, что современной цивилизации более адекватен человек технический. И это совершенно верно, но лишь в производительном смысле, тогда как в производственном, то есть в социально-структурном

смысле картина ортогонально иная. При капитализме в воспроизводственной деятельности доминирует и правит бал «человек экономический», то есть это собственно бизнес в образах частного, предпринимателя, банкира, финансиста, бухгалтера, маркетолога и т.д. В плановой же форме правят бал уже не бухгалтера, а «конструктора», инженеры производства. Это собственно и различает, можно сказать, сами производственные типологии доминирующих чистых форм капитализма и социализма (линейной, функциональной формы). Гениальные инженеры были всегда, во все исторические времена. Так и капитализм, бесспорно, изобилует технократическим мышлением, однако в общественной механике доминирует, господствует, как правило, абсолютно, экономическое, «бухгалтерское», коммерческое и *«ярмарочное (рыночное) мышление»*.

Образно, при капитализме даже с «человеческим лицом» по шведскому образцу типологически всё и суть «ярмарка», а в линейной форме, даже самой захудалой – всё и суть уже «фабрика», да и сам тип связей выше и сложнее, но при всём при этом нечто позитивное от предшествующего всё же остаётся, а негативное утрачивается.

*«Итак, – заключает А.С. Шушарин, – денежные (экономические) расчеты и суть лишь снятая мономерная («числовая», скалярная) часть уже на ступень более сложных расчетов. Упругость экономических отношений никуда не исчезла, но их сфера, с одной стороны, во многом уже деобъективирована, симметризована, избавлена от стихии, «поставлена под общественный контроль», с другой стороны, адресно резко сужена, а в целом деформирована статусными структурами, доминирующей собственностью на технологии. Потому рентабельность, себестоимость, амортизация и т.д. – все это в основном хозяйственные (экзотерические (внешнее, не представляющая тайны – ХАТ)) **счетноподобия** прибыли, цен производства, возмещения основного капитала, т.е. на самом деле это мономерный (денежный) расчет вещественно-продуктового (экономи-*

ческого) среза функционального производства с высоким безразличием к ценам на его составляющие (важна их определенность, «предсказуемость», а вовсе не близость к стоимости)».

В совокупном процессе линейной формы производства выравнивается не «прибыль», а упорядочивается само производство, его структура, можно сказать, что выравнивается «расход (напряженность)», разумеется, с учётом существующих разнообразных квалификационных, региональных, отраслевых и прочих, управленческих дифференциаций в соотношении с нормой вала на душу населения. Поэтому относительная доминанта денежной формы существует только в потребительской сфере и преимущественно в её продуктовой части. Все остальное, что вне этого, существует, по сути, в ценах только расчётно (точнее, счётно), особенно в оптовых ценах, в налогах и в отчислениях, то есть, можно сказать, существует в высшей степени условно.

По этой причине о регулярных пересмотрах оптовых цен работники, в целом население, даже и не подозревают. И только лишь у бухгалтеров в этой связи появляется масса работы по сплошному пересчёту всей «экономической документации». И дело здесь не в том, что что-то стало дороже, а что-то дешевле, например, та же нефть. По существу для предприятий она не «дешевая» и не «дорогая», а, можно сказать, «просто функционально-согласованная», и от величины цены на нефть ни собственно нефтяникам, ни соответствующим переработчикам, можно сказать, ни жарко, ни холодно. Страдают при этом, и только «пересчётом», их бухгалтерии. Казалось бы, что в случае резкого снижения стоимости и соответственно цен на нефть, резко должны быть снижены и сами потенциалы стимулирования энергосбережения, однако в линейной форме не все так просто. Напомним, что в чистой линейной форме все измеряется не через экономическую прибыль, а через так называемые «границы терпения», очерчивающие область линейных кризисов, за которыми следует соответствующая переструктуризация производства, «перестроечная кампания».

При этом справедливо считается, что очень низкие цены на сырье, топливо, оборудование не стимулируют развитие материало- и фондосберегающих технологий. Действительно, с одной стороны, любое фондирование как обеспечение почти не зависит от обеспечиваемых функций, как говорится, «что дают, то и бери», при этом, в свою очередь, *«обеспечивающие безответственны к работе обеспечиваемых»*. С другой стороны, *«в ценовой плоскости важны не цены, а их устойчивость и всеобщий кассовый баланс»*. Поэтому в-третьих, сберегающие технологии хотя и не стимулируются, но в то же время снижение цен не приводит к сдерживанию и ограничению репродуктивного производства, свойственного линейной форме. Как говорится, «только «молоти», за сырьем и пр. дело не станет». Следовательно, если общественный контроль таким образом и допускает расточительность, то она и есть, да и как ей не быть.

Но если в этой ситуации дело доходит до «внедрения» сберегающих процессов, то это означает, что уже исторически необходим типологически новый сберегающий общественный контроль. Иначе говоря, необходимо революционное обобществление технологий.

И ещё о деньгах и ценах, но уже с позиций глобальной, экзогенной логики «Полилогии...». Характер цен на мировом рынке отражает и выражает в целом суть международного товарообмена, некоего, якобы международного, рынка, а точнее, некой хозяйственной игры, – игры только в ворота неометрополий, в их интересах. Всё, что так или иначе нарушает интересы главных игроков, метрополий, как в покупках, так и в продажах *«блокируется пошлинами, квотами и вообще всеми правдами и неправдами, вплоть до КОКОМов и спекуляций вокруг «прав человека»*.

Часто можно было слышать, что советский рубль, равно как и все социалистические валюты, – это неконвертируемые, *«замкнутые валюты»*. Однако это замкнутость совсем иного рода, чем экономическое замыкание валюты слабого рынка, которая пытается, обычно безуспешно, защищаться

от сильных валют метрополий. Советский рубль же был замкнут по иным, совсем не экономическим, причинам, так как это были уже снятые деньги, где-то, как иногда говорили, «деревянные», а где-то и посильней любого доллара, ибо он, рубль, обслуживал уже совершенно другой тип производства. Например, относительно доллара, один рубль в сфере потребительских товаров – это порядка десяти центов; а в сфере жилья, проезда и т.п. – это уже десяток долларов. То есть реальный курс рубля во внешних операциях для различных товаров и услуг совершенно различен. Известно, что в СССР использовалось порядка 3000 «дифференцированных валютных коэффициентов», что весьма осложняло жизнь советским экономистам. Такое множество валютных коэффициентов объясняется тем, что каждый товар, а точнее, соответствующая функция, имеет не только индивидуальные характеристики, но и многомерные эстетико-технические и товароведческие характеристики. Вообще-то это порождает миллиарды коэффициентов, но обходятся на практике всего лишь тысячами, ибо при государственной монополии во внешней торговле и в валютной сфере сиё не так существенно. Однако малейшие «свободы» в валютной сфере и во внешней торговле чреваты лавинообразным подрывом рубля, что и наблюдалось в ходе недавних российских реформ с ещё, можно сказать, *«незавершёнными последствиями»*.

Итак, экономические отношения, то есть *«общественные формы связей в виде обмена, денег, цен, товара, рабочей силы, «прибыли» и т.д. в линейной форме не плохие, не хорошие, а просто «сняты»*», или, можно сказать, включены в более высокую систему.

В этой связи отметим, что проявление экономических отношений, в частности, тех же реакций производства на динамику спроса-предложения, в линейной форме весьма ограничены, резко сужены, то есть, как только что отмечалось, «включены» и «сняты». Это проявление имеет место в некоторых вполне реальных нишах общественного производства и воспроизводства действительной жизни.

Так, например, это отмечаемая многими так называемая *«экономическая уравниловка»*, которая отражает явное ослабление экономической, чисто денежной, мотивации труда как экономического принуждения. Это, другими словами, нивелирует индивидуальные способности работников (исполнителей) и их намерения в пределах каждой технологии работать более интенсивно и качественно, т.е. работать эффективно.

Во-вторых, эта деформация проявляется в резком сужении всего мелкопроизводственного сектора производства, в том числе и главным образом в сфере жизнеобеспечения или, как её называют, в системе обслуживания: бытовые услуги, торговля, общепит, буквально мелкое, частнособственническое ремесленное производство.

«В-третьих, – как пишет А.С. Шушарин, – оказался «перезажат» разрешаемый (лицензируемый) ведомствам или мощным предприятиям крупный внешний бизнес, в согласованной игре на «их» поле по «их» правилам с нашими целями, а равно допустимых их игр на «нашем» поле по «нашим» правилам с их целями (прибыль). Все это вместе означает и некоторое сближение статусных структур со стоимостными, но и, разумеется, не разрушительную инверсию (перестановку местами – ХАТ)».

Однако все вышеупомянутое экономическое есть лишь *«линейная (плановая) деформация экономических производственных отношений»* и не имеет прямого отношения к главному в восходящем развитии общества реального социализма, к преодолению дефекта производства и, можно сказать, *«квазистабильного состояния «застоя»»*.

2.2.1.2. Территориальная деформация

«Деформация снятых уже при капитализме территориальных производственных отношений проявляется в огромном многообразии свойственных системе негативов местной жизни, расселения, городов, сел, жилищного

вопроса, развития регионов, нелепостей в транспортно-топливно-энергетических структурах и т.д.».

При капитализме капитал как общественное отношение есть отношения собственности на средства производства, которое было задано до того, как оно воплотилось в пространственных отношениях. Аналогично и господствующие в линейной форме *«отношения собственности на технологии отраслевых, статусных структур и ведомственно-учрежденческих форм»* заданы изначально, то есть до того, как они будут «позднее» воплощены в пространственных отношениях.

Таким образом, отношения собственности на технологии были изначально воплощены во всех территориальных, натуральных структурах и сторонах жизни, в процессах расселения, проживания, передвижений, во всех натуральных структурах, во всей географии производства действительной жизни. Напомним, к примеру, типично технологические изменения в топонимике советских городов: Магнитогорск, Асбест, Кузбасс, Апатиты, Электросталь, Бокситогорск, Нефтегорск и др. За всеми этими «натуральными смыслами городов» скрыты весьма весомые географические субстанции, само материальное, объективно ценное для людей. И, как пишет А.С. Шушарин, *«за «поэтикой», к примеру, «нашенского» Дальнего Востока скрыт вполне материальный выход к океану, природные ресурсы, рыба, золото, трудная и огромная граница и пр.»*.

Порою встречаются образы «естественного пространства» или, например, «естественной логики территорий». Однако полилогическая диалектика социальных форм и развития, география бытия, как территориальные и натуральные формы и как отношения, имеет свои субстанции, но она (география бытия) всегда подчинена доминирующим производственным структурам. Потому «естественной» географией можно, и только условно, называть ту систему, в которой доминируют и формируют предельно-критическую автаркию, именно натуральные или территориальные отношения как *«идеальный тип феодализма»*.

Возвращаясь к анализу снятой территориальной деформации, следует заметить, что в классическом марксизме эти явления рассматривались лишь в русле, так называемой, «экономической географии», что, по сути, близко к экономической деформации территориальных отношений, то есть, можно сказать, к «капиталистической географии». По этой причине известная «Экономическая география» (региональная экономика) поневоле никогда не выходила за рамки хозяйственно-экономического анализа территориальных аспектов и исправлений отдельных недостатков. И до настоящего времени во многом само понимание гетерогенности, неоднородности и типологической разнообразности, производственных отношений, их последовательного снятия в процессе восходящего развития, деформаций и т.д., к сожалению, полностью отсутствует.

Итак, при уяснении деформации территориальных отношений, в случае анализа полной формы градации «социализм», следует говорить об этих деформациях как об «отраслевой» географии, как о ведомственной, о плановой или о технологической географии. Эти деформации есть неизбежные искажения натуральных, территориальных отношений (структур, процессов) линейной формой, всё же сохраняющих при этом свою материальную логику.

Что же касательно СССР, то характер отношений в нем был на порядок сложнее. Бывший СССР совершенно верно характеризуется некоторыми как «конгломерат стран». Однако это уже область внутривосточных экзогенных (межобщественных) отношений, логика которых выходит за рамки эндогенных отношений «Полилогии...» и в данном анализе нами не используется.

Так, согласно одной довольно редкой обобщающей «географической» статье выделяются четыре характерных для социализма региональных стратегий развития:

– расширение территориального плацдарма хозяйства и более равномерное размещение производства, даже в

ущерб его эффективности, при явном акценте на ударные стройки в районах открытия и освоения новых природных ресурсов в условиях ограниченной комплексности развития соответствующих территорий;

- «игнорирование кризисных промышленных районов»;
- «доминирование унификации, типизации, модели развития районов»;
- преобладание централизации решений при забвении потребности в компенсации неизбежных региональных неравенств.

Кроме того, там же отмечаются: узкая территориальная специализация и монокультурность производства ряда регионов; высокая доля магистрального транспорта; резкий контраст «город–село» и «центр–провинция»; незначительность межрегиональных отличий в уровне потребления при различных уровнях производств; «большой разрыв между географией доходов и географией потребления» и т.д.

Эти негативы во многом взаимосвязаны друг с другом, при этом, очевидно, имеют и свою собственную логику, и свою специфику. Однако главная суть, объединяющая и порождающая их, состоит в том, что перечисленные выше стратегии и негативы являются проявлениями давления доминирующего механизма собственности на технологии на ранее снятые территориальные производственные отношения, то есть являются *«линейными, ведомственными или отраслевыми деформациями территориальных отношений, всей географии производства в любой из плановых систем»*. И эти деформации не «корень зла» складывающейся суммы отраслевых усилий, а есть суть, порождаемая *«именно технологическим равновесием «отраслевых усилий», доминированием собственности на технологии»*, что собственно и определяло облик всей географии производства в бывшем СССР.

Сегодня же реализация общего рыночного курса, который в условиях феодализма разрывал натуральность

и обобществлял пространство производства, в условиях технологизированного пространства бывшего СССР рвёт это пространство производства не в сторону «локомотивов», а в сторону *«рассеивания и ликвидации»* технологических связей, насаждает сегментацию рынков вплоть до регионального монополизма и диктат, в ряде регионов, даже небольших по российским масштабам предприятий, вплоть до *«городского сепаратизма»*. С другой стороны, наоборот, ликвидация нужных стране предприятий в порядке территориальной (местной) «неинтересности». А ведь именно союзные предприятия, предприятия общесоюзного значения, будучи частью отраслевых структур, как раз и защищали членов общества от диктата узорегиональных интересов.

И если в западных структурах капитал подчинил себе самостийность территориальных отношений, то в линейной форме это сделали, подчинили себе самостийность регионов, уже старые и новые отраслевые структуры. Однако там, на Западе, это был когда-то восходящий рыночный разрыв (снятие) натуральности, тогда как сегодня, в России, это в корне иное, – *«нисходящее рыночное разложение технологичности»*.

Известны ещё с советских времён перестроечные идеи усиления территориальных аспектов планирования, предпочтений комплексности районов перед ведомственностью, создания территориальных комбинатов и «энергопроизводственных циклов» или в целом децентрализации и регионализации всей хозяйственной структуры. Однако и здесь, можно сказать, *«вся суть дела зарыта в понимании реальных структур и производственного ядра кризиса всей системы»*.

Рассмотрим несколько подробнее различные аспекты реальных структур и производственного ядра линейной формы в части деформаций территориальных структур.

Во-первых, это особенный костяк территориальных (натуральных) структур, в том числе это местожительство,

сырьевые истоки и стоки, транспортно-энергетические потоки, которые всегда и непосредственно привязаны к местности. В средневековье эти потоки ограничивались, можно сказать, феодем и *«связью с ближайшим лесом»*; сегодня, в современном обществе, они приобретают гигантский, часто даже межконтинентальный, размах и соответствующий глобальный рисунок. Однако при этом они все равно остаются, продолжают быть территориальными и натуральными структурами.

Конечно, здесь также имеется немало своих нелепостей или своих дефектов. Это, например, всем известные «встречные перевозки» одной и той же продукции, но разных отраслей и предприятий, или добывающие отрасли и просто производящие предприятия, оказавшиеся в ситуации «сапожника без сапог» и необеспеченные даже собственной продукцией, ибо имеет место разобщенность добычи, производства и последующей переработки сырья и полуфабрикатов. Причём происходит это в условиях уже технологически единой системы линейного производства. Так, например, известны такие коллизии в современной истории, когда *«в сложившихся развитых потоках «нехватка нефтепродуктов наносит ущерб, во много – до сотен – раз превышающий любую, практически известную до сих пор цену их приобретения. Этот факт прекрасно известен в странах с процветающей экономикой»*.

Подобные факты есть яркое свидетельство того, что натуральные, равно географические и территориальные субстанции на порядок глубже любых экономических, ценовых. При этом остаётся в тени тот нетривиальный аспект, что организационное строение этих потоков может иметь как капиталистическую, так и уже совсем другую, а именно технологическую, отраслевую общественную форму. И опять, повторимся, что имеющий место в России возврат от упорядоченных, лишённых стихийности и хаоса рынка, уже технологических форм организации этих потоков, в рамках

СССР, к экономическим, а тем более к территориальным отношениям, суть катастрофа. Как замечает автор «Политологии...», *«образно говоря, это все равно, что вернуться от одряхлевшего, но уже центрального отопления к первоклассным печкам, т.е. сначала поневоле к буржуйкам, с боями за дрова из дворовых деревьев. Как в Армении. А теперь и в холодных районах России»*. К сожалению, вот уже и после двух десятилетий российских реформ, это звучит актуально, на тему сегодняшнего дня.

Во-вторых, вообще, это примат ведомственно-отраслевой иерархии, в том числе и номенклатуры, над территориальной иерархией, что собственно и ведёт к самой деформация территориальных отношений, в частности и местного самообеспечения, хотя *«это её хлеб»*. Именно поэтому возникает некая подчинённость территориальной иерархии отраслевой, что иногда усугубляется и их чисто формальным сходством. Даже село, сугубо территориальное образование, связанное с площадным, местно-земельным производством, в условиях собственности на технологии, выступает одновременно и в отраслевой, ведомственно-учрежденческой форме. Этим достаточно полно и объясняется известная слабость местного самоуправления в вопросах жизнеобеспечения трудности в разрешении жилищной проблемы в городах, а так же допущение ужасающего состояния их инженерной инфраструктуры.

Усугубляются местные проблемы и неизбежной трудовой миграцией, расселениями «трудовых ресурсов», которые практически полностью подчинены отраслевой доминанте, вплоть до отдельных предприятий с *«непрошенными лимитчиками»*, не говоря уже о закрытых оборонных моногородах-предприятиях.

Отраслевая доминанта трудовых миграций в России, особенно с учётом климатических условий и слабой заселённостью территорий, резко ограничена сложностью решения жилищного вопроса, связанного в юридическом отношении с институтом (режимом) прописки. При этом не

сама прописка затрудняет миграцию, а совсем наоборот, трудности её реализации порождают прописку. И хотя нынешняя капитализация, несомненно, усиливает миграционные потоки и повышает разнообразие типов миграций, сами материальные условия, сопровождающие миграционные процессы, не меняются. Разумеется, что речь идёт не «о бедах вынужденных переселенцев». Такова территориальная особенность России.

В то же время, оборонные города-предприятия наглядно демонстрируют редкостно чистые случаи «технологизации территорий», правда, с оборонным «уклоном». Однако, всё же в России исторически огромное множество малых городов-предприятий и поселков, или, можно сказать, отраслевых, чисто «министерских городов», рядового гражданского производства. В этих поселениях житие-бытие горожан и пригородного районного населения почти полностью определяется одним-двумя градообразующими предприятиями. Рыночный отбор вследствие этого может приводить и постоянно приводит на просторах современной России к вялотекущей, а порой и обвальной, деградации городов, поселков и их окружения.

Тогда как собственно на селе в силу доминирующей, можно сказать, роли «самоостроя», тяжелее положение связано не столько с жильем, сколько с отсутствием должно развитой социальной инфраструктуры, гарантирующей местное самообеспечение, пусть даже и «приглушенное (деформированное) отраслевыми (аграрными) функциями».

Таким образом, при исторической снятости территориальных отношений и последующим их «материальным деформированием отраслевой доминантой» такие сферы деятельности как торговля, общественное питание, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание, местный транспорт, при поверхностной, внешней оценке, как бы обрели двойное подчинение, и к местному подчинению добавилось отраслевое. Однако когда в те

былые времена развитого социализма речь заходила о необходимости так называемой подлинной децентрализации управления местной инфраструктурой (как избавление от необходимости решения местных вопросов через центр и с ведома центра), то её осуществление в принципе не имело никакого отношения ни собственно к плану, ни к рынку как к инструментам решения этой проблемы. Решение этой проблемы и реализация соответствующих намерений была бы *«возможна лишь с преодолением линейной формы»*, то есть с (революционным) переходом в восходящем развитии к последующей общественно-воспроизводственной градации (формации). В этой связи А.С. Шушарин пишет: *«Территориальную ситуацию, кратко говоря, никакими «комплексными указами» изменить невозможно, или ее можно усугубить вплоть до опаснейших трендов (рынком), или действительно можно изменить, но только с обобществлением технологий»*.

В-третьих, это обречённость попыток нерыночной децентрализации и регионализации всей хозяйственной структуры линейной системы производства. Так как очевидно, а в «Полилогии...» и доказано, что *«индустриальная технологизация производства объективно-логически ортогональна территориальному»*, то, мягко говоря, пытаться децентрализовать систему, суть которой и есть централизация, это значит разрушить её. Конечно, в основе современного производства и воспроизводства конечного продукта действительной жизни лежит огромное множество промежуточных, разнообразных передельных процессов, которые организуются естественно-техническими закономерностями, выступающими в различных общественных формах и, как правило, вне всякой сущностной привязки к местности, хотя и всегда на некой «земельной» местности, на земле. Однако в условиях технологизированного, строго организованного и системно связанного (адресно), сетевого индустриального сектора его упрощенная *«регионализация в лоб»* неизбежно ведет к быстро проявляющейся неудаче. Ярким историче-

ским примером подобных экспериментов являются, прежде всего, «совнархозы» Н.С. Хрущева, которые были призваны похоронить отраслевую централизацию и отраслевые министерства СССР. То есть была допущена систематическая ошибка, ибо вместо *«преодоления линейной формы»* посредством обобществления технологий, был выбран путь возврата к территориальной или, ныне, к рыночной, форме структуры производства, что неизбежно *«ведет только к каким-то разрушениям»*.

Таким образом, пишет А.С. Шушарин, *«две иерархические ультраструктуры (территориальная и отраслевая) всегда сосуществуют, но столь же всегда с некоторой доминантой. При феодализме это сама территориальная иерархия (при еще почти полном отсутствии отраслевой), при капитализме это капитал, рыночная форма и ультраструктура (бирже-банковско-финансовая), в линейной форме это уже сама отраслевая (ведомственная) иерархия. Но путь от доминанты последней к рыночной или территориальной разрушителен, хотя рациональность рыночной ниши в жизнеобеспечивающей (обслуживающей) сфере несомненна. Потому, к примеру, предлагаемый А.С. Панариным переход от «отраслевого к территориальному человеку» некоторые отдельные резоны имеет (экологические, выравнивание жизнеобеспечения), но как таковой означает банальную феодализацию с патриархальным уклоном»*.

Поэтому естественный процесс расселения людей и народов, а в целом самих географических или территориальных структур, исторически неповторим и разнообразен, причём чётко ортогонален. Так, например, в античности это «военная география», тогда как в территориальном средневековье имел место свой собственный и в полной мере естественный процесс расселения, а именно доминирующая география, а в пределе – неотвратимая автаркия. Во времена другой градации, при капитализме, процесс расселения происходил под давлением доминанты рынка, капитала, через коммерциализацию территорий. Наконец, в изучаемой линейной

форме естественный процесс расселения происходил через и посредством технологизации территорий. В целом же всё перечисленное никогда не отменяло и не отменяет собственных, а поэтому действительно естественных, закономерностей территориальных процессов производства.

Наконец, нынешнее расселение на просторах России является результатом *«вмешательства социальных институтов в естественно-исторический процесс с целью его регулирования и ускорения темпов движения к нормативно заданному образцу»*, образцу «саморегулирующегося и благодетельного» рынка. Однако, согласно вышеизложенному, на современной, доминантно пострыночной базе, базе функционального производства линейного социализма СССР, этот, во всю доминирующий образец рынка рвёт более высокое, более развитое технологизированное производство бывшего СССР. Стали явью и обычным делом угрожающие тенденции, в частности, потери Дальнего Востока и явного провала исторической попытки русских заселить Дальний Восток, Сибирь и северные территории. Налицо ползучая экспансия сопредельных народов и государств, пока мирным путем и, судя по некоторым ортогональным тенденциям, этого может оказаться и достаточно для окончательной потери этих территорий и «уходу с востока».

Несомненно, *«время повернуло вспять»*, – исторически беспрецедентное движение, предпринятое советским руководством по реализации *«стратегии сдвига национальных производительных сил на восток»*, сопряжённое с преодолением огромных расстояний, малонаселенности, тяжелых местностей, субарктического климата, обременённое к тому же оборонными тяготами, с приходом «рынка» остановилось и повернуло вспять, положив конец прежней внутренней геополитике в размещении производительных сил России и СССР. Такова сила и мощь *«материальных структур»* вне зависимости от воли и сознания масс и их элиты, но, к сожалению, и не без их участия.

2.1.3. Демографическая деформация – «девальвация диплома» и производственная «перенаселённость»

*Линейная деформация демографических производственных отношений, структур, процессов и форм трудового обмена многообразна и, можно сказать, многомерна. Этот трудовой обмен часто представляют как взаимодействия «*трудовых армий*» или «*профессиональных классов*». По опыту последних лет жизни в реальном социализме СССР это, прежде всего, так называемая уравниловка, однако уже не в привычном экономическом смысле бытового денежного микроизмерения, а в самих демографических макроструктурах профессиональных массивов работников. Проще говоря, в частности, это есть всем известная «*девальвация диплома*», порождающая ряд соответствующих негативов образования и квалификации. В основном же все это не столько негативы образования, сколько деформация профессиональных структур, выражаемая в преобладании статусов над дипломами.*

В частности, читаем в «Полилогии...»: «*Так, если в 1940 г. в промышленности соотношение среднемесячной заработной платы ИТР и рабочих составляло 2,15 : 1, то в 1985 г. – 1,10 : 1 (а по некоторым данным, и того ниже); в строительстве соответственно 2,42 : 1 и 0,98 : 1. Весьма сурово при этом, что к 1989 г. на местах рабочих работало около шести миллионов человек с дипломами (Д.А. Беляева)*». Приведённые цифры прямо-таки нивелирует образовательную подготовку и уровневые различия всей системы образования. Конечно, рабочие с дипломами – это уже само по себе прекрасно, но такое положение дел с заработной платой, образно говоря, отнимает само будущее у этого «прекрасно», лишает граждан стимула быть высокообразованным и, следовательно, высококлассным специалистом и просто образованным, культурным человеком. И в этом плане сама причина этого, более высокого заработка, «*ужасна*».

В этой связи, по некоторым данным последних лет «советского периода», значительное большинство рабочих считало,

что «они должны получать больше специалистов (47,3 % опрошенных) или столько же (25,3 %)». Комментируя эти цифры, А.С. Шушарин пишет: *«Печальнейшие цифры, ярко свидетельствующие о том, где именно (не кто собственник!) сосредоточена господствующая собственность на технологии, т.е. в рабочих кругах, но как в низовой массе групповой основы. Опять видна «тоталитарная демократия» с доминантой, так сказать, «диктатуры пролетариата». Субъективно выражаясь, не улавливают многие рабочие, что в современном производстве именно их заработок все более зависит от работы «головастиков», т.е. и от заработка специалистов».*

Уместно напомнить, что система образования была, по сути, создана в недрах феодального общества, где доминировала чистая эндогенная форма с базовым объектом производства «пространство производства» (феод) и базовыми территориальными производственными отношениями. В отличие от рабовладельческой формы, которая пополняла свои потребности в «работниках» (рабах), главным образом в ходе войн и вооружённых захватов за границами собственного общества, феодализм вынужден был готовить будущих специалистов и работников внутри своего общества, в среде собственного населения.

Это так или иначе формировало институты и среду профессиональной и общеобразовательной подготовки населения. С преодолением феодализма и обобществления работников система профессиональной и общеобразовательной подготовки населения была так же обобществлена и поставлена под контроль всеобщего интеллекта, под контроль общества. В дальнейшем, при капитализме и социализме, эта система в ещё большей степени контролировалась всеобщим интеллектом и служила интересам всего общества. При этом само «образовательное принуждение» в линейной форме было, естественно, по типу выше капиталистического и, безусловно, общедоступней. Однако, как и все прочее, в том числе и вышерассмотренное, оказалось быстро и сильно тех-

нологически деформированным, что, в частности, коснулось в первую очередь отраслевых вузов, техникумов, ПТУ вплоть до прикрепленных непосредственно к конкретным предприятиям. Соответственно оказались жёстко деформированы почти силовая система распределения молодых специалистов, а также *«невысокий преподавательский статус при высоком уровне самого обучения»* и всё, с ними связанное.

Совершенно понятно, что только к одной «образовательности» само демографическое не сводится, а поэтому в анализе деформаций есть необходимость обратиться и к другим сторонам демографии.

Следующий, второй аспект демографической деформации проявляется в явлениях занятости–незанятости населения, а опосредствованно и в режимах воспроизводства населения. С учётом известной невосприимчивости линейного, по сути репродуктивного, производства к новшествам, можно обозначить не менее четырёх моментов *«относительной перенаселенности»*.

Первое. Так как производство как функция, как процесс изготовления или исполнения чего-то, отторгает новое, то неизбежно возникает некая перенаселённость науки, а вместе с ней высшего и научного образования в соответствующих областях знаний, но не в части общекультурной сферы знаний. Однако, правильнее сказать, относительно перенаселена, ибо в целом роль и объем научных функций неумолимо растут.

Второе. Соответственно, можно сказать, что в той же мере «перенаселено» и само производство, так как в условиях *«отсутствия науки и новшеств»* имеет место засилье «земляных работ», неквалифицированного простого труда, нулевых, заготовительных и прочих, образно говоря, «земляных работ», как на местах, так и в отраслевых масштабах.

Третье. Так как новации так или иначе проникают в производство и, обладая более высокой производительностью, порождают соответствующие *«перемены труда»*, а при неизменной численности и функциях работающих исполнителей – неизбежные простои в соответствующих функциях. Этим

в значительной степени и объясняются истоки известной внутренней, «*скрытой безработицы*», которая, как правило, активно скрывается самими участниками производства и управленческим звеном этого производства (так называемое покрывательство и укрывательство возникающих резервов производства). Одновременно во внешних формах этих технологий внутриазиатской безработицы всё наоборот – на воротах предприятий пишутся объявления: «Требуются работники (рабочие) следующих специальностей...». Это по самой групповой основе собственности на технологии есть учрежденчески не наблюдаемое «*внутриазиатское иждивенчество*».

Наконец, четвёртое. Все отмеченные моменты неизбежно приводят к «*броской перенаселенности*» в обслуживающем управлении.

Так, по оценкам Н. Шмелева (Вопросы экономики, 1995, № 1), «*сегодня в нашей промышленности более 1/3 рабочей силы является излишней согласно нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, городов и районов все занятые – излишни абсолютно*». Однако, как замечает А.С. Шушарин, «*рыночный взгляд Шмелева на действительную линейную «перенаселенность» как бы автоматически подталкивает к необходимости огромного (разумеется, не институционализованного) сокращения населения (как это и имеет место быть во взглядах многих западных «мыслителей» на наши дела)*». Вместе с тем и вопреки упомянутым «рыночным взглядам», это вовсе не означает необходимости возврата к капиталистическому перенаселению и классической рыночной безработице. Поэтому восходящее устранение «перенаселённости», основанное на революционном процессе обобществления технологий и в этой связи прямо противоположное рыночному тренду, «*предполагает не сокращение занятости, а устранение демографической деформации*», то есть некую рационализацию трудоустройства.

2.2.1.4. «Предельная», культурно-родовая деформация

«Наконец, линейно деформированы (посредством деформаций всех рассмотренных снятых отношений) и основы всех основ, самые глубокие, органические, культурно-родовые отношения, «просто человеческий» пласт бытия (семья, детство, материнство, диетика, язык, воспитание, досуг, здравоохранение, физическая культура, рекреация, техника безопасности и др.). Это самый глубокий, фундаментальный и жизненный («витальный») «толстый слой» (в образе Ф. Броделя) производства и воспроизводства жизни, но одновременно и самый логически «удаленный» от господствующей линейной формы производства».

Образно говоря, здесь идёт речь о линейной деформации как некоем ведомственно-учрежденческом влиянии на наше *«органическое бытие»*. В простейших проявлениях это предприятийно-отраслевое влияние и формы реализации, например, в детских делах, шефствах над школами, организации занятий и создания соответствующих структур в спорте, в отдыхе, в делах культуры и прочее. Культура здесь понимается в простейшем обыденном приобщении к истории и историческому опыту, к достижениям искусств и современной науки, к традициям, нормам морали и этики. Всё это так же *«отраслевизовано»*, что и обеспечивало в значительной степени массовость и здоровый образ жизни всего населения страны Советов, являя миру тем самым это как несомненные достоинства всей системы.

В отношении этих достоинств отметим следующий интересный момент.

Всякое культурно-родовое бытие в достаточной степени ёмко концентрируется общим компонентом воспитания (в отличие от специализирующего профобразования), результатом чего и является так называемое «богатство» и ценность чистой эндогенной формы первобытности, а именно само *«телесно-духовное здоровье»* человека и всего

общества. Если ещё более упростить затронутый момент, то можно сказать, что воспитание осуществляется, условно говоря, посредством трех, в общем-то известных всем, механизмов: семья, улица, общественные институты. Эти механизмы действуют всегда и везде, но масштабы их применения и веса влияния различны.

Так, в условиях собственности на технологии, которая имеет групповую основу, особое значение приобретают общественные и коллективистские формы, такие как ясли, садики, октябрятство, пионерия, комсомол, кружки и секции, клубы, субботники и другое. Это вполне естественное явление, которое легко объяснимо через ранее упомянутую групповую основу. Поэтому в таких институтах, основанных на групповом содержании, всегда нечто общее превалирует над индивидуальным и является притом ведущей нравственной нормой. Вследствие чего *«в этом вполне позитивном моменте есть некоторые сходства у классического, натурального феода («приход») и «технологического феода» (коллектив)»*, ведь отношения собственности в феоде имеют также групповую основу.

Технологические структуры, как основа линейной формы социализма, есть наиболее удаленные от органического слоя, который доминирует в исходной первобытности. Этот слой ЧЭФ, несущий ценности и богатство, известные как *«телесно-духовное здоровье»*, в восходящем развитии общества является *«последней инстанцией» накапливающихся противоречий и в этом смысле всегда «предельным», ибо глубже его ничто*. Поэтому в неравновесном состоянии, которое нами пока никак не анализировалось, этот слой с базовым объектом «общая жизнь» и механизмом взаимодействия в форме «телесно-духовного общения», как последний слой в основаниях нашей действительной жизни и самой жизни человеческой материи, становится активной зоной возбуждения, подъема или угнетения, всего спектра общественного поведения и личной мотивацией поведения его многих индивидуумов. Это, несомненно, делает анализ этого слоя ЧЭФ

особо актуальным и существенным в условиях уже неравновесного состояния общества. Для России это нынешнее, уже более двадцати лет длящееся постперестроечное состояние нескончаемой череды так называемых реформ, краткий анализ которых в дальнейшем будет нами лишь слегка затронут, да и то в рамках эндогенной логики развития российского общества.

Поэтому, рассмотрев в отдельности некоторые *«контуры снятых деформаций»*, целесообразно обратиться уже к самому общему равновесию всей линейной системы производства.

2.2.2. Об общем равновесии

Рассмотренные выше деформации снятых производственных отношений сами по себе многомерны, специфичны и логически ортогональны, то есть имеют совершенно различную логическую и материальную природу своего существования при всём неоспоримом единстве материального мира вообще. Эти деформации тесно переплетены между собой, однако в основном содержании не имеют никакого касательства к расхожим обвинениям руководителей и бюрократии в целом, которые якобы не уделяют должного внимания имеющим место негативам в многообразных сферах жизни обществ и не исправляют выявленные «отдельные недостатки». И хотя в советском обществе прилагались огромные усилия по улучшению положения дел в технологических, экономических, территориальных, демографических и культурно-родовых срезах жизни, все эти усилия не могут, и не смогли (!) в принципе сколь-нибудь существенно исправить положение дел, *«ибо вся суть в отживших линейных производственных отношениях, в собственности на ячеистые процессы производства, на технологии»*.

Полилогическая «свертка» и целостное сведение всех отношений в *«общее равновесие»* в линейной форме значительно сложнее чем, например, известные неувязки мономерного

капиталистического способа производства, в частности, *«превращения «стоимости» в «цены производства», «прибавочной стоимости» в «прибыль» и иные осязаемые «доходы»*. По своей, совсем не только «численной», ценностно-многомерной сути линейного (функционального, отраслевого, планового и социалистического) производства *«никаких простых «превращений», скажем, дефекта производства во что-то внешнее, осязаемое, не существует»*.

Кроме очевидных и широко известных здесь превращений, как, например, превращение *«положения функций»* в безудержный и в бессодержательный рост *«вала производства»*, превращения *«организованности или защищенности – в статусы, а статусов – в льготы, тарифные системы, повременные, сдельные, премиальные и пр. формы оплаты труда и т.д.»*, в линейной системе каждый чувствует и осознаёт, что вне этих форм остаётся и масса явлений действительного благосостояния, но и опять-таки с *«нарастающими же явлениями его «бытийного переворачивания» в противоположности»*. Так благодатная защищенность оборачивается (переворачивается) пассивностью, иждивенчество – чуть ли не паразитарностью, организованность – творческим недовольством, заорганизованность – дезорганизацией, тогда как нормальные и заслуженные статусные привилегии превращаются в уравниловку и во всякие нелегитимные дифференциации.

За этой, внешней хозяйственной или чисто субъективной оболочкой, как видимых и осязаемых «превращенных форм» (как, например, за феодальными камзолами или капиталистическими доходами), скрывается *«неизменная и невидимая собственность на технологии, подлинная производственная власть, порождающая все негативы, в том числе в хозяйственных оболочках»*. Этот парадокс есть неизменный *«парадокс всякой революционной теории, равно как и материальный парадокс самих критических форм производства»*. Короче говоря, и как давно многими замечено, *«все «дурное» построено на «хорошем» основании, а все видимое «дурное» покоится на невидимой «порче» производственной формы самих этих оснований»*.

В условно стабильном состоянии линейной системы, которая в реальности находится в вечном движении и стабильно лишь в своём непрерывном развитии, именно оболочка *«общего равновесия»*, внешне и видимо выступающая в ряде превращенных форм, является житейски самой волнующей, хозяйственно актуальной, ибо это всегда есть некая нужда в низах и, соответственно, головная боль в верхах государственного управления: в Совмине, в Госплане и Госснабе, в Минфине, во всем множестве министерств и прочих ответственных органов и первых лиц. Однако с революционной точки зрения эти внешние формы не существенны, так как собственная суть порождающих их отношений весьма далека от них, а сами наблюдаемые коллизии, можно сказать, вторичны. Поэтому оставим анализ подобных, как говорится, жареных фактов, для газетной публицистики, особо в части обожаемых ею тем благосостояния, льгот, привилегий и доходов.

Наконец, особо подчеркнём, что вышеизложенный анализ пока остается лишь в пределах некой идеальной, чистой, абстрактной эндогенной градации, как принято говорить, в пределах «идеального типа» линейной градации, свободной от прочих, порою судьбоносных, влияний весьма многообразных, неизбежно существующих в реальности нашего бытия, структур. Среди этих структур здесь упомянем лишь структуры, *«условно скажем, социогенофондов, разновысокости (многоукладности, самой по себе многомерной) производства, многонациональности, все постранные (исторические, пространственные, геолого-климатические, «геополитические» и пр.) особенности, и уж совсем наконец, включенность любой системы во внешние, экзогенные отношения, даже в пока неведомое (в нашем движении) устройство всего современного мира»*. При этом очевидно, что действительное общее равновесие, внешне проявляющееся во всей системе политической власти и в общей политической картине мира, мироустройства, предполагает взаимодействие всех составляющих

мироздания. Иначе говоря, общее равновесие является *«одним равновесным следствием всемирного равновесия»* и это «всемирное» было с неизбежностью сфокусировано в кризисе линейной формы реального социализма СССР, в целом потенциально содержащего весь спектр исторических исходов, от провала до преодоления.

А это означает, что выше мыслимые эндогенные модели как строгие и детальные, а образно говоря, и как красивые, могут почти полностью потерять свою практическую направленность в условиях *«куда более мощной, «грубой», схематизированной и «словесном» контексте всей совокупности структур»*.

И всё же пока предельно ясно одно, как заключает А.С. Шушарин, *«нельзя уничтожить рабовладельческие войны, не уничтожив самого рабовладения, как нельзя уничтожить феодальную «чересполосицу», замкнутость и т.д., не уничтожив феодализма; как нельзя уничтожить безработицу, погоню за наживой и т.д., не уничтожив капитализма; точно так же нельзя уничтожить линейные деформации, не уничтожив (снятием плановой формы обобществлением технологий) самой линейной формы»*. В анализе же еще квазистабильного состояния линейной формы, как бесценного опыта построения и развития реального социализма СССР, его родовой негатив, в строгой формулировке *«дефект производства»*, распространился в бесконечно разнообразных формах на все стороны жизни советского общества. Однако это, строго говоря, *«вполне «нормально», классично в отношении критического, но еще квазистабильного состояния любой отжившей исторической формы производства»*.

Это же относится и к функциональному взаимодействию в природопользовании, разумеется, в тех же рамках эндогенного анализа этого вида деятельности, хотя указанное явление имеет более глобальные масштабы, относящиеся уже к экзогенному срезу общественного развития. Поэтому лишь очень кратко, и только в части собственно линейной формы, в полном соответствии с «Полилогией...».

2.2.3. О природопользовании

«Функциональное взаимодействие означает просто технологическое (в развитых формах отраслевое) природопользование, т.е. включенность естественных структур и процессов в соответствующую технологию, а линейная асимметрия придает природе неестественное ведомственное «строение», подчиняет природопользование отраслевой стихии или «технологической анархии».

Вещественно-продуктовое взаимодействие означает соответственно вещественную переработку естественных условий бытия, а асимметрия капитала превращает природу в условие получения прибыли, в коммерциализацию природы.

Местное (натуральное) взаимодействие предполагает использование человеком различий и особенностей природных условий бытия, а автаркия локализует природопользование территориально разорванной «эксплуатацией».

Демографическое взаимодействие связывается с природопользованием как просто нагрузка человеческой «биомассы» (тем более технически вооруженной) на внешнюю природу.

Наконец, социально-биологическое взаимодействие означает своего рода «качественное» природопользование как естественное условие человеческого существования (экологическая основа, по Ж. Гурвичу); но именно в деформациях культурно-родовых производственных отношений в любых формах общества и подводится «резюме», обнажается дисгармония в природопользовании, когда, упрощенно говоря, выясняется, что и дышать становится нечем, что ландшафты становятся свалками, что растения и животные уходят в небытие, в Красные книги.

Так что вся суть была, есть и будет в отношениях самих людей, в отживших исторических формах доминирующих производственных отношений».

Далее – последний интеграционный штрих к полной форме градации «социализм».

2.2.4. К характеристике структуры (состав и отношения) производства

«Основной закон роста и диффузного расплзания дефекта линий производства выражает доминирующее производственное отношение людей, подчинившее (в том числе в виде деформаций) и всю совокупность отношений (порядков, институтов, инфраструктур и ультраструктур), жизнь общества. Вот этот, как динамический, так и уже «накопленный» во всех формах социального бытия и на определенных страновых почвах результат и принято обозначать метафорой «структура производства», т.е. характеристиками производства, которые выражают самую суть системы».

Множества всепроникающих частных дефектов производства всюду нарастающе накапливаются как некие макродиспропорции производства, причём на вполне определенных почвах, а также и в определенных внешних условиях и связях. Эта накопленная сторона как основа производства, понимаемая, по сути, как структурный облик производительных сил (генерализованных, объединённых и целостных производительных сил) есть так называемый в «Полилогии...» **состав производства** (включающий также и множество пока не затрагиваемых неэндогенных факторов всеобщего производства жизни). Таким образом, это и своего рода сжатая характеристика бездонных производительных сил (в широком смысле) и, с другой стороны, характеристика особенностей самой модели и стиля данной культуры, наконец, это такая характеристика, которая *«не может быть автономной по отношению к собственным общественным формам (отношениям)».*

Одно дело – тайная, скрытая, и тем самым абстрактная система, или структура производственных отношений и другое дело – структура производства с её многообразием в конкретике. Однако сам эндогенный анализ еще очень далек от формирования относительно полных характеристик

состава производства, и тем более, постраново. Ведь этот состав включает как культурное, то есть национальное, этническое, конфессиональное строение, так и демографические, климатические, географические, расселенческие, геологические, укладные, геополитические и прочие компоненты экзогенного, мирового и межстранового характера. При этом очевидно, что *«далеко не только луком и стрелой, бронзой, железом, плугом, паровой машиной, кибертехникой и пр. «технологическими укладами» производительные силы образуются»*. В то же время абстрагирование на идеально-типическом эндогенном является узловым в понимании этой структуры. Потому в этих характеристиках, относительно доступных и достаточно образных, обычно хозяйственно наблюдаемых, *«экономический догматизм дает самый решительный популистский бой во имя своего сохранения ценой уничтожения жизни на Земле»*.

Прежде всего, в бывшем СССР состав производства характеризовался *«высокой укладной разноуровневостью (многоукладностью) или производственной неоднородностью»*, от родоплеменных структур до «космических». Причем сама эта неоднородность тоже весьма многомерна, имеет весьма разные основания. С одной стороны, это технологическая неоднородность (высокие–низкие технологии), с другой – укладная неоднородность, тесно переплетённая с нацрегиональной неоднородностью. Однако головной, или ведущий, сектор всего производства с известной условностью всё же является, несомненно, индустриальным. Советское производство – это высокоурбанизованное производство со сложными транспортными системами, атомной энергетикой, освоением космоса и другими атрибутами восходящей индустриальности, преодолевшей, несомненно, эндогенно, в этом секторе производства градацию «феодализм». Однако во всем своём гигантском объеме индустриальный сектор характеризуется весьма плачевной хозяйственной структурой, выступающей как *«вполне нормальные своего рода внешние макроформы дефекта производства»*.

А.С. Шушарин пишет: «**Структура неэффективна или непрогрессивна с точки зрения «постиндустриализации» или развертывающейся НТР, «высоких технологий», соответствующей инженерной, «электронной», информационной, транспортной и пр. «инфраструктуры» (за определенным исключением в ВПК...).** Структура в смысле динамизма перемен **заорганизована** (тем самым и все более **деорганизована**); немного в другом оттенке можно сказать, что структура **антиновационна**, индустриально репродуктивна, к обновлениям не восприимчива. (Здесь еще напомним, что никакой неконкурентоспособности мы не знаем, даже если, резко говоря, по западным меркам все сплошь «неконкурентно»; это не имманентная характеристика системы.)

В близкой характеристике структура известна как **утяжеленная** в пользу «первого подразделения», тяжелых, добывающих отраслей. Со своей стороны невеселые характеристики непосредственно технологического отставания даже в нефтедобыче, металлургии, химической промышленности, тем паче в машиностроительном комплексе и т.д.». Эта утяжелённость производства в пользу грубых, тяжёлых, сырьевых технологий есть то, что «как раз и нужно для неокolonизации страны, деиндустриализации, сырьевизации и пр.», – заключал автор «Полилогии...» ещё на переломе второго-третьего тысячелетий.

«Структура, – продолжает А.С. Шушарин, – как еще говорят, **самоедна** в смысле примата всех промежуточных (а не конечных, «потребительских») функций. В схожей характеристике структура предстает как **расточительная** в смысле ресурсо-, материало-, энергоемкости, а также дикой **запасности**, в том числе и в виде неиспользованного, не установленного, даже погубленного оборудования, незавершенного строительства и т.д.». Так, например, в Венгрии соотношение запасов сырья и комплектующих и готовой продукции было равно 6 по сравнению с 1 в «развитых» капиталистических странах. Следует заметить, что в линейной системе «запасность» одного типа (комплекс

тующие), тогда как при капитализме – другого, где всегда приличные «резервы» мощностей проявляются как избыток рабочей силы.

Очевидно, что высокой энергоемкости так или иначе содействуют известная ресурсная самодостаточность, большие расстояния и климат. Однако именно энергоемкие технологии и есть тот антиновационный компонент, который действительно имманентен линейной форме производства.

О других характеристиках структуры производства

Структура ведомственно *«перецентрализована»*, однако это не означает необходимости ликвидации самого ведомственного централизма. Далее, налицо явная *«укрупненность»*, то есть *«размерность структур»* производства имеет место в пользу крупных предприятий, что также не означает необходимости в их разукрупнении, ибо все современное производство основано и держится именно на крупнейших предприятиях, особенно в наукоемких отраслях. Это, однако, совсем не противоречит необходимости, особенно в условиях НТР, дополнения их небольшими мобильными предприятиями. Уместно напомнить и известный удачный образ современного (СССР) производства: *«производство напоминает организм, в котором на мощном скелете – дряблая мышечная система»*. То есть действительная необходимость развития средних и небольших предприятий вовсе не равнозначна «разукрупнению» крупных предприятий, ибо это было бы равносильно самому разрушению скелета производства всего народнохозяйственного комплекса. Более того, в современных условиях, можно сказать, социализм стал даже приотставать с упомянутой укрупненностью, тогда как в главные герои западной системы вышли крупнейшие корпорации и ТНК.

Советское же производство типологически (отношенчески) – это **нерыночное** производство и в своей основе характеризуется *«как дорыночное, так и уже пострыночное (чуть*

корявей, но строже – **недориночное**, хотя и с «пережатым» рынком»). Поэтому ясно, что сделать из нерыночного производства рыночное трудно, точнее невозможно, не разрушив при этом всё производство и все хозяйственные, производственные, связи. Что, собственно, и наблюдается сегодня на всей территории России и бывших республик СССР. *«Путь от доминантно **пострыночной** системы назад, в рынок (при безусловной реальности его рациональных ниш), – это не преодоление отжившей формы производства, а, попросту говоря, смерть, уже, так сказать, задевшая своим «крылом» и весь «соцлагерь», и СССР, коих уже не стало, и всех прочих «во всех сторонах общественной жизни».*

Таким образом, заключает А.С. Шушарин, *«помимо всех ранее перечисленных и нарастающих негативов, более тяготеющих к составу производства (антиновационность, заорганизованность, утяжеленность, расточительность, запасность, перецентрализованность, укрупненность и т.д.), структура производства «отношенчески», тем не менее, не просто **нерыночна**, а **давным-давно пострыночна** (хотя и с «пережатым» рынком). Опять повторю, сложней, но точнее, давно **недориночна**».*

При этом, как замечает «диссидент в квадрате» А. Зиновьев, отставая от Запада, но, ни в коей мере, от всей западной МКС (мировой капиталистической системы) в экономическом, технологическом отношении, *«Советский Союз опередил его в социальном отношении, что мы и охарактеризовали метафорами организованности бытия и защищённости. А это пронизывает все без исключения структуры производства».*

*«Короче говоря, – продолжает А.С. Шушарин, – вся сетевая структура производства **пострыночна** (хотя и с «пережатым» рынком), в индустриальном секторе материально технологична, а всюду и в остальных секторах организационно **технологизирована** (плановизирована, отраслевизована), и во всем некоторым образом **социализирована**, а равно все более **дефектна**, «**технологически анархична**»,*

*с еще очень глубоко скрытой тенденцией **обобществления технологий**. Вот эти характеристики выражают ужас, так сказать, единство состава и отношений производства (только в эндогенном срезе). И все это относится, так сказать, ко всему: органическому (культурно-родовому), демографическому (образовательно-профессиональному), территориальному (натуральному, географическому, расселенческому), экономическому; организации, всем формам связей, механизму, типу равновесия, размещению, типажу производств, их специализации и размерам, внутренним структурам («хозяйственных организаций»), архитектуре потоков, всем «инфраструктурам», трудовым ресурсам, ментальности, психологии, мотивации и пр., наконец, типу внешних связей и отграниченности».*

2.3. Закон конца линейной формы

Итак, в восходящем развитии путь назад, в «рыночную экономику», для градации «социализм», как говорится, заказан, то есть деструктивен и не соответствует восходящему развитию общества с доминирующей линейной формой производства всей действительной жизни. Тогда естественно возникает вопрос: «Как преодолеть отжившую линейную форму?». Однако сам по себе этот вопрос уже порочен в том смысле, что предполагает необходимость некоего практического предложения, программы, плана, проекта и т.д.

Кроме того, подобные вопросы, «как преодолеть?» и «что делать?», «*принадлежат не только обыденно-политической плоскости, но и еще интеллектуальному полю самой отжившей системы, оказываются проявлением все того же организационно-управленческого и пр. фетишизма, начисто заслоняя собой сначала нечто куда более существенное, сложное, решающее, а именно **познание**. Причем познание **общества**, познания в **обществе**, познания **обществом***».

И именно это, по существу, отделение человека от познания во всей быстротекущей истории кризиса линейной формы советского социализма *«достигло своего исторического, если не сказать по социальному масштабу патологического, предела».*

2.3.1. Тридцать пять тысяч одних... «Лассалей» нового типа

В результате форсированного развития линейное производство *«надстроило над собой»* прочную, а к моменту кризиса уже и консервативную психологию производства, как некий средний тип общественного мышления и менталитета с его так называемым *«организационно-управленческим фетишизмом».* Общественное мышление в рамках линейной формы – *«это психология соисполнения, «повального» согласования, планомерности, абсолютизированного управления (командность и исполнительность – это стороны совершенно одного и того же соисполнения)».* Данный тип мышления, можно сказать, по определению присущ всякой функциональности, всякой организованной и согласованной деятельности. Этот тип мышления органически отторгает любые интеллектуальные отклонения, усложнения и какую-либо индивидуальность. В образном выражении это мышление проявляется через всем известные формулы, например: *«начальству виднее»; «ты – начальник, я – дурак, я – начальник, ты – дурак»* и др. Однако сама ссылка на *«начальника»* выражает лишь *«скрытую групповую детерминацию»*, посредством которой отображается в целом как бы *«проинтегрированное в среднearифметическое»* само *«мы»*, которое в реальности представлено во всё своём многообразии: *«от нуля до бесконечности – от кретина до Шекспира».*

Однако, несмотря на некоторые инсинуации вроде *«стадности»* и *«совков»*, следует непременно отметить, что даже их формула сочной метафоры на порядок сложнее и мно-

гообразнее простой и скудной формулы рыночного менталитета: *«дешевле купить, дороже продать»*, в том числе и себя в качестве товара».

И всё же в линейной форме могут успешно и без особых усилий продвигаться вперёд только простые идеи. Как правило, истинны те идеи, которые, как было принято говорить в то время, сразу воспринимаются *«ясно, как в газете»* и которые непременно сводятся к практическим предложениям. Или иначе, это те идеи, которые остается лишь проглотить и оформить в некое всем понятное и простое мероприятие. То есть *«хозяйном» производства оказывается отнюдь не «начальник», не работники, а невидимая инертная середина, безликое большинство, а иногда и люмпенское меньшинство (разлагающиеся коллективы)»,* или *«производственная охлократия»*. Образно говоря, как пишет А.С. Шушарин, *«серые начинают и выигрывают, а все управление лишь выражает эту молчаливую игру»*.

«Между тем, – отмечает А.С. Шушарин, – производящий труд, порождающие процессы (...), творчество, производят сложные идеи, которые никогда не возможно проглотить, сразу согласовать, превратить в «план», «мероприятие» и пр., ибо эти идеи сперва надо выстрадать, отбраковать и выковать в дискуссиях, затем освоить, познать, т.е. изменить себя. Более того, новые производительные силы выдвигают не просто идеи, а людей, несущих идеи, способных на идеи личностей». Эти личности всегда выпадают из групповой нивелировки и, несмотря на собственную *«интенсивную величину»*, не существуют как таковые для бухгалтерских или техномимических экстенсивных расчётов. Поэтому линейная форма стоит непреодолимой стеной на пути этого творческого движения идей и тем более творческих людей. Она, как всеохватывающие тиски, сковывает, блокирует этих творческих индивидов, которые являют через себя некие формы новообразующих устремлений и направленности самого зашедшего в предел линейного производства, творчества, *«всегда рвущих со всем привычным, легко согласуемым,*

простым». В то же время эта неатомарная линейная система производства, будучи функционально единой и согласованно синхронной, является по сути и «когерентной». Таким образом, можно сказать о работе линейной системе известным слоганом: *«Или все молчат, или все кричат»*.

Несколько слов о социальном понимании ныне происходящего.

««Воспитанные» управленческим фетишизмом линейной формы, – резюмирует А.С. Шушарин, – десятки тысяч «Лассалей» спят и видят «простые идеи», с которыми можно ангажироваться у начальства или в газете у толпы, что по сути почти одно и то же, рвение во власти. Об этом писал уже Аристотель, называя первых льстецами, а вторых демагогами, одинаково обретающими огромную силу соответственно у тиранов или демократии. Ну разве не видно, что ни у одной партии, движения, кандидата и пр. нет «за душой» абсолютно ничего, интеллектуально соразмерного ситуации в стране и на планете. Так что «отпущенные на свободу» упомянутые «Лассали» и выкинули весь безумный примитивный хаос. Колоссальный потенциал активности (в отсутствии которого, кстати, ложно упрекают носителей советского менталитета), без намеков на обновленную идеологию, прорвался или оказался канализированным (...) в бешенство рыночного примитивизма и вообще хаотизирующей деструкции».

В то же время, следует особо отметить, что *«действительная теория переломного содержания эпохи»*, нигде и никогда ещё не бывшей, не может по природе своей содержать практические предложения. Вполне рациональные предложения возникнут только как результат борьбы и отбора новых теорий, как результат их освоения сообществом профессионалов и интеллигенции, при непременном освоении прагматических азов (основ) этих теорий активом трудящихся, а в итоге лишь *«после порождения в самом народе новых, релевантных ценностно-ориентационных вокабул, докс, если угодно, уже новых смыслов и «духа», «манифестов»*».

Теория же, как таковая, дает лишь тайный, понятный лишь просвещённым специалистам, профессиональный язык, тогда как теоретическое содержание закона конца отжившей формы, как некой нарастающей по сложности самой, можно сказать, невероятной ветви надвигающейся бифуркации, скрывающей за собой полное описание этой формы на языке данной теории, *«само по себе очень скупо»*. Это теоретическое содержание *«закона преодоления господствующих порядков»* характеризуется крайне тощей рациональностью будущего развития, которое открыто бесконечному множеству возможных траекторий последующего движения, слабо прогнозируемо и резко *«отлично от легко конструируемых иллюзорных храмов»*.

Следует заметить, что «конструирование иллюзорных храмов» и его бесплодность обусловлены тем, что *«окончательно не созрела»* сама материя производства общей жизни на новом уровне, то есть само производство не соответствует новому уровню, уровню будущего.

Далее – о «зрелости материи производства» жизни и её новом уровне.

2.3.2. Взрывной характер НТР и обобществление технологий

Собственно само функциональное производство и планомерность репродуктивны, а поэтому, и в этом отношении, обладают особым потенциалом, который характеризуется способностью к безграничному наращиванию и реализации одного и того же, то есть данного вида производства. Это означает наращивание в целом одних и тех же функций как по производству одних и тех же стандартных массовых изделий или по частичному усовершенствованию существующих технологий, что, в общем-то, и составляет суть экстенсивного, можно сказать могучего, линейного развития, в том числе и близких к нему разного рода мобилизационных форм организации общественных процессов.

Очевидным и общепризнанным преимуществом плановой системы является их способность к быстрым перестроениям, причём с помощью самих же плановых методов. Однако эти перестроения суть лишь количественные, но отнюдь не новационные (инновационные) и, в некотором смысле, *«не революционные»*. Потому источником негатива является не *«невинная и извечная функциональность»* (планомерность, соисполнение и пр.), а только ее антиновационная сторона, которая обусловлена доминирующей собственностью на технологии, т.е. именно линейной (технофеодной) формой функциональности. В этой связи А.С. Шушарин замечает, что если *«отбросить диссидентские и западные или либеральные злоловия и пустоту – «тоталитаризм», «бюрократизм», «этатизм» и пр., – в научной рефлексии для означения реального социализма как исторической или преходящей и преодолеваемой формы производства даже только термина не было»*.

Всё это говорит о том, что вопрос стоит не о ликвидации функциональных структур (статусных форм, планомерности и отраслевой организации), а о сбросе незримого всевластия *«технологического феода»*, т.е. о восходящем снятии планомерности как о сбросе линейной формы. Это вызвано тем, что линейная форма исторически очень быстро превратила положительные свойства функционального производства в свою противоположность в виде иррационализации этого технологизированного производства, как всепроникающего роста дефекта линейной формы. В этом историческом движении всевластие доминирующего механизма планомерности, порожденное собственностью на технологии, стало стеной на пути качественных перемен производства и развития личности. В результате энергию *«развивающихся личностей»* прорвало, и, к сожалению, пока, *«в обратную сторону»*.

Ранее было доказано, что *«закон бытия»* линейного производства есть *«рост дефекта производства»*. Как и всякий основной закон предшествующих форм, он не абсолютен, то есть не обязательно образует неустранимую, но постоянно корректируемую *«неприятность соответствующего»*

негатива», в результате чего поддерживается нормальное квазистабильное равновесное состояние в обществе. Однако в линейной форме реального социализма СССР почему-то оказалось не так. Известно, что всякая система обладает известной адаптивностью, что, в частности, и позволяло парировать, например, многие пороки в связи с наукой СССР, разоблачавшиеся рядом ведущих учёных страны. Так, критикуемые ими, например, ««вред «хозрасчета», плановость снабжения, недоверие руководства» и др. позднее были заметно устранены, однако сама суть системы от этого не изменилась. Тайна ее стремительного кризиса оказалось вложенной в исторически взрывной характер начала НТР, причём в условиях, способствующих её историческому прорыву (взрыву!) и разворачивающихся уже «в материальном контексте перемен всей мировой ситуации».

В этой связи А.С. Шушарин пишет: «В самом деле, социализация (демографизация) производства шла, а в некоторых особых формах и продолжается почти в параллель с натурализацией (территориализацией) с начала преодоления первобытности. Товаризация («индустриализация») развернулась в «маленьком уголке» Европы с середины второго тысячелетия, а в большей части остального мира сейчас продолжает наращиваться, хотя нередко в ужасающих формах (в том числе «модернизаций»). Объективная технологизация (плановизация) развернулась с первыми признаками «монополистического капитализма», а эндогенно реализовалась, «прорвалась» в общественных формах социалистических преобразований, в известном смысле и в значительной мере даже в обход капитализма. НТР же приобрела какой-то другой характер, и ее начало можно чуть ли не с календарной точностью датировать 50–60-ми гг.». Несомненно, что такая «точность и обвальность» есть яркий «образ исторически уникальной скорости развития событий».

По мнению автора «Полилогии...», этот исторически взрывообразный характер разворачивания начала НТР подтверждается, например, весьма разнородными фактами. Так,

за последние 25–30 лет человечество использовало сырья столько же, сколько за всю предшествующую историю. С другой стороны, с противоположного от сырья полюса, 90 % научно-технической информации выработано человечеством лишь за последние 70 лет, тогда как современное поколение ученых составляет 90 % всех людей науки, когда либо живших на Земле. В том числе, в частности, в США после Второй мировой войны ВВП лишь утроился; в то же время расходы на НИОКР возросли в 15 раз. *«Вот, собственно, этот стремительный и глубинный процесс и образовал новый вызов, прежде всего линейной форме. (Но тут же опять надо заметить – все это произошло в совершенно определенной всемирной исторической обстановке.)»*

При обращении к НТР ее социальную суть надо видеть не в многообразных вносимых ею технико-технологических и социальных переменах, а в историческом сдвиге производительных сил. Эта сущность сосредоточена не в собственном бесконечномерном и богатом содержании этого сдвига сил, а в самой противоположности, противостоящей в восходящем развитии недостаточности действующих производственных отношений, то есть сущности *«антитетической»*, содержащей нечто противоположное (антитезис). Точнее говоря, речь идёт о посттипологической сущности производственных отношений, то есть отношений посттипологических, в восходящем развитии, к господствующему типу производственных отношений. Поэтому проводимые на материале капитализма исследования вокруг НТР не позволяют понять этой посттипологической, можно сказать, постсоциалистической, сущности. Очевидно, согласно вышеизложенному, что *«это поиск не там, где НТР именно застыла, т.е. где действительно зреет прорыв (или ясней наметившийся провал)»*.

«Таким образом, – заключает А.С. Шушарин, – суть НТР устанавливается не в пока адаптирующемся к ее началу капитализме, а, наоборот, в резко споткнувшемся на НТР социализме (линейной форме). Суть недуга и выздоровления является в острых, наконец, «паранекротических» (близких

к смерти, предсмертных – ХАТ) формах болезни. Иначе говоря, понятие НТР – значит понятие развертываемые ею процессы как именно приостановившиеся, в итоге ломающие, преодолевающие ограниченность отживших отношений, собственность, либо толкающие в обвал».

Производящий труд, вносящий дефект и, в самом общем виде, разрушающий синхронизацию (соответствие) в функциональном (линейном) срезе производства, был во все времена. Однако именно с началом НТР *«он делает производство «качественно динамичным, предметно (в том числе номенклатурно) многообразующим, постоянно технологически усложняющимся и изменяющимся»*. Таким образом, производящий труд превращается из эпизодически *«возмущающего» фактора в постоянно действующий»,* то есть становится *«массивной «частью» производства»,* можно сказать, его сущностной и характерной стороной.

В то же время присущая изначально линейной форме производства *««планомерность», как господствующая форма движения»,* в этих условиях становится как бы *«абсолютно беспомощной»,* а точнее своей *«планомерностью»* просто запрещает (отторгает) какие-либо перемены. В результате, когда-то исторически положительная сторона планомерности линейного производства перерождается в антиновационный механизм всё того же функционального способа производства, но уже находящегося в условиях НТР, в состоянии предельного, критического развития линейной формы производства. При этом в силу собственности на технологии, всестороннего и всеобъемлющего горизонтального, да и вертикального, распространения (*«диспозитивных диффузий»*) практически не наблюдается, их просто нет. И только в узких пределах новых технологических феодалов *«подчиненная собственности управленческая иерархия способна распространять их»,* то есть *«диспозитивная диффузия»* имеет место лишь в условиях нового строительства или технического и технологического перевооружения производства, или в рамках модернизации действующих производств и отраслей.

В этой связи А.С. Шушарин утверждает: «Дислокальность, эксфункциональность производящего труда (формально схожая с экстерриториальностью товарности, откуда у развитого капитализма в данный период и обнаруживаются высокие адаптационные возможности; помимо экзогенных причин преимуществ «дьявольского насоса») и означает объективный **процесс обобществления технологий**, их изъятие из ограниченной, группо-иерархической собственности. Основное (чисто эндогенно) противоречие сейчас (имеется в виду «перестройка» и послеперестроечный период развитого социализма СССР – ХАТ) и состоит в резко, форсированно обострившейся противоположности между все более общественным характером взаимосвязных и изменяющихся технологий и инертной, ограниченной (необщественной), группо-иерархической собственностью на них, их узурпацией, «технологическим феодом». Вот это уже и есть не «нормальная», а критическая асимметрия. Позитивно же это суть процесс пока, условно скажем, ответственной интенсификации, **онаучивания**, сциентизации, но и, в широком смысле Э. Маркаряна, – **социорегуляции** (а еще несколько шире, за эндогенными рамками – **гуманизации**) производства, постановка его под более высокий, чем господствующая (технократическая, технологическая, «инженерная») планомерность, новый «контроль всеобщего интеллекта», снимающий планомерность («уход в основания») новым постплановым механизмом движения технологий, саморегулирования производства и объективной оценки труда».

Зреющий прорыв, или провал, обобществления технологий линейной формы в строгом понимании содержит идеально чистые противоречия, которые были кратко рассмотрены ранее, при анализе эндогенной градации. Это самые высшие противоречия, а поэтому и самые незримые и объективно трудновыразимые противоречия, ибо, как говорится, будущее открыто и не проектируется. К тому же эти «эндогенные противоречия материально вплетены в весь гигантский клубок структур, отношений и процессов всего социума, в

бифуркацию всей миросистемности». Здесь к эндогенному добавляется масса факторов, различных и совсем не чистых структур, многообразнейших особенностей и экзогенных влияний, отягощённых в динамике развития так же и неизбежным субъективным фактором. Образно говоря, эндогенные противоречия обобществления технологий являются вершиной и основой многомернейшего узла противоречий этой надвигающейся бифуркации социума и пика его развития – реального социализма времён СССР.

Итак, высшими, узловыми являются *«эндогенные противоречия между ограниченной (необщественной) собственностью на технологии и трендом их «невероятного» (в смысле Шредингера) обобществления»*. Однако в силу множества неэндогенных внутренних и внешних обстоятельств эти противоречия принимают (превращаются) другие, более видимые формы, как например: отставание, слабый потребительский сектор, территориальные неблагополучия, неравенство, бюрократизм и т.д. В результате сам логический узел противоречий всей ситуации оказывается скрытым, *«логически захороненным»*, и внешне, публично, выступает в некой несобственной форме, затрудняя понимание сути происходящего в публичной сфере общения.

Таким образом, суть *«нарастающей асимметрии окаменевшей собственности на технологии состоит в том, – пишет А.С. Шушарин, – что каждая линия, «технологический феоде» неатомарного и синхронного, сетевого производства (а в итоге и все они) являются барьером для новаций в любых дислокальных переменах («диффузиях»)*. Если позволительны (хорошо известны в истории социологии такие афоризмы, как Гоббсова *«война всех против всех»*; *«нет земли без вассала»*; *«laissez faire»* – свобода торговли; *«laissez passer»* – свобода передвижения) на самом деле **резкое «вмешательство» в феоде, территориальная замкнутость и др., то линейная форма собственности на технологии выражается формулой «невмешательство в работу коллективов и их связей»** (а, следовательно, и в дефект производства).

В результате упомянутое невмешательство и означает, что каждый коллектив трудится и живет за счет всех, но все мешают каждому, а каждый всем в переменах, что и ведет к расплывающемуся дефекту, к молоху нарастающей технологической анархии, ее «накоплению» во всей структуре производства».

Соответствующий административно-командный антураж, якобы предстающий для данного коллектива нечто внешнее, силовое и негативное, в действительности есть лишь «*спиритуализм*». Тогда как это есть «*собственная же ультраструктура, внешнее управленческое выражение «воли» всех других коллективов, мешающих данному в переменах, а Человека вообще нет*». Собственно так происходит и в любой кризисной форме. Однако сами технологии, в том числе и прежде всего их интенсивные и «*человеко-размерные*» величины, такие как, например, творческие и нравственные и другие – есть тайна всех тайн, неприкасаемая, в частности, проявляющаяся как покрывательство или сокрытие реальных возможностей предприятия. Соответственно это проявляется как **тайна всех тайн** отдельного участка, цеха и даже отрасли, то есть сокрытие реального потенциала технологий и тем паче «*всех безобразий или иждивенчества, т.е. всех форм дефекта*».

В линейном функциональном производстве «*вмешательство в технологии (технофеод) во всей сети и пирамиде запрещено, и любые попытки отторгаются*». **Это вмешательство в собственность на технологии и функции (группо-иерархической собственности коллективов и лиц) возможно и по силам лишь новой форме общественного контроля со стороны «всеобщего интеллекта» общества.** И так было всегда в восходящей истории развития общества:

– невозможно было вмешиваться в собственность рабовладельцев на работников, но что по силам оказалось лишь новой форме общественного контроля территориальной организации производства;

– невозможно было у крепостного, феодала, цеха вмешиваться в организацию их хозяйства со сплошной местной прикрепленностью, но что по силам оказалось лишь новой форме общественного контроля над трудом экстерриториальной рыночной организацией производства;

– невозможно было вмешиваться в капиталистическое предприятие, ибо это коммерческая тайна, охраняемая судом, но что по силам оказалось новой форме планового контроля, сбросившего коммерческую тайну.

Наступающий новый информационный срез бытия, связанный с обобществлением технологий, хотя и не является непосредственно производящим, однако совсем не эфемерен, а **глубоко материален.** Поэтому и одновременно с восходящим познанием в обществе происходит как сброс покровов с предшествующих и ставших узкими устаревших форм знаний над тайнами материи, так и в восходящем общественном развитии происходит сброс покровов, то есть самих *«наличных отживших форм»*, с тайн производства. Это, можно сказать, есть шаги *«откровений»*, в виде новых форм контроля и освобождения от незнания.

Однако в процессе равновесного и квазистабильного состояния исторического развития общества *«о всяком таком знании, контроле, вмешательстве и думать не могли – собственное дело, святая тайна, «самостоятельность», в действительности лишаящая самостоятельности человека»*. Кстати, вместе с неуклонным историческим сбросом и **убыванием** тайн производства росло и освобождение человека, состоящее в *«неуклонном **росте** его интимной, семейной, врачебной, дружеской, творческой и пр. личностной «тайны»*». Ведь само обобществление производства и воспроизводства действительной жизни и есть суть шаги освобождения самого человека.

В целом же консерватизм собственности на технологии и их зреющее обобществление (или провал) ярко проявляются и во многом чётко фокусируются в особенностях **информационного среза происходящего.**

2.3.3. Об учёте всего многообразия сложных обстоятельств обобществления технологий

Закон конца линейной формы следует рассматривать не только в виде «*имманентного «накопления» негативов системы*», то есть в виде роста дефекта производства и молоха «технологической анархии», заорганизованности и дезорганизованности, антиновационности и контрэффективности, но также и в общем виде невероятного восходящего тренда по обобществлению технологий. Кроме того, необходимо рассмотреть и в более конкретном виде многообразия реальных, часто еще «*дурных*», «*эмбрионов*» самого этого обобществления технологий. Так, например, в учении об экономической форме (капиталистической, рыночной) К. Маркса «Капитал» соответствующее обобществление известных средств производства нашло свое выражение в конкретном виде во вполне определенных тенденциях монополизации, концентрации, централизации, иерархизации производства, и даже в его акционеризации. Это и были, пусть еще в их самых дурных формах, эмбрионы восходящих тенденций обобществления средств производства эндогенной формы экономического производства градации «капитализм».

В принципе и в линейной форме имеется множество такого рода конкретных реальных эмбрионов обобществления уже технологий, при этом наблюдать их можно во всех практических, трудовых, организационных, научных, нравственных срезах намечающихся перемен производства. Кстати, они есть даже в капиталистических формах западных систем. В плановой системе линейной формы реального социализма СССР они значимо проявились где-то начиная с тридцатых годов.

Сопоставляя сказанное с традиционной логикой марксова учения, следует отметить следующее.

Во-первых. В самом производительном содержании развертывающаяся НТР и, как следствие, обобществление тех-

нологий, есть процесс высокоуниверсальный. Поэтому в разных системах и даже культурах эти эмбриональные тенденции проявляются (намечаются) совершенно по-разному и совсем не в неких универсальных формах.

Во-вторых, следует воздержаться от жёстких прогнозов, что позволит избежать возникновения легковесных *«поводов для упреков в несостоятельности теории»*, которая якобы не подтверждается текущим развитием событий. Обобществление технологий это объективный процесс, однако в целом настоящая теория общественного развития не исключает и возможность всеобщего краха социума. В условиях гигантской полипричинности развития событий грядущая бифуркация остаётся всё той же неизбежной бифуркацией, которая в силу своей сущности слабо предсказуемого и многовариантного исхода последующей траектории общественного развития *«может привести к тому, что в общественно релевантных формах на нивах социализма обобществление технологий может и вообще не состояться»*. Эта исторически вероятная непредсказуемость вполне *«способна и на такой кульбит, который существенно перекроит и всю саму зреющую бифуркацию»*, при этом, однако, ничуть не отменяя основного содержания грядущих перемен самого социума, вплоть до катастрофического, гибельного исхода.

В то же время *«в упомянутом виде отклонения от «марксоидной» логики»* означают лишь одно – собственно конкретные и реальные тенденции обобществления технологий должны быть изучены и исследованы. Но всякий раз относительно адекватно они *«могут быть рассмотрены только с учетом всего многообразия сложных обстоятельств»*. Пока же представляемый анализ не выходит за рамки *«простой, «акультурной» эндогенной логики»* и является конечным, а, следовательно, и вполне тоже уже **конкретным** анализом. Так сказать, *«сперва «Развитие НТР вообще» (как современный тренд эндогенной логики) и лишь потом особости и конкретика, например, «Развитие НТР в России»*.

Здесь необходимо напомнить читателю, что 4-й том «Полилогии...» непосредственно посвящён истории становления социализма в России.

Потому далее продолжим анализ явлений, связанных с *«несколько более инвариантным (а тем самым и еще весьма абстрактным) информационным срезом»* производства и воспроизводства действительной жизни.

2.3.4. Об информатике и «сбросе покровов с тайн производства»

Сброс покровов с тайн производства – это всего лишь первый шаг к обобществлению технологий. Второй шаг – участие всех во всём!

«Информационный бум нашего времени настолько сокрушителен, что уже всем без исключения слышен его оглушительный звон. Только вот где он? Вообще-то везде – это и «информационные технологии», и компьютеризация, и сети связи, и средства массовой информации, «четвертая власть», и даже вообще, по некоторым взглядам, грядущее «информационное общество»...».

В этой связи А.С. Шушарин замечает: *«Информатика (связь, коммуникация и пр.) – это метафоричное обозначение сферы обеспечения или самой сферы информационных общественных процессов в семиосфере. Напомним, что в некотором роде даже вопреки новейшему информационному буму нашей «кибернетической эры» это явление самого «архаичного» и глубокого социально-биологического базового взаимодействия с его механизмом телесно-духовного общения (включая коммуникацию, информатику) как основы и формы всякой содеятельности вообще. Но отсюда же понятно, что эта информатика имеет и базовые различия. Информационное в органических, демографических, территориальных, экономических, функциональных (технологических) про-*

*цессах совсем не одно и то же, а равно меняет **исторические формы** содержания, средств, организации, собственных ультраструктур».*

Яркий пример этому – ценовая информация рыночной (экономической) формы производства.

Иные парадоксы с информатикой обнаруживаются в линейной форме производства. В материалах «Полилогии...» приводятся данные о том, что в *«сфере информационного производства»* реального социализма сосредоточено около 50 % трудовых ресурсов. Так, если взять, к примеру, только розничную торговлю, то получается, что кроме продавцов, грузчиков и водителей машин, все остальные – кассиры, бухгалтера, «завсклады», управленцы, секретари, «толкачи», снабженцы, директора с замами и прочие чиновники всех более высоких формах организации торговли, – действительно заняты информационной работой. В то же время отмечается весьма многоаспектное отставание, к примеру, от США, которое быстро растёт и совершенно аномально. Поэтому очевидно, что необходимо тщательно и очень внимательно с этим разбираться, ибо суть этих явлений заключена *«в типологической природе всех этих дел, а не во внешних проявлениях»*.

Так, в частности, некоторыми зарубежными «советологами» отмечается, что ограничения на развитие персональных компьютеров в СССР обусловлены политически, партийно, так как они *«способны воспроизводить самиздатовские документы»*. Однако это в большей степени надуманная оценка от зарубежных советологов, ибо суть данного явления в том, что в структурно атомизированном капиталистическом (экономическом, рыночном) обществе, в частности, был дан ход персональным компьютерам (наряду с большими ЭВМ коллективного пользования) как рыночному товару, обещавшему высокую доходность, тогда как в структурно-групповом обществе линейного социализма этот ход на получение высокой прибыли *«был, так сказать, заказан»*. Ставка была сделана

в первую очередь на ЭВМ коллективного пользования, обеспечивающие максимальный охват пользователей, и только затем на персональные компьютеры, да и то, как на современное, высокопроизводительное, оснащение рабочих мест всей сети линейного производства. Причём эти различия («в ставке») были обусловлены объективной сутью самих способов производства, их материальными основами, а не волевыми усилиями «капитанов» этих способов общественного производства. То есть суть отставания действительно совсем не политична, а **производственная**.

В «Полилогии...» со ссылкой Н. Винера, Эшби и Н. Лумана отмечается, что «тесно спаянные» сообщества и всяческие организмы в широком смысле *«скрепляются обладанием средствами приобретения, использования и передачи информации»*, а эта «спаянность», «скрепленность» уже свидетельствуют об определенном консерватизме структур «организма», хотя и об его же уже постэнергетической сути». При этом указывается на наличие жестких характеристик объектов кибернетики как *«систем, открытых для энергии, но замкнутых для информации и управления, – систем непроницаемых для информации»*. Соответствующий этим позициям отклик находит место и в социологических идеях, как некие жесткие *«отграничения от внешней среды»* в общественных системах. Здесь же, в анализе общественного развития социума, существенна именно *«типология внутренней логики информационного»*.

Социальная суть «информационного» для каждого способа производства, для каждой ЧЭФ своя и соответствует типологии этого способа производства. Например, феодальной автаркии присущ как свой тип «сигнальности», так и информационная замкнутость; капитализму – своя «информационность», это рыночные сигналы и коммерческая тайна.

Так, при капитализме практически все товаризуется, в том числе и сам человек с его «духовными богинями». Поэтому становится возможной (обретает внешние товарные формы) и продажа информации. Продажа информации воз-

можно, если, например, *«владение этой информацией фирме не нужно, если продажа обещает прибыль, если есть угроза выброса такой информации на рынок и т.д., но при неукоснительном и даже ужесточающемся сохранении всего объема коммерческой тайны»*.

Таким образом, если у информации есть *«товаризация»*, обеспечивающая значимую *«прибылизацию»*, то наличие или отсутствие компьютерных сетей значения не имеет. Разумеется, что в процессе развития рыночных систем наблюдается появление и множества новых горизонтальных и вертикальных связей, которые возникают как бы *«в ущерб рыночной структуре»*. Однако это, прежде всего, именно *«рыночные адаптации»*, *«стихийные компенсации уже некоторых новых «провалов рынка»*.

В линейном производстве информация и информационные связи оказываются резко ограниченными (суженными) всей группо-иерархической производственной структурой общества и соответствующей иерархической организацией движения (информационных) сообщений. Так, при сносном положении на радио и телевидении с телефонизацией ситуация иная. Очевидно, что административно-командная система доминирующей линейной формы нуждается преимущественно лишь в таком движении информации, которое обеспечивает получение команд сверху и передачу их вниз, разумеется, что и в обратном направлении движение информации имеет место, но необходимость в этом минимальна. Само содержание передаваемой информации в линейной форме сложней, выше (технонимика), чем у рынка (маркетинг, товаронимика), а по каналам – иерархично. Однако и иерархия – это только ультраструктурная форма диспозитивно-адресных связей в самом сетевом производстве этой формы (*«каждый только с определенными смежниками»*). Это-то радикально и отличает информацию в условиях линейной формы производства от *«безадресно-диспозитивной информструктуры атомизированного рынка (хаотическая «ярмарка», ситуативно «каждый с каждым» со сплошной «анонимностью»...*, в

смысле преобладающей безадресности связей)». То есть с качественной стороны самого производства действительной жизни в эндогенном срезе разница, можно сказать, принципиальная, тогда как с количественной стороны оценки это дело уже специальной узкой «технической» дисциплины.

Таким образом, именно экстерриториальность рынка, которая лишь формально близка эксфункциональности научного, продуктивного производства, правда, лишь на этапе его становления, в некоторой мере и *«объясняет заметную адаптивность отношений с технологиями при капитализме (диффузность технологий). Не рынок сам по себе, тем более не частная собственность на средства производства, а именно диспозитивно-безадресная (хотя и содержательно более узкая – коммерческая, маркетинговая) информационная структура рынка во многом «неволью» облегчает решение задач научно-технического прогресса».*

Грубо говоря, рынок совершенно стихийно содействует начальному этапу процесса обобществления технологий, то есть их распространению, тогда как доминирующий «план» линейной формы, *«как бы чуть ли не наоборот, подчинен их наличной структуре».* Однако все дело в ограниченной (частной или группо-иерархической) собственности и её типологии, обуславливающих всегда определенную закрытость всегда определенной информации. С одной стороны, частная собственность что-то самоотверженно хранит от конкурентов, а с другой – что-то и от своего персонала. В целом это формирует вполне определённую *«информационную психологию»* участников производства.

Так, например, в условиях капитализма часто говорят, что «не этично» заглядывать в чужой карман и любопытствовать по поводу доходов. *«Ерунда все это»*, ибо *«частная собственность имманентно запрещает разглашение информации о внутрифирменном «командно-административном» распределении доходов по толстым карманам»*, то есть по карманам хозяев (частников) и их сателлитам, и лишь заодно, камуфлируя первое, – по тонким карманам наёмных работни-

ков, хотя при этом налоговая инспекция об этом информирована. Однако именно в интересах хозяев этих толстых карманов все эти тайны строго соблюдаются. Поэтому всякий раз при капитализации, приватизации любых предприятий вместо бывшей открытой системы оплаты труда (например, тарифной) мигмом появляется *«засекреченная система заработной платы»*, что является *«азбукой любого «фирмача» уже в самой малой лавке»*. В результате, независимо от воли и сознания людей в основе этой священной тайны оказывается *«прозаический толстый карман (прибыль, собственность, личный доход и расход) и, как следствие, коммерческая тайна»*. (При этом одной из патологических тенденций обобществления технологий в экономических системах Запада является всё возрастающий промышленный шпионаж, интересующийся в большей степени уже не товарами, а именно технологиями.) В линейной же форме социализма совершенно другие беды – не *«коммерческая тайна»* экономического среза производства, а *«тайна дефекта»* функционального производства.

Небезосновательно бытует мысль типа *«любые «учреждения» есть источник коррупции»*, что порождается, в частности, и вышеотмеченной *«внутренней формой собственности на технологии»*. При этом представляет «информационный интерес» соответствующая интерпретация этого явления, например: *«Учреждения действительно приводят к коррупции, хотя бы потому, что они влекут за собой официальную ложь того рода, которая именуется «внешней информацией»*, что часто выступает и в таких явлениях как *«дезинформация»* и *«двойная бухгалтерия»*». Отмеченное во многом объясняет и приближает к пониманию *«сути тайн «внутренней информации», покровительства «интенсивных величин», потенциальных возможностей, непорядков, собственности на технологии»*.

«Таким образом, – поясняет А.С. Шушарин, – в информационном срезе эта собственность и состоит в «тотальном» невынесении «сора из избы», в сокрытии внутренних

потенций и непорядков (реальные возможности, несуразичы, «безработица», иждивенчество, «интенсивные величины») любой линии производства, «технологических феодалов»: ни вверх, ни вниз, ни смежникам, ни самим себе («изнутри не видать»), т.е. в объективной тайне дефекта производства каждой линии производства в бесконечных конкретных многообразиях этого «неатомарного» дефекта, закрытого учрежденческим панцирем». В этой связи следует заметить, что соответственно и в статистике недостаточно отражены «межотраслевые связи или в общем случае связи между различными подсистемами», что убедительно подтверждают особенности именно информационного характера собственности на технологии в ее самых укрупненных формах.

Можно сказать, что внутри учреждения информация движется интенсивно, тогда как между учреждениями – только по накатанному и адресно необходимому минимуму. Некогда классический натуральный феодал сжимал вещественные потоки до минимума в силу своего натурального самообеспечения, технологический феодал, можно сказать, наследственно сохраняя репродуктивно воспроизводимые мощные вещественные потоки (функции), адресно, но не содержательно, сжимает информационные потоки. При этом внешне усиленно движутся уже технотимические (посттоварные), всем понятные и доступные экстенсивные величины, однако имеет место «полное сокрытие от всех и от себя того, что действительно творится на всех уровнях и в каждом коллективе». В частности, например, новаторы внутри коллективов зачастую просто «не наблюдаемые, а то и гонимые «величины»».

Следует особо отметить, что в чисто равновесном репродуктивном, то есть до начала НТР, линейном производстве «интенсивная» и «экстенсивная» информация как редкие новации, равно как некие накапливающиеся отклонения, проявляемые в видимых дефектах, не только наблюдаемы, но контролируемы и управляемы, ибо линейная система в этих условиях вполне способна эти новации просто администра-

тивно вклинить в технологические структуры как некие «новостройки» или включить их в соответствующие «титульные списки», равно как и устранять отдельные дефекты. Однако уже в условиях начала НТР между интенсивной и экстенсивной информацией происходит быстрый и стремительно нарастающий разрыв в части наблюдаемости, контроля и управляемости, ибо, можно сказать, линейная система не в состоянии не только отслеживать и управлять, но так же и просто наблюдать. И дело здесь не в самой по себе иерархии, функциональности, даже информации, а именно в сути самой собственности на технологии *«в условиях исторически взрывоподобного развертывания начала НТР»*.

Так, например, иногда связывают наметившееся в последние годы Советского Союза отставание с *«очень резко помевнявшимся отношением к творческим личностям»*. Это не совсем так, ибо, точнее, если понимать происходившее более глубоко и с учётом вышеизложенного, то *«отношение» к творческим личностям было примерно одинаково (это свойство господствующих отношений)*. Однако взрывное по характеру начало НТР в условиях репродуктивной системы инициировало творчество, сделало его массовым, что *«внешне и выступило как негативное «изменение» отношения к творчеству»*, хотя собственно отношение к нему не изменилось, но сам объём творчества резко возрос.

Итак, *«каждый исторический шаг решает совершенно разные задачи в информационном срезе производства, определяемом материально-деятельностными, но именно властно-производственными (не юридическими) структурами и переменами в отношениях собственности»*. Уже давно, и особенно с появлением компьютерной техники, говорилось о необходимости создания *«общегосударственной информационной службы, не имеющей никаких «горизонтальных» (ведомственных) и «вертикальных» (иерархических от цеха до Центра) границ»*. Формально, технически, это можно было сделать уже давно, *«однако без властных (собственность) изменений это ничегошеньки не изменит»*. Информационное

лишь более заметно проявляет эти невидимые базовые материальные отношения и их наисложнейшие переменны.

Однако и обвинять в отсутствии изменений управление, бюрократизм – пустая затея, подобная *«детскому лепету»*. *«Это все равно, – образно пишет А.С. Шушарин, – что обвинять центральную нервную систему позвоночных, что она еще не обладает материальными свойствами второй сигнальной системы. Поэтому и, разумеется, вся суть ин-формационных перемен в самой социальной основе, на обыденном уровне, образно говоря, уже не экономическое «что почем», и уже не техномическое «что, когда, кому...», а аналитическое «где и кто хорошо, где и кто плохо, почему плохо, как лучше, к чему может привести, кто делает и может лучше...».* *Революционный прорыв от нормативного и учрежденческого, экстенсивного «технорасчета» к конкретному (т.е. везде и всюду уникальному) и более глубокому и широкому посттехническому, посттехнологическому научному (в том числе и социальному в самом широком смысле, «социорегулятивному») анализу, как информационной основе деятельности и ее перемен. Причем к анализу прежде всего и уже не просто вещей, техники (это уже пройденное), а именно технологий (процессов, работы, деятельности, мыследеятельности и взаимодействия, взаимосвязанного дела и самих делающих дело)».*

Такой научный анализ просто невозможен без сброса покровов с тайн производства и всех форм покрывательств, что собственно и лежит в его основе. Именно анализ технологий, как деятельности и взаимодействия, позволяет перейти от «стихийной диффузии технологий» к уже новой общественной форме их регулируемого и интенсивного движения. Это будет нечто большее, чем некая модификация технических отношений, а само восходящее *«преодоление их научными, социоаналитическими и социорегулятивными (...) отношениями, связанными со знанием и познанием, не имеющими технических и организационных границ»*. Это путь и окончательного

преодоления информационной «корпоративности». В целом же это и есть информационный «базис» перемен в обобществлении технологий, разумеется, с уже новой надстройкой над собой, новыми, почти непредсказуемыми, не только постплановыми, но и некими «внеполитическими» интеллектуальными институтами».

В результате обобществления технологий, по мнению автора «Полилогии...», произойдёт смена «*тоталитарной демократии*» на «*творческую демократию*» во всех слоях и сферах бытия. Продолжая аналогию со второй сигнальной системой, он замечает: «*Ведь и вторая сигнальная система базируется на нервных окончаниях в теле всего организма (т.е. не является только «надстройкой»), но уже способна к отрыву от «тела», к саморефлексии. Так что, образно говоря, в итоге известные «четыре власти» дополнятся еще некоей научной, вероятно даже, как и властно более высокой».*

И далее А.С. Шушарин продолжает: «*«Невероятное» обобществление технологий самими «трудящимися нового типа» (...) и будет означать общественный, революционный процесс создания научного механизма производства, информационно означающего организацию постоянного общественного, вертикального и, главное, диспозитивного, внефункционального и эксфункционального, межотраслевого, межпредприятийного и межпрофессионального (если угодно – комплексно, междисциплинарного) изучения «интенсивных» величин технологий.* (выделено мною – ХАТ) <...>

Но в основе своей это совсем не управленческая задача (как нечто лишь институциональное, производное, оформляющее), а диспозитивная задача самих «трудящихся нового типа» по взаимному «вмешательству» в технологии и их цепи. <...>

Такое изменение и будет означать шаг освобождения человека, не коллектива, предприятия, отрасли, учреждения и т.д., а именно человека, трудящихся, от замкнутости «технологического феода» (а это его же снятие)

в выборе деятельности, обучения и перемен труда, в участии в управлении посредством своего рода второй сигнальной системы. <...>

*...жесткость организаций, их связей и динамичных перемен возрастет, но индивиды будут более свободно перемещаться из одной структуры в другую. Технологические императивы (в простейшем виде технологической дисциплины) нигде и никогда не исчезнут, но именно для человека они перестанут быть неподвластной, отчуждающей силой. Жесткость связей и жесткость их нее перемен неумолимо диктуются ростом мощи, плотности и многообразий связанности «социальной материи», но со «второй сигнальной системой» всепронизывающего анализа производство и человек освобождаются от учрежденческих и пр. границ собственности на технологии. Ведь вторая сигнальная система, как известно, вовсе **не является надстройкой** нервной системы, а является пронизывающим всю ее качественно другим, причем общественным в индивидуальном, **способом функционирования, снизу доверху**».*

Таким образом, нужен принципиально новый работник, способный широко видеть всё многообразие воспроизводственных связей, владеющий научным анализом производственных ситуаций на основе современных знаний и понимающий последствия своих поступков, своих решений. Такая возможность в целом все в большей степени связывается с компьютеризацией труда и владением по нынешним меркам «нечеловечески разнообразной информацией». Такой «*принципиально новый работник*», «*трудящиеся нового типа*» потенциально давно уже складывался, особенно в эпоху доминирования линейной формы производства (например, в эпоху реального социализма СССР). Однако поперек деятельности этих трудящихся нового типа стоит ограниченная, группо-иерархическая собственность на технологии, их взаимоотношение, а сегодня, в деградирующем российском обществе, поперек стоит ещё и регрессионное коммерческое вырождение.

В будущую эпоху постиндустриализма грядёт смена управления «не стихией рынка, а решениями, принимаемыми научной элитой». Но осуществить это сможет не собственно некая научная элита, а относительно массовый субъект в лице трудящиеся нового типа. При этом, судя по нынешнему состоянию российского общества вместе с преодолением, сменой, высокой планки «стихии плана», предстоит сменить и стихию нынешнего недоразвитого и ущербного рынка. Правда, шансы на такое развитие событий катастрофически быстро убывают, грозя уже почти неизбежным распадом российского общества. Но бифуркация на то и бифуркация, чтобы сохранять саму возможность восходящего развития на собственных почвах исторической России, а время – вечный арбитр этого развития.

Короче, и почти традиционно, как отмечает ряд исследователей, *«на протяжении двух последних столетий человечество стремилось главным образом изменять природу, теперь же, чтобы не покончить с собой, человечеству необходимо создать (развить) способность понимать (природу)»* и на этой основе преобразовывать её, а в первую же очередь, её высшую форму – общество и отношения в этом обществе.

Таким образом, *«репродуктивному и социально-непознавательному организационно-управленческому технократизму предстоит уступить доминантное место некоторым организационно заведомо непредсказуемым, но определенно «понимающим», более высоким «аналитико-синтетическим» структурам».* Предстоящий исторический шаг в своей аналогии отнюдь не первый, так, например, выросшая натуральность преодолела рабство, выросший рынок преодолел автаркию, наконец, «план» преодолел капитализм. Настало время, когда *«некая новая «соционаучная структура» преодолеет дефект производства «технофеода»».*

Однако только одного понимания совсем недостаточно. Придется изменить не только производственные отношения, но и прежде всего самого себя, как носителя и преобразо-

вателя производственных отношений. При этом изменения в первую очередь начнутся там, *«где сложатся исторические обстоятельства, на кризисной негэнтропийной вершине, а до того – в социальной науке, а до того – в понятиях»*. Таким образом, вся эта *«кошмарная нелинейность»* гигантского, вселенского оказывается в зависимости от «микроскопического», а именно – в зависимости от понятийного.

Автор «Полилогии...» заключает: *«Обобществление технологий, их изъятие из оков группо-иерархической собственности, и есть сброс в небытие линейной формы, «технологического феода», ликвидация группо-иерархической узурпации технологий, дефекта производства и господства статусов над людьми при сохранении всего рационального из всех ранее снятых (в том числе функциональных) отношений. Линейность, технофеод, дефект и пр. как доминанты исчезнут, но «план», статусы, функциональность и пр. никуда не исчезнут, т.е. будут метаморфированно сняты. В положительном содержании это и есть, пока не в метафорах дело, интенсификация, онаучивание, гуманизация (в пока не рассмотренном более широком контексте преобразования) производства, материальное и революционное его превращение в понимающее, социорегулятивное. Серьезное дело. Причем дело самих «трудящихся нового типа», хотя и с помощью новой социальной науки, т.е. нового научно-идеологического профессионализма, интеллигенции. Но уже новых, т.е. «разговаривающих» на обновленном профессиональном социальном языке»*.

Итак, пока главное состоит в том, *«как вообще возможно осуществление «конструктивной» тенденции в движении к обществу, основанному на «новом знании»*.

О роли знания и науки сказано и написано немало, достаточно вспомнить Платона, придававшего особое значение науке (роли «философа»), или известное «Знание – сила», провозглашённое Ф. Бэконом, или, например, высказанную К. Марксом мысль о «превращении науки в непосредствен-

ную производительную силу». Однако все эти немеркнущие идеи и мысли давно уже суть прекрасные афоризмы и непреходящие вечные истины философии, ставшие банальностями.

Чтобы общество стало действительно «научным обществом», опирающимся на новое знание, *«именно наука же и должна выдвинуть новое социальное знание об обществе»*. Вначале, во всей своей материальной конструкции, это будет лишь некое **донаучное** *««знание» с губительным эволюционным трендом и со спасительным революционным»*. Этим донаучным знанием может быть лишь удачная и совсем не вечная, а *«конкретно-историческая научная теория современного переломного мира»*. Именно с этого может и должно начаться решающее изменение когнитивности, как *«способности к умственному восприятию и переработке внешней информации»* о состоянии и историческом развитии социума, без изменения которой просто немислимо дальнейшее восходящее развитие нашего социума, сперва объёмной профессионально-научной когнитивности, а в конечном итоге и изменения глобальной когнитивности всего человечества. Таков первый практический шаг начала научной реализации *«конструктивной тенденции»* в движении к обществу, основанному на «новом знании».

2.4. Совсем коротко об экзогенной логике и будущем «реального социализма»

2.4.1. Вступление в эпоху критичности всемирных экзогенных производственных отношений

И, наконец, о чём ещё следует сказать в этом кратком изложении, так это о том, что «Полилогия...» состоит не только из эндогенной, но и экзогенной логики. Экзогенная логика развития описывает межстрановые, международные отношения, где агентами производства выступают не люди, как в эндогенной логике, а целые страны и народы. Эти субъекты,

как говорится в «Полилогии...», «*массовидны*». Однако в конечном итоге все эти отношения реализуются через людей и посредством людей. Это не только меняет характер и атрибутику, описывающую межстрановые отношения, но и во времени отстаёт, если так допустимо сказать, в темпах и уровне развития от эндогенной логики. Хотя, следует и оговориться, что при этом имеется много общего и подобного.

Если пользоваться подобным сравнением, то условно можно сказать, что современное развитие межстрановых, экзогенных отношений находится на уровне когда-то бывших допервобытных, то есть звериных отношений. Этот период в эндогенной логике называется «*переломной первобытностью*», когда люди уже были, а общества ещё не было, то есть люди жили по законам стада животных, зверей. Это ещё раз подчёркивает, что в мире, на планете Земля, единого общества как единого человечества ещё нет.

Сам же современный социум находится в крайне критическом состоянии бифуркации, когда нельзя с уверенностью утверждать, есть ли будущее у рода homo sapiens на планете Земля.

В этой связи А.С. Шушарин пишет: *«На «переднем краю» (...) эндогенного развития человечество стоит где-то в регионе развитых индустриальных, рыночных и трещащих плановых форм, перед пятой точкой (узлом) восходящего прорыва и волны или (на нижней ветви траекторий) краха. При обращении ко всей тектонике картина открывается радикально другая, а именно развитие и межобщественных отношений (структур). Развитие предстает в этом совсем другом подпространстве фазового пространства социума как неизведанное. Если на «переднем краю» зреет уже пятый (...) негэнтропийный прорыв (или провал) в композиции базовых отношений (что во всем социуме отнюдь не отменяет реальность и синполитейной первобытности), то все современное человечество вступает в эпоху критичности всемирных экзогенных производственных отношений, точнее, только некоторого самого первого из них, а все остальные только потенциальны или локальны.*

Но они же и вполне реальны во всем своем многообразии, что и образует невероятный эмпирический идейный хаос вокруг все-го «международного», «межкультурного», «глобального».

Экзогенные процессы логически не похожи на эндогенные и протекают в тектонике с колоссальным отставанием от эндогенного развития в условиях значительной неопределенности, случайности, диффузности, размытости с весьма инертной (в восхождениях) ритмикой.

В современном мире нарастающее насилие в уничтожении разнообразий или сепараций нынешних целостностей грозит крахом всего социума, но дело неумолимо идет к *«обобществлению жизни человеческого рода»* при единой для всех безопасности. Однако пока все более угрожает единая для всех опасность и движение к пределу устойчивости социума. Этот предел устойчивости неумолимо складывается, а возможно уже и сложился, но, к сожалению, *«он никогда не может быть рационально строго определен».*

Однако, не так всё и грустно, ибо социализм СССР, или, как его называли, реальный социализм, дал миру пример высокого уровня международных, межстрановых и межнациональных отношений. Этот пример вполне можно рассматривать как прообраз экзогенной модели будущего единого человечества на социалистической основе. Этот прообраз *«всемирных экзогенных производственных отношений»* был сформирован и существовал как государство – союз стран, республик, с резко различающимися уровнями общественного развития в диапазоне, можно сказать, от позднего рабовладения и феодализма до действительно эндогенного социализма. Однако, строго говоря, просто утверждать, что СССР – это страна эндогенного социализма, основанная на чисто функциональных производственных отношениях, будет не совсем корректно.

Да, в СССР доминировали функциональные производственные отношения и группо-иерархические отношения собственности, однако при этом, и именно заботой государственного союза, в одной стране уживались почти

первобытный Север и сверхиндустриальный Центр с целым рядом моногородов по всей стране. Резко различающиеся природные условия, география и национальные традиции на огромных просторах первой страны Советов создавали безмерно разновеликую и пёструю агломерацию укладов и образа жизни народов СССР. Это доминирование функционального равновесия было именно плодом доминирования функциональности, которая порою деформировала региональную обособленность и как бы приводила к единому образу жизни все народы страны Советов. Тогда даже говорили, что в СССР создана, родилась, новая общность – «советский народ».

В целом же это был пример *«экстенсивной культурной патернализации и суть одной из важнейших революций в подъеме, в шагах восхождения неоднородного события, в синтезе разновысокого»*. В подобных процессах патернализаций участвуют обе стороны, *«а не так, – пишет А.С. Шущарин, – что одна другую «модернизирует» или обе взаимoadaptируются, превращаясь в один «гибрид». Иначе говоря, обе стороны участвуют, так сказать, под руководством некой третьей, интегративной силы»*. *«В сравнениях с «обычными» революциями патернализации явных политико-переворотных форм не имеют»*, однако в итоге спасают от конфликтов *«асимметричных, «матфеевых» субординаций, революционно переворачивают их в постасимметричные, патернальные формы, образующие тем самым опять же экзогенные структуры безопасности»*.

Следует отметить, что патернальные *«общественные идеалы»* воспринимаются людьми как смыслы весьма глубоких ценностей с трудом, а поэтому, можно сказать, *«являются слабыми»*, легко подавляемыми *«более явственным ценностям, скажем, к личным имоткам (...), т.е. тяга, подавляющая патернальность, может означать... войну»*. Такова реальность общественного бытия.

Поэтому, когда говорят, что в СССР был построен социализм, то это надо понимать, прежде всего, как экзогенное об-

разование (агломерация), построенное на основе и в формах эндогенного социализма с доминированием функциональных производственных отношений, с доминированием ЧЭФ «плановая, линейная, отраслевая, функциональная и, наконец, социалистическая».

2.4.2. Гуманизм

Характеризуя в целом современную эпоху, А.С. Шушарин заявляет следующее: *«Тем не менее, и пока образно говоря, и даже в специальной привязке к «формационному мышлению», понимание основного содержания эпохи и состоит в осознании того, что вся история рода человеческого до сих пор является первой и единственной, насильственной, вооруженной, каменно-ядерной «формацией», одним единственным вооруженным способом «производства и воспроизводства действительной жизни» в масштабах всего человечества. Этот, оставшийся еще от биологического движения, но вооруженный в военном и интеллектуальном смысле солидно, уже по-«человечески», «способ производства» и заходит во все более глубокий и чреватый кризис в виде «проблемы» Спасения человечества, объективной необходимости сброса незримо растущей угрозы самоуничтожения. Этот «способ производства», ... отмечен еще «печатью природности» (в виде национальных, государственных, религиозных идеологий), т.е. еще докультурен, досоциален, дочеловечен. Одновременно эти отжившие экзогенные производственные отношения всего досоциального, животного мироустройства («базиса», но еще лишённого социальной надстройки), лежащая в его основе некоторая господствующая необщественная собственность (пока условно и субъектно, скажем, гигантских толп), мучительно, стихийно, иррационально преодолевается как самый первый в человеческой истории зреющий шаг экстенсивного обобществления производства в его всемирных самых глубоких экзогенных основаниях. Собственность, разумеется, понимаемая*

генерализованно как асимметричное доминирующее отношение по поводу некоего объекта, образующего заходящий в свой фетишизированный предел смысл для людей.

<...>

Так вот, отжившие производственные отношения насильственного, доразумного мироустройства (его мирооснов) это и суть необщественная собственность (материальная основа смысла) на культуры (это, напомним, процесс, как общая жизнь, «пространство производства», технологии), т.е. **эгокультурность**. Но только это уже глобальная, экзогенная («метамолекулярная») метасобственность на всеобщую жизнь человечества, т.е. культуры или вообще культуру. Согласно социологам, это доминирование «своих» культур (объектов) как ценностей (богатств) в смыслах человеческого существования или в «общественных идеалах».

В то же время «сами по себе культуры совершенно невинный объект отношений или логический «субъект» их же взаимодействий, но его доминирование в современной реальной практике и в смыслах бытия и есть заходящий в предел **насильственный, конфронтационный мир**, с собственной ныне господствующей идеологической формой как «архирелигиозным культуроцентризмом». Все те же первобытные «наши – не наши», но уже куда как более внушительные. Именно это и проявляется (но именно проявляется) в ранее упомянутой «сегментации», госсuverенности, в тупиках «национальной безопасности», нетерпимости, стихиях экспансий и сепараций и пр., волокущих человечество в бездну небытия».

Поэтому, соответственно, современная критическая теория развития общества оказывается критикой именно «архирелигиозного культуроцентризма», что, в свою очередь, и составляет некие «рациональные основания гуманизма как «метаязычества», т.е. вселенского, образно говоря, «многобожия», а иначе говоря – некоторой глобальной субординации и интеркультурности».

В этой связи историческая задача «спасения человечества» в настоящий момент развития может пониматься как «выявление объективно спасительных (революцион-

ных) ветвей траектории бифуркации», то есть как разрешение ряда основных конкретно-исторических проблем, спектр которых огромен. Однако, хотя спектр проблем и огромен, но не неразрешим, ибо следует помнить, как писал К. Маркс: *«Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления»*. Иными словами, перефразируя слова В.И. Ленина, высшая задача человечества состоит в том, чтобы *«охватить эту объективную эволюцию общественного бытия в общих и основных чертах, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически, т.е. избрав восходящую тенденцию, «приспособить к ней... общественное сознание»*.

Таким образом, основное содержание задачи, стоящей перед глобальным социумом, есть *«революционное спасение человечества или преодоление насильственного (конфронтационного) мира. Это и есть «построение» исторически первого реального международного гуманизма»* в планетарном масштабе поствоенного мира.

Итак, основополагающий объективный императив современной эпохи есть *«построение международного гуманизма»*.

Теория будущего, подобная во многом образу СССР, излагается в «Полилогии...» в форме основных законов гуманизма, где царствует патернализм и господствует *«авторитет науки»*. Развитие строго регулируется на основе научных изысканий и теорий. Этот образ нового будущего автор методологии помечает как социализм-2, однако считает необходимым перейти к метафоре «гуманизм», чтобы не связывать образ будущего, если так можно сказать, с крахом социализма СССР и термином «социализм-2», ибо, как он пишет, *«по одному из признаков гуманизма реальный социализм безоговорочно провалился, а потому мы здесь переходим к метафоре «гуманизма»»*.

2.4.2.1. Социализм-2 и метафора постэгокультурности «гуманизм». Ступени гуманизации

По А.С. Шушарину, *«постэгокультурность, гуманизм – это мучительное вступление в подлинную ноосферу, преодоление всемирной эгокультурности, начало человеческого единого бытия взаимодействующих и развивающихся культур во всем их высотном и вариационном («горизонтальном») многообразии». И ещё: «Постэгокультурность, точнее, поликультурация, или обобществление культур, представляют собой не освобождение человека от его неизбежной принадлежности определенной культуре, а освобождение его от бесчеловечной стихии их взаимодействий».*

«Основной закон» гуманизма базируется на обобществлении культур и вытекает (является следствием) из преодоления эгокультурности. Это обобществление означает установление контроля «всеобщего интеллекта» над метавзаимодействиями самих культур между собой. «С точки зрения нравственности, – подчёркивает А.С. Шушарин, – это есть утверждение самоценности человека, всечеловеческого коллективизма, общечеловеческих отношений в их инфантильных и самых «архаичных» формах гуманистического «не убий» не только в смысле запрета, выраженного в Нагорной проповеди, но и в смысле запрета разрешать убийство, т.е. в смысле запрета метапреступности. Этими запретами человек освобождается, можно сказать, от последствий кровавых индивидуальных инстинктов и «толповых» метаинстинктов себе подобных. А это и есть гражданское событие и перебытие культур (субкультур)».

«Основной закон» гуманизма – это «закон не функционирования, а развития, закон не системы (всегда преходящей) движения, а закон перемены систем движения, преобразований. <...>

«...«основной закон» гуманизма и состоит в открытости развития, смене систем, в гуманистической форме их осуществления. Это закон снятия (не уничтожения!)

*самых неотвратимых революций, их перевод в регулируемый процесс». При этом важно отметить, что это закон «открытого развития», то есть это закон не общества или системы. Революционные преобразования («снятие»!) отживших производственных отношений и самой системы происходят в интересах человека, его развития как личности. Это революционное «снятие» обретает форму **«сознательных конкретно-исторических шагов к свободе (как освобождения от исторически определенных несвобод) в бесконечном восхождении».***

Схема гуманизации в бесконечном восхождении к «никогда прежде не бывшему» как революционное преобразование есть «некоторая «крупная» логика негэнтропийного развития». Эта схема преемственно включает классику, «пятичленку» в снятом виде прорывной эндогенной логики, а также «нечто экзогенное, «параллельное» и дополнительное к ней, как прежде всего «восточное». Заканчивается схема вселенской современной бифуркацией (с «невероятной» эндогенной траекторией постпланового прорыва, или краха)...».

Итогом этого восхождения являются исторические обречения, о характере которых говориться: *«В исторических обречениях по ступеням гуманизации следует искать только какие-то общественные сущности (как духовные стороны состояний и перемен производства, культур), по отношению к которым любые индивидуализируемые свойства людей (уровень образования, «бессознательность», детство, старость, гениальность, дебильность и пр.) могут иметь только условный характер не более чем вспомогательных пояснений».* Эти «общественные сущности» есть некие, утверждает А.С. Шушарин, **«рациональные благоприятения, приращения в самом теле жизни».**

Ограничившись, как историческим фактом, «только эндогенной логикой, её духовными сторонами», далее речь идёт «не о снятиях, а о необратимых гуманистических приращениях, хотя далее и деформируемых в реальных дискурсах. К тому ж суть этих приращений всегда эзотерична (скрыта, таинственна для непосвящённых – ХАТ)».

Первый успех в ступенях гуманизации имел место с начала формирования античного гражданского общества и состоял в реализации *«идей правопорядка, стремления... к разумному сочетанию различных тенденций... и достижению необходимой нормы... гражданское общество (! – ХАТ) возникло как результат широкого народного движения»*. Это право было насквозь рабовладельческим, но *«оно уже было надживотной, «надсемейной» взаимоотноющей людей посредством конвенционального выражения закона. А шире, во всей постпервобытности это и есть слово (еще как бы не обязательно формализованное «право», но уже нечто логическое, рассудочное)»*.

««Право», или «слово», – пишет А.С. Шушарин, – мы берем в кавычки, так как не подбирается других терминов для обозначения этого первого необратимого идеологического, гуманистического приобретения как появления правоотношений (словоотношений) как уже надживотных («надсемейных»), далее лишь деформирующихся, меняющих свое содержание и формы. Право может быть мифологическим, религиозным, рабовладельческим, конфуцианским, кастовым, генофизиологическим, фашистским, сталинистским, маккартистским, даже мафиозным, клановым, телефонным и т.д. Но оно уже всегда есть (эндогенно). <...>

Грубо говоря, даже беспардонное право силы (а это, собственно, и есть проявление отношения диктата, собственности на работников) есть уже закон, в сравнении с «бессловесной» стихией вспышек животного беспредела эгоистичности.

<...>

Тем не менее, завоевание «права», или «слова», суть лишь первый шаг или лишь первая ступень в гуманизации, временно-ми легко срываеваемой «бессловесной» силой».

Вклад феодализма в ступени гуманизации состоял в «солидном шаге увеличения объема самой культуры до всеохватной тотальности (эндогенно), что выразилось и в самой изменении «категорий культуры» как уже монотеистической. «Ка-

*тегориально» немного, а социально – гигантски. ... Но вся суть и соль – в духовной стороне **материального обобществления работников** (рабов нет – Гегель) и, как следствие, в неизбежном появлении **общего социального образования**».*

Таким образом, только с феодализмом «система учительства» становится универсальной и всеобщей (эндогенно), а в Европе выступает и в известной классической форме.

«Образование», с позиций нынешней социологии, кажется противоречащим религиозности и «ужасающей темноте масс», особенно если вспомнить, что всеобщее начальное образование как институт образования стало вводиться лишь в 80-е гг. XIX в. Однако суть образования изначально совсем в другом, а именно в том, что вместе с феодализмом в самом обществе начали воспроизводиться все «работники» – земледельцы, кузнецы, скотоводы, печники и т.д.

Итак, в ступенях гуманизации после «права» («слова») эндогенно добавилось «образование», причём в религиозной форме, ибо о Знании в собственном социальном смысле, особенно с уровня нынешних знаний, говорить тогда еще было рановато.

Следующий шаг по эндогенным ступеням восхождения к гуманизму был сделан при капитализме. Это был «гигантский революционный шаг», необратимо «положительное» которого состоит в создании «*эклeктического хаоса практики и мысли («энциклопедизм»)*, т.е. в своего рода **стихийно-рациональной или дорациональной эмпирической плюралистической идейной жизни как иновыражении практического торжества голого «опыта», эксперимента, риска, примера, заимствования (мимесис, подражание, есть тоже форма опыта) и пр.**». Торжество «голового опыта» происходило при сохранении всех предшествующих завоеваний, то есть «права» и «образования», а его отрицательная суть состояла в сбросе господства (но не в уничтожении), «*иррациональности предшествующей идеологии, т.е. как бы в очищении идейной почвы, в создании «чистой доски» в идеологическом восхождении к Разуму*».

С этого момента в воспроизводстве жизни (эндогенно) человечество (общество) опиралось на общественное мнение, выражаемое «правом» («словом»), «образованием» и уже эмпирической рациональностью универсального «опыта», свободного от господства иррациональности религиозного феодализма. (Это обильное прибегание к кавычкам связано лишь с постоянно испытываемыми терминологическими затруднениями в метафорических значениях этих относительно «скрытых, эзотерических духовных приращений».) В этом революционном сдвиге, обозначаемом как «опыт», и в его эксплуатации заключена *«главная тайна производства капитализма»*. На этот счёт А.С. Шушарин пишет: *«Так, еще в «Манифесте» прямо говорилось, что «буржуазия не может существовать, не вызывая постоянных переворотов в орудиях производства». В этом хозяйственном смысле очень даже революционная она, даже слишком, как это ни странно звучит»*.

Потому в западной экономической науке и её различных теориях *«буквально стержневым является именно эмпиризм»*, тогда как отдельные теории и принципы, схватывая частные инварианты экономических зависимостей, в совокупности образуют *«несовместимую кашу, весьма удобную для произвольного выбора тех или иных предпочтений»*.

Несомненно, *«опыт, или эмпиризм, – необратимое и великое завоевание, но и имеет свои пределы, хотя и логически довольно трудно фиксируемые»*. Но пока, даже абстрактно, очевидно, что капитализм абсолютно бесперспективен в экзогенном, межобщественном и мировом строении, ибо *«в принципе развитой капитализм на планете (без уничтожения большей части населения) буквально физически невоспроизводим»*. Для буквально адской эгокультурности *«никакого ядерного страха (у масс), на который иногда уповают как на фактор сдерживания, просто не существует»*. В то же время по своей эмпирической производственной природе капитализм продолжает адаптироваться, в том числе за счёт неокolonизации бывших соцстран и за счёт ростков постиндустриализации (информатизации). И это может продолжаться

ся до тех пор, «пока или некий опыт окажется последним (послесмертным, ... самоуничтожительным), или пока качественно другая, уже «послеопытная», ... «априорная» форма «законодательствующего разума» (...) не превзойдет его явью нового социального примера, который уже не может быть адаптивно заимствован с сохранением капиталистических (и западных) отношений».

Наконец, очередной исторический шаг по эндогенным ступеням восхождения к гуманизму был сделан социализмом. Теперь, с началом овладения новой социологической теорией развития общества «Полилогией...», становится ясно, что социализм вообще, как типологический гуманизм, «делает в идеологическом типогенезе следующий шаг после «опыта», в гносеологическом сравнении и дополнении к опыту и над ним, этот шаг является «индуктивным обобщением», **согласованным научным знанием**». Этот революционный шаг в восхождении по историческим ступеням гуманизации в гигантских идеологических приращениях характеризуется тем, что уже «новый способ мыслить доведен до сведения всех носителей данной культуры» (...), т.е. вошел в когнитивную, ментальную плоть бытия, что метафорически сравнительно выражается цепью: «**право**», «**образование**», «**опыт**», «**согласование**» ...», то есть, как удачно было однажды сказано в связи с наукой, «**взаимосогласование и сверка общезначимых элементов**».

Таким образом, возникновение марксизма как первых, хотя и узких, но уже научных обоснований революционной идеологии, а затем и исторический прорыв к линейной форме производства к социализму означали вышеобозначенный «шаг в ступенях гуманизации в апелляции к разуму уже в собственном смысле **научной рациональности, преодолевающей границы опыта** (но, конечно, не самого опыта). Соответственно гуманизм как событие культур (пока в эгокультурном мире) и образует «**вещество**» не только абсолютной морали, но и научности, **Высокой Рациональности, культуры мысли и слова**». К сожалению, по причине той же самой научности, а точнее, по причине отсутствия самой

постлинейной (постсоциалистической) *«Высокой Рациональности»* и самой научной теории восходящего постсоциалистического развития, с учётом сонма прочих конкретных обстоятельств, эта историческая форма быстро *«зашла в предел»* и первый в мире реальный социализм СССР рухнул.

Несмотря на сей катастрофический, но всё же локальный, исход, марксизм, большевизм и коммунизм есть *«суть первый шаг попытки материального вступления человечества в подлинную сферу разума»*. Всё сказанное позволяет утверждать, что *«гуманистическая ипостась общечеловечности и состоит теперь в апелляции к разуму народа выразителями самого же народа, (научно)-идеологическим профессионализмом и интеллигенцией посредством «права», «восточности», «образования», «опыта», научного знания, всегда, конечно, исторически ограниченного, но способного по природе познания к нескончаемому восхождению, к логически преемственному и революционному развитию»*. При этом сама *«научность обоснований социалистического прорыва хоть и понимается идеологически по-разному, но все же широко признается»*.

Однако при этом следует иметь в виду, что *«никакая утвердившаяся идеология вообще научной быть никогда не может в принципе, ибо в основе своей всегда обыденна, экзотерична, обслуживает данную систему»*. Действительно, научность бывшего социализма нельзя толковать так, что все были учеными, и всё делалось по науке, этого не было. Но в своей обыденности указанный *«смысл научности состоит в переменах в самих недрах воспроизводства жизни, в невидимом смысловом приобретении в ментальности, в ее «интеллигентской» форме, за всем этим – в самих структурах»*.

Так, в событиях 1991 и 1993 гг. *«народ убедительно и веско продемонстрировал горькую и мудрую сдержанность и стойкость, показав, что он мудрее своих властителей»; «люди, по крайней мере, умом, понимают опасность митинга и погрома»*. Однако при этом народ впал всё же в заблуждение, но в заблуждение, связанное именно с *«умом»*. Как тут не вспомнить знаменитое и незабываемое *«Горе от ума»?*

В результате это новое приобретение проявилось в СССР в **авторитете науки**, который определялся уже не намерениями интеллектуалов, а самим типом общественного производства, «в обновленном «человеческом материале» с открытостью обоснованным революционным обновлениям». Этот авторитет науки исторически беспрецедентно наблюдался, и особенно ярко, «в началах «перестройки», когда в радикальном отличии от всех предшествующих форм идеологических процессов вдруг обнаружилась **политическая популярность ученых, превзошедшая популярность звезд экрана**. <...>

Дальше, правда, картина стала очень быстро меняться. Крупный прокол вышел в народных надеждах практически на всех упомянутых лиц, у которых, так сказать, за «научной душой» не оказалось **ничего**. Но уникальный исторический факт неоспорим».

2.4.2.2. Две стороны основного закона гуманизма

Итак, основной закон гуманизма в своей реализации проявляется следующими двумя основными сторонами.

А.С. Шушарин пишет: «...**первая (материальная) сторона «основного закона» гуманизма состоит отнюдь не в ликвидации, а в структурном и социально-политическом снятии все равно неотвратимых самих революционных, восходящих процессов**. <...> Бифуркации, революционные преобразования отношений неотвратимы – «абсолютная» аксиома, выстраданная всей историей человеческой мысли. Но в точности так же неотвратимы бифуркационные опускания, хаотизации, некоторые разрушительные составляющие предреволюционных и революционных процессов, равно как и неизбежные репрессивные составляющие по отношению к «старым» структурам и силам. Но по мере тоже совершенно неотвратимого роста плотности, скорости, связности, мощности, уязвимости усложняющегося социального бытия с некоторых пор все эти

процессы тоже обязаны будут регулироваться – иначе гибель. Вот переход к такой регуляции, если угодно, к сущи-небельности («внутреннего саморазвития» – ХАТ) самого развития, самих революций, в самом «теле» бытия и выражает, говоря здесь в ортодоксальных терминах, первая сторона «основного закона» гуманизма».

Наконец, «научность восходящей идеологии по мере складывания обстоятельств назревших перемен и образует типологически вторую сторону «основного закона» гуманизма, коль скоро его экономизм не загубит заодно со всем миром».

В этой связи А.С. Шушарин пишет: «...социализм приобрел отсутствующий у всех предшествующих форм и неустрашимый «порок» – буквально неспособность к назревшим качественным обновлениям без соответствующего опережающего обновления социальной теории (так сказать, критического и генерализующего «структурализма») во всем объеме ее основных положений».

Таким образом, автор «Полилогии...» заключает: «... с социализмом само материальное «производство и воспроизводство действительной жизни», а равно и производительные силы, человек, ментальность, типологически обретают первую материальную рациональность движения самого производства в его восходящих переменах. Перефразируя слова Маркса, можно сказать, что идеологические перемены определяют развитие социализма как способ дыхания. Современный социализм и находится в состоянии асфиксии (затруднённого дыхания, удушья – ХАТ), а имя главного препятствия к доступу воздуха – экономический догматизм».

Характеризуя в этой связи реальный социализм, А.С. Шушарин писал: «По всей видимости, социализм без своевременного идеологического обновления посредством научного знания «сходит с ума», что, кажется, мы все явственно и видим. Конечно, и все предшествующие преобразования неизбежно проходили в форме идеологической борьбы и восходя-

щих течений. Но она никогда обществом (вне интеллигенции) не осознавалась как именно идеологическая; титанические идейные бои всегда шли в вокабулах символов целей, интересов чувственного, а ранее «сверхчувственного» порядка (еда, свобода, равенство, справедливость, налоги, жилье и т.д., а ранее религиозные надежды и устремления). Но, грубо говоря, сами понятия социальных «идей», «науки», «теории», «идеологии» и пр. в политической, а, следовательно, и в массовой лексике в смысловом (ценностном) содержании **начисто отсутствовали**. <...> А социализму это было хоть как-то присуще с «первых дней». Мы просто не замечаем этого феномена, когда даже с возрастанием житейских тягот углубляющегося кризиса, порождающих все более утилитарные и опускающиеся интересы, в настроениях даже простых людей, рабочих и крестьян, инженеров и учителей, военных и врачей, студентов и ветеранов нет-нет да неустраимо вырываются рефлексивные устремления понять происходящее, т.е. требование к научным и идеологическим обновлениям».

Заканчивая главу 26 «Типологический гуманизм...» и весь 4-ый том (раздел пятый) «Социализм», А.С. Шушарин пишет: **«Социализм вообще типологически вступил (вступает, даже вступал – какая разница) в состояние дальнейшего развития «социальной материи», когда для любых последующих назревших перемен сообразно самой культуре мышления необходимы уже «метрические» (понятийные, теоретические, научные) обоснования**». В целом же завершается 4-том следующей оценкой бурных событий начала 90-х годов прошлого века на просторах некогда «нерушимого союза» Советских Социалистических Республик и их неутешительного исторического исхода для первого реального социализма СССР: «...«перестройка» и вступление всего мироустройства в неравновесное, неустойчивое состояние бифуркации начались **при абсолютном отсутствии теоретического задела**. Ну а в значительной мере именно отсюда и провал в экономический фундаментализм, политическое невежество и пр.».

Так что, продолжая развивать учение К. Маркса, «Полилогия...» А.С. Шушарина не только его генерализирует, но и, можно сказать, на деле обновляет социализм, направляет коммунистическое движение в сторону ГУМАНИЗМА.

Глава 3

Формула социализма

Кому не известна марксова формула-схема «для капитализма»: $D - T - D'!$?

Но вот в уже новой фундаментальной социологической теории А.С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)», генерализирующей марксово учение («Капитал»), появляется ещё одна формула-схема: $C - \Phi - C'$, но уже «для социализма», точнее, формула-схема для чистой эндогенной формы (ЧЭФ) «социализм». Марксова и шушаринская формулы-схемы отражают критическое состояние развития капиталистических и социалистических производственных отношений для лишь одной соответствующей доминирующей ЧЭФ, но не являются «формулами» градаций (формаций) «капитализм» и «социализм», а входят в них составной частью.

Что скрыто за теперь уже этими двумя формулами или что их связывает? Что ещё, какие ещё формулы-схемы приносит «Полилогия...» в современное понимание общества, в понимание общественных отношений?

Примечание: Нижеприводимый материал является одним из первых откликов, рефлексией 2006 года, на только что опубликованные в полном объёме труды А. С. Шушарина «Полилогия ...». В этом первом прочтении многому ещё предстояло обрести более ясные и чёткие формы полилогического взгляда на «действительную жизнь». Однако это начальное восприятие, в целом верное, представляет несомненный интерес, так как ярко и полно обрисовывает нашу жизнь как социальный процесс её воспроизводства в законченном «формульном виде», что обеспечивает целостность изложения предмета данной книги, - теории градации «Социализм».

«Действительная жизнь» (ДЖ) как воспроизводственный процесс (ВП) представляет собой совокупность ряда одновременно, одномоментно протекающих частных (чистых) воспроизводственных процессов, так называемых «слоёв», отображаемых соответствующими ЧЭФ. Каждый «слой» является

носителем (состоит из) определённого вида объектов собственности, относительно которых возникают постоянно действующие (с начала становления общества) соответствующие, соответствующего вида общественные отношения.

В процессе общественного развития последовательно в каждом слое возникает особое, а затем и критическое состояние развития соответствующих «слою» общественных отношений по поводу соответствующего «слою» вида собственности. Это проявляется в том, что в начале определённого периода (точнее, этим и определяется период) эти отношения начинают доминировать, то есть главенствовать, влиять и подавлять все прочие «слои отношений и собственности», а затем, достигнув предела, критической фазы развития, «передают эстафету доминирования» последующему, «вышележащему слою», то есть более прогрессивному, восходящему «слою» отношений. При этом сам «слой» и его отношения сохраняются, как говорят философы, «снимаются» (т.е. включаются, переходят в «инфраструктуру» общества уже как условие дальнейшего развития общества в целом), а ранее доминировавший объект собственности «обобществляется», то есть становится достоянием всего общества, а, следовательно, каждого члена общества.

Эти критические «точки» перехода «из слоя в слой» соответствуют так называемой в «Полилогии...» главной последовательности «эндогенной логики», её «критическим формам и прорывам» (но не «формаций», а «градаций», как подчёркивает А.С. Шушарин), соответствуют её «эмпирическому корреляту»: первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм («вульгарный»), линейная (плановая) форма (социализм – авт.), где *«каждая из этих форм – пока только ... ярлык обозначения некоторого идеально чистого критического и восходящего, преодолевающего это состояние тренда...»*.

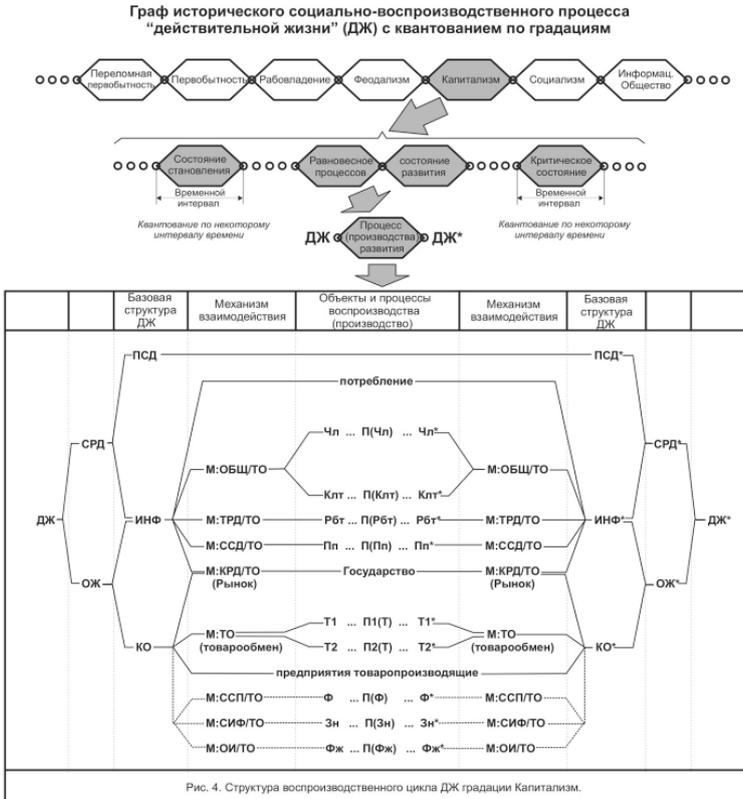
Кроме эндогенной логики в «Полилогии...» есть ещё и «экзогенная логика», отражающая межстрановые, международные отношения. Этой логики в данной книге касаться не будем, но укажем, что именно в ней, в её терминах и «взаимо-

действиях» формируются «формации», такие как «Империализм», «Неоколониализм» и др.

В теории А.С. Шушарина рассматривается ряд последовательных ценностей общества как объектов собственности, на основе которых строятся эти чистые эндогенные (внутристрановые) формы (ЧЭФ) отношений собственности, являющиеся базой в период своего доминирования для известных социально-воспроизводственных «формаций», или градаций по А.С. Шушарину. Напомним эти градации: «Эпоха первобытности» («Первобытность»), «Рабовладельческое общество» («Рабство»), «Феодальное общество» («Феодализм»), «Капиталистическое общество» («Капитализм»), «Социалистическое общество» («Социализм») и др., доселе ещё неизвестные и неизведанные.

Итак, каждая из ЧЭФ, в совокупности формирующих ту или иную градацию («формацию») общественного устройства, то есть общества в целом, характеризуется следующим минимумом описания: базовый объект воспроизводства; механизм взаимодействия; материально-знаковые отношения (сфера); богатство; собственность (как доминирующая собственность – асимметрия); градации (формации), базирующиеся на данной форме.

Таким образом, например, в соответствии с эндогенной логикой, да и здравым смыслом, нынешний воспроизводственный процесс ДЖ в России можно представить в виде схемы графа (см. рис. 4) одного воспроизводственного цикла социально-воспроизводственной градации (формации) «Капитализм». Вершина графа – **«действительная жизнь» (ДЖ)** в расширенном толковании – состоит из двух частей-процессов: «среды» (СРД) и «общей жизни» людей (ОЖ). В свою очередь, СРД формируется, состоит из «природной среды» (ПСД) и «инфраструктуры» (ИНФ), а ОЖ состоит из, опять-таки, «инфраструктуры» (ИНФ) и собственно самого «капиталистического общества» (КО). Наконец, ИНФ включает в себя следующие чистые процессы, как ЧЭФ: естественно, непосредственное («подножное») **потребление** (питание и обеспечение), а также собственно три нижеописываемые ЧЭФ и «координирующую механизм-структуру» – **«государство»**.

1. ЧЭФ «первобытность»: воспроизводимый базовый объект – «собственно общая жизнь», то есть человек как биологическое существо (**Чл**) и его (и общества) «культура и язык, образ поведения и т.п.» (**Клт**); механизм взаимодействия агентов производства, соответственно, – «биологическое взаимодействие» (**М:ПОВЩ**) и «культурно-духовное взаимодействие» как общение (**М:ОБЩ**); «эквивалентом» в «промежутках» между циклами производства являются, соответственно, «неживотное» (**Нж**) и «фамилия, имя» (**Фи**) (сфера – «антропонимика»); богатство – «телесно-духовное здоровье»; собственность (как доминирующая собственность – асимметрия) – «эгостадная собственность

на общую жизнь»; градация, базирующаяся на данной форме, – «Эпоха первобытности» («Первобытность»).

2. ЧЭФ «рабовладение»: воспроизводимый базовый объект – «работник» (**Рбт**); механизм взаимодействия агентов производства – «трудообмен» (**М:ТРД**); «эквивалент» в «промежутках» между циклами производства – «дипломы, свидетельства» (**Дп**) (сфера – «трудонимика»); богатство – «трудовые ресурсы»; собственность (как доминирующая собственность – асимметрия) – «собственность на работников (рабов)»; градация, базирующаяся на данной форме, – «Рабовладельческое общество» («Рабство»).

3. ЧЭФ «феодализм»: воспроизводимый базовый объект – «пространство жизни и производства» (**Пп**); механизм взаимодействия агентов производства – «соседствование» (**М:ССД**); «эквивалент» в «промежутках» между циклами производства – «прописка, качество жизни» (**Пкж**) (сфера – «топонимика»); богатство – «натуральное богатство, арена производства жизни»; собственность (как доминирующая собственность – асимметрия) – «иерархическая собственность на пространство производства и жизни»; градация, базирующаяся на данной форме, – «Феодальное общество» («Феодализм»).

Координирующей структурой для базовой ЧЭФ является «государство», «в рамках» которого формируется, образуется «рынок».

Далее «общая жизнь» людей (**ОЖ**). Кроме «инфраструктуры» (**ИНФ**) в состав **ОЖ** входит собственно само «капиталистическое общество» (**КО**), состоящее из базовой ЧЭФ «капитализм», «товаропроизводящих предприятий» и «ожидаемых», развивающихся процессов ЧЭФ, как «открытое будущее». Продолжим их описание.

4. Базовая ЧЭФ «капитализм»: воспроизводимый базовый объект – «средства производства, вещь, товар» (**Т**); механизм взаимодействия агентов производства – «товарообмен» (**М:ТО**) в форме «рынка»; «эквивалент» в «промежутках» между циклами производства – «деньги»

(Д) (сфера – «товаронимика»); богатство – «вещественное богатство, капитал»; собственность (как доминирующая собственность – асимметрия) – «частная собственность на средства производства»; градация, базирующаяся на данной форме, – «Капиталистическое общество» («Капитализм»).

5. Последующая (в градации «Капитализм») ЧЭФ «социализм»: воспроизводимый базовый объект – «функции, технологии» (**Ф**); механизм взаимодействия агентов производства – «соисполнение» (**М:ССП**); «эквивалент» в «промежутках» между циклами производства – «статус, документы» (**С**) (сфера – «технонимика»); богатство – «технологии (функции), умение»; собственность (как доминирующая собственность – асимметрия) – «группо-иерархическая собственность на технологии»; градация, базирующаяся на данной форме, – «Социалистическое общество» («Социализм»).

6. Ожидаемая ЧЭФ «постлинейная, знание»: воспроизводимый базовый объект – «знание, содержательная информация» (**Зн**); механизм взаимодействия агентов производства – «соинформирование» (**М:СИФ**); «эквивалент» в «промежутках» между циклами производства – «знаний ёмкостная степень» (**Зс**) (сфера – «знанонимика»); богатство – «знания, научная школа, наука»; собственность, вероятно, – «ограниченная групповая собственность на «знания», на общественный интеллект»; ожидаемая, вероятная градация, базирующаяся на данной форме, – высокоинтеллектуальное «Информационное общество» («Знание»).

7. Ожидаемая ЧЭФ «философская»: воспроизводимый базовый объект – «философия жизни» (**Фж**); механизм взаимодействия агентов производства – «общественный интеллект» (**М:ОИ**); «эквивалент» в «промежутках» между циклами производства – «уровень посвящения» (**Уп**) (сфера – «знанонимика»); богатство – «мудрость, философская школа»; собственность, вероятно, – «ограниченная групповая собственность на единый смысл жизни»; ожидаемая, вероятная градация, «базирующаяся» на данной форме – «Коммунистическое общество» («Коммунизм»).

Если продолжить дальнейшее описание схемы графа одного воспроизводственного цикла социально-воспроизводственной градации (формации) «Капитализм», то далее следует совершенно симметричная, зеркальная «свёртка» ЧЭФ в конечную для цикла, вновь воспроизведённую на новом, более высоком уровне, вершину «действительная жизнь» (ДЖ*).

Теперь, взяв за основу описанный граф, запишем формулу-схему капитализма как совокупность процессов.

Доминирующий процесс:

(1к)

– Д – Т ... П... Т* – Д* – Т ... П... Т** – Д**, М:ТО;

Инфраструктура:

(2к)

– Нж – Чл ... П... Чл* – Нж* – Чл ... П... Чл** – Нж**, М:ПОБЩ/М:ТО;

(3к)

– Фи – Клт ... П... Клт* – Фи* – Клт ... П... Клт** – Фи**, М:ОБЩ/М:ТО;

(4к)

– Дп – Рбт ... П... Рбт* – Дп* – Рбт ... П... Рбт** – Дп**, М:ТРД/М:ТО;

(5к)

– Пкж – Пп ... П... Пп* – Пкж* – Пп ... П... Пп** – Пкж**, М:ССД/М:ТО;

«Ожидаемые», развивающиеся процессы как «открытое будущее»:

(6к)

– С* – Ф ... П... Ф* – С** – Ф* ... П... Ф** – С***, М:ССП/М:ТО;

(7к)

– Зс – Зн ... П... Зн* – Зс* – Зн ... П... Зн** – Зс**, М:СИФ/М:ТО;

(8к)

– Уп – Фж ... П... Фж* – Уп* – Фж ... П... Фж** – Уп**, М:ОИ/М:ТО.

Согласно теории А.С. Шушарина, в каждой градации имеют место все ЧЭФ с различной степенью развития, но только одна из них доминирует, то есть «освещает», принуждает прочие ЧЭФ «использовать» её механизм взаимодействия. Так, механизм взаимодействия при капитализме в форме рынка как «товарообмена через куплю-продажу» даже таким, казалось бы, очень далеким от товарного производства отношениям взаимодействия «первобытности» как «телесно-духовное общение» придаёт рыночные формы отношения «купли-продажи». Это проявляется, например, в форме проституции, «торговли детьми», в форме платной медицины (хочешь жить – «покупай нужную тебе операцию») и пр. Поэтому в полной записи формул-схем ЧЭФ следует не только указывать соответствующий механизм взаимодействия, но и доминирующий механизм той ЧЭФ, под «освещением», влиянием или «принуждением» которой она находится. Для этого в теории вероятности для условных состояний и процессов используется форма записи, аналогичная традиционной. После знака объекта или данного события (состояния) через дробь (косая черта) пишется «условие», при котором рассматривается данное состояние или объект. Таким «условием» в нашем случае будет механизм доминирующих отношений, взаимодействий. Так, например, эквивалент «прописка, качество жизни» – **Пкж**, в условиях доминирования ЧЭФ «капитализм», где доминирующим механизмом взаимодействия является «товарообмен», т.е. **М:ТО**, будет представлен (записан) как **Пкж/М:ТО**.

После представления формулы-схемы «Капитализм», перейдём к следующей в истории и в «главной последовательности» эндогенной логики градации «Социализм».

Аналогично вышеизложенному можно представить в виде схемы графа воспроизводственный процесс ДЖ социально-воспроизводственной градации «Социализм». От графа «Капитализм» он будет отличаться доминирующей ЧЭФ, которая в графе «Социализм» будет представлена

Граф исторического социально-воспроизводственного процесса «действительной жизни» (ДЖ) с квантованием по градациям

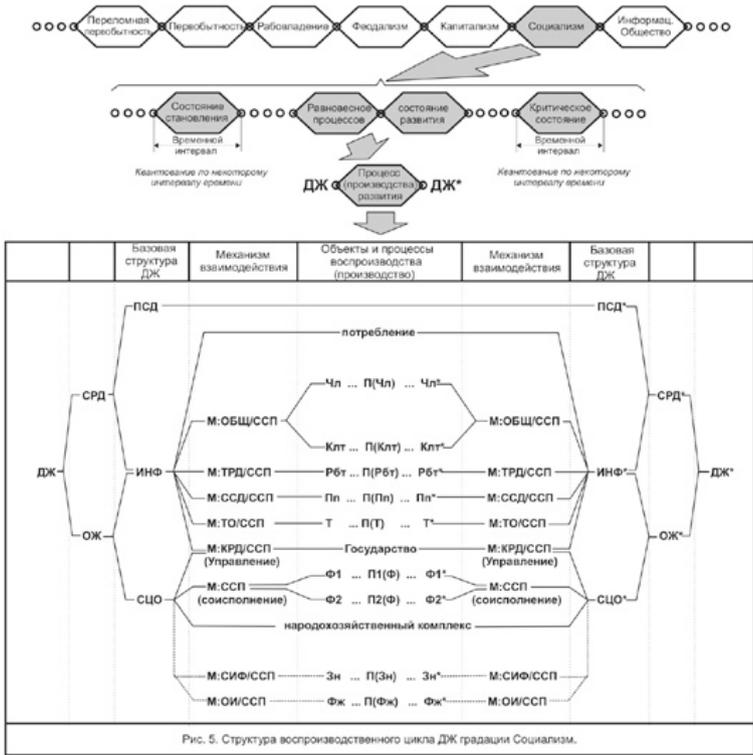

Рис. 5. Структура воспроизводственного цикла ДЖ градации Социализм.

ЧЭФ «социализм» («линейная», «плановая»), а сама ЧЭФ «капитализм» из «доминирующих процессов» переместится в «инфраструктуру» графа «Социализм» (см. рис.5). Среди «ожидаемых» ЧЭФ останутся лишь ЧЭФ «постлинейная, знание» и ЧЭФ «философская».

Соответствующая запись формулы-схемы социализма как совокупности процессов примет следующий вид.

Доминирующий процесс:

(1с)

$$- C^* - \Phi \dots П \dots \Phi^* - C^{**} - \Phi^* \dots П \dots \Phi^{**} - C^{***}, \text{ M:CCП};$$

Инфраструктура:

(2с)

– Нж – Чл ... П... Чл* – Нж* – Чл ... П... Чл** – Нж**, М:ПОБЩ/М:ССП;

(3с)

– Фи – Клт ... П... Клт* – Фи* – Клт ... П... Клт** – Фи**, М:ОБЩ/М:ССП;

(4с)

– Дп – Рбт ... П... Рбт* – Дп* – Рбт ... П... Рбт** – Дп**, М:ТРД/М:ССП;

(5с)

– Пкж – Пп ... П... Пп* – Пкж* – Пп ... П... Пп** – Пкж**, М:ССД/М:ССП;

(6с)

– Д – Т ... П... Т* – Д* – Т ... П... Т** – Д**, М:ТО/М:ССП;

«Ожидаемые», развивающиеся процессы как «открытое будущее»:

(7с)

– Зс – Зн ... П... Зн* – Зс* – Зн ... П... Зн** – Зс**, М:СИФ/М:ССП;

(8с)

– Уп – Фж ... П... Фж* – Уп* – Фж ... П... Фж** – Уп**, М:ОИ/М:ССП.

Здесь, в доминирующей ЧЭФ «линейная, социализм» (1с), механизм взаимодействия «соисполнение, планирование – согласование», материально-знаковые отношения (технонимика) представлены «статусами, документами, инструкциями, положениями и т.п.». То есть для опосредованного согласования (соисполнения), сопряжения функций производств и отраслей через посредство «универсального процесса» как функции используется «статус» (процесс документооборота, инструкции, определяющие «положение функции») – «С». Агентами универсальной «функции – статуса» для согласования (сопряжения как приведения в соответствие «положений функций») являются агенты от-

раслевого и межотраслевого «планирования», а агентами собственно «производственных» функций являются сами исполнители функций – субъекты в лице производственных коллективов вместе с коллективами соответствующих органов управления.

Вообще термин «статус» определяется в «Словаре иностранных слов» как «состояние дел, положения, правовое положение». Здесь, в теории А.С. Шушарина, его следует понимать как оценку (процесс) состояния функции, положения функции как процесса. В зависимости от контекста «положение функции», как оценка, может быть представлена одним из многочисленных параметров, одной из «сторон» процесса-функции, характеризующих «положение функции».

Отличительной особенностью ЧЭФ «социализм» является то, что все функции материально, на государственной основе объединены **единым народнохозяйственным комплексом** страны как жизнеспособным производственным «хозяйством». Тогда как в ЧЭФ «капитализм» все агенты как товаропроизводители независимы и «безадресны» в отношении реализации и подготовки (вос)производства товаров.

Механизма планового согласования соисполнения функций (сопряжения функций), как процесс «**управления**», в формуле-схеме реализуется через переходную между циклами кругооборота «универсалию» («положение функции»), выраженную мерой «статус» (как «третья функция») – «С». Здесь используется знаково-смысловая форма – как отчётно-плановый документооборот (система планов, отчётов, инструкций исполнения, методик работы, права и обязанности и т.п.). Цикл этого документооборота заключается в переходе, положим, от «Со», как состояния («величины») статуса до начала процесса их сопряжения (согласования), т.е. как «отчёта о состоянии», к «Сп», как планируемому состоянию статуса после выполнения производственного процесса сопряжения (изменения параметров функций). Это и есть «**управление**». Метаморфоза «Со» в «Сп» есть «план» перехода в планируемое состояние функции, вначале

«на бумаге», а затем как производственная реализация «Ф» в «Ф*», как исполнение плана.

Механизм соисполнения функций «М:ССП» состоит в их постоянном сопряжении (согласовании) через некоторую «универсальную функцию», являющуюся переходным, промежуточным (и параллельным!) модельным состоянием функции между последовательными циклами. Такой «промежуточной» (только в схеме) функцией в ЧЭФ «социализм» является работа, деятельность, вообще функция аппарата управления по «моделированию» развития (и функционирования) реальной (материальной) функции, выражающаяся в «непрерывном» как реальный процесс-функция движения документов, отражающих реальные параметры материальной функции, её состояние, отклонения от заданного статуса («положения функции») как факт несогласования в работе с прочими функциями, выработку управляющих воздействий через внедрение дополнительных (и новых) «технологий», подготовку кадров исполнителей, «техническое перевооружение производства» как носителей новых технологий и т.п. Условно в формуле-схеме этот процесс сопряжения функций отображён простейшей, символической записью: «С».

Однако следует отметить, что, несмотря на «бумажную», «считающую и дающую указания» форму этого процесса – «управление», сей процесс социологически «материален». «Материальность» этой функции в её реальной необходимости, представляющей часть самой «совокупной функции», ибо все функции представляют собой единую сущность в «вещественном срезе», проявляются в едином «народнохозяйственном комплексе» как сущности всего жизнепроизводственного «хозяйства» страны.

Разделение на циклы условно, ибо если взять только интервалы планирования, их регулярность (периодичность разработки), то обнаружим не только систему планов различных интервалов планирования и прогноза (квартал, год, пятилетка, десятилетка, 15 и 20 лет и пр.), но и множество

программно-целевых методов планирования с их комплексными и специальными программами.

Существенным отличием «функциональной» схемы ЧЭФ «социализм» от «товарной» ЧЭФ «капитализм» (**Т**, **Д**) является непрерываемость работы функций «**Ф**» в период их метаморфозы в статусы «**С**».

Очевидно, что реальное, материальное «воспроизводство функций» или их «корректировка» невозможны без применения рабочей силы (**Рс**), (дополнительных) исполнителей (**Исп**) или их переподготовки, а так же и новых или иных «технологий» (**Тх**), внедрение которых (или модернизация), как правило, связано с новым технологическим оборудованием, новыми материалами и новыми собственно технологическими процессами, непосредственное производство и воспроизводство которых во многом, а именно как «вещных» продуктов, осуществляется в ЧЭФ «капитализм». В этой связи на типовой формуле-схеме ЧЭФ «социализм» ((**1с**) или (**бк**)) можно обозначить и «ресурсы», используемые при корректировке функции (**Ф**). Это следует делать через указание соответствующих связей в виде традиционных отрезков прямых линий и используемых ресурсов «**Рс**, **Исп** и **Тх**» (аналогично принятой форме марксовой записи для «капитализма» при использовании «**Рс**, **Сп**»).

Используемая формула-схема ЧЭФ «социализм» для критического состояния градации (формации) «Социализм» полностью повторяет, как воспроизводственный процесс, формулу, данную во втором томе «Полилогии...» (см. стр. 520). А.С. Шушарин пишет: *«По чисто формальной аналогии с формулой обращения капитала ($D - T - D^*$) формулой соисполнения линий производства является неуклонный рост статусов: статус – функция – статус* ($C - \Phi - C^*$), но в смысле, прямо противоположном обращению капитала – увеличение разрыва между статусами и самим соисполнением»*. Но последнее – это уже о другом, о «проказах» или «недостатках» ЧЭФ «социализм», что оставим за рамками данной главы.

Приведённые формулы-схемы наглядно демонстрируют генерализирующую роль теории А.С. Шушарина «Полилогия современного мира» в отношении марксовской теории, которая, образно выражаясь, вошла в эту новую фундаментальную теорию «Полилогия...» лишь одной строкой.

И второе, в связи с этим и относительно «неожиданным крахом» социализма в СССР и самого Союза Республик и роли фундаментальной социальной науки.

Если Вы откроете любой учебник политэкономии «советских» лет, то прочитаете примерно следующее: *«Социалистическим предприятиям (...), действующим на основе хозяйственного расчёта, для целей производства и обращения общество предоставляет ... средства производства, с помощью которых создаются необходимые материальные блага. ... В условиях существования товарно-денежных отношений материальные средства предприятий выступают как в натуральной, так и стоимостной форме. ... образуют их производственные фонды. ... Если начальный и заключительный пункты кругооборота производственных фондов выступают в денежной форме, то данный процесс для предприятий является кругооборотом денежной формы фондов. Схематически он может быть представлен в следующем виде:*

$$D - T(SP) \dots P(SP + Cn) \dots T^* - D^*,$$

где D – денежные средства;

$T(SP)$ – стоимость закупленных средств производства;

$P(SP + Cn)$ – производство ...средства производства (СП) ... и создаётся стоимость (Сн);

T^* – готовая продукция;

D^* – денежные средства, вырученные....

Содержание кругооборота фондов социалистических предприятий принципиально иное, чем содержание кругооборота промышленного капитала».

Последняя оговорка не меняет сути всё той же формулы-схемы чистой эндогенной формы «капитализм», тех же товарно-денежных отношений, рынка и товарообмена, несмотря на примечание в виде «принципиально иное». Нет, это то же самое, за исключением того, что «средства производства обобществлены», являются общественными в форме государственной собственности (хотя это и «принципиально»).

Но градация (формация) «Социализм» кроме этих отношений товарообмена ЧЭФ «капитализм» имеет еще семь (или шесть) иных ЧЭФ отношений и эта форма ЧЭФ («капитализм») не основная и не доминирующая! И когда мы, советские люди, «развивали» эти отношения, то развивали «капиталистические отношения» и его механизм **М:ТО**, правда, под контролем «общественной собственности» на средства производства, на недра, на землю, на леса и воды. Это нужно было делать, но не это было главным, решающим. Основными, решающими и доминирующими отношениями были отношения «соисполнения» с механизмом **М:ССП**, развития «функционального производства», соисполнения функций. И не деньги были уже главным в жизни, а «статус», который предьявительски проявлялся, в частности, и в виде «получки», «окладов», «привилегий» и т.п. Но теоретически это не осознавалось, ибо дальнейшее фундаментальное развитие марксизма «остановилось, замерло».

Поэтому, когда был принят курс на кооперативы, на частного, на «хозяина для каждого предприятия» (и это для страны, которая жила и работала как единый организм), то, естественно, всё интенсивно поплыло в сторону капитализма, «перерождения», «перевода» доминирующего механизма из **М:ССП** в **М:ТО**, и «пороки» последнего не заставили себя ждать, но в новой «извращенной форме», как якобы ещё-уже язвы социализма. И, наконец, когда началась интенсивная приватизация, от социализма уже «ничего не осталось», кроме основных фондов и былой мощи. А формула-схема социализма «приняла вид», «переродилась» в формулу-схему капитализма. Социализм, в фундаментальном научном плане,

так и не был «замечен», было реализовано его лишь необходимое (но недостаточное) условия, подсказанное теорией К. Маркса, – «тощий тренд» в форме обобществления средств производства и ряд интуитивных, подсказанных практикой «первых лет и первых советских пятилеток», положений, не подкреплённых фундаментальным знанием всего «материального», базового «производства и воспроизводства действительной жизни». «Функции и технологии» как базовая иерархически-групповая собственность, доминирующая чистая эндогенная форма отношений по их поводу, отношения взаимодействия в форме «соисполнения» остались для советской и мировой фундаментальной социологии «тайной за семью печатями». Однако и современные «компартии» и «социалисты» не спешат с «прочтением» этих тайн.

Прискорбно.

Примечание. С целью целостного представления о «Политологии...» приглашаю на сайт <http://www.polilogiy.narod.ru>; там же можно ознакомиться с иллюстрациями и полным текстом статьи по прямому адресу: <http://www.polilogiy.narod.ru/st5/st5-1.html>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Социализм как «снятая» и «превращённая» форма капиталистического способа производства в «традиционном марксизме»

В статье «Старческая и роковая недостаточность запущенного марксизма в понимании Социализма и развития общества», опубликованной в рамках дискуссии о представлениях о социализме, говорилось, что недопустимо «строить» социализм на таких элементах капиталистического способа производства, как прибыль, цена, стоимость, множество «маленьких капиталистов» и пр.

Это происходит потому, что новая форма способа производства жизни возникает, точнее, начинает доминировать, одновременно с началом активного процесса «снятия» прежней формы способа производства. «Старый» способ не «уничтожается», а, можно сказать, «преобразуется», «трансформируется» или «вырождается» в результате обобществления. Это одновременное протекание двух процессов – становления нового и «уход в основания» старого способа производства – внешне выглядит, представляется, как «перерождение» одного способа производства в другой, что таковым не является.

Это «внешнее отождествление» двух различных процессов приводит к «механическому» перенесению смыслов, терминов, понятий и даже категорий с одного способа на другой, разумеется, не всегда полностью, но зачастую в таком объёме, что искажает полностью адекватное воспроизводство в теории сущностных процессов, явлений и объектов. Вот об этих негативных проявлениях и шла речь в вышеупомянутой статье.

Согласно «Полилогии...», каждая из исторически известных градаций, в том числе «Капитализм» и «Социализм», есть композиция всех известных и существующих способов производства действительной жизни, описываемых в этой

теории как чистые эндогенные формы (ЧЭФ) производства «действительной жизни» (как «чистый способ» производства). В каждой градации, как композиции, состоящей из одного и того же перечня ЧЭФ, доминирует лишь один из известных чистых способов производства, то есть доминирует лишь одна ЧЭФ. По имени доминирующей в композиции ЧЭФ и называется соответствующая градация. Они на сегодня известны как «Первобытность», «Рабовладение», «Феодализм», «Капитализм», «Социализм» («функциональное» общество), «Информационное общество» и другие, пока неизвестные.

В результате обобществления прежнего чистого способа производства предшествующая форма градации «перерастает» в следующую уже со своими новыми (доминирующими) атрибутами. «Старые» атрибуты, образно говоря, обобществлены и переходят в основания, в инфраструктуру общества, под контроль «всеобщего интеллекта», а поэтому становятся для всех обыденными, само собой разумеющимися. Доминирование прежних атрибутов пропадает вместе с «негативами» (например, экономической эксплуатацией при капитализме) и начинают доминировать атрибуты нового восходящего по сложности способа производства и воспроизводства действительной жизни.

В прежних публикациях восходящего развития, в частности, переход от капитализма к социализму рассматривался с позиций новой фундаментальной социологической теории развития общества А.С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)». «Полилогия...» так же, как и ряд теоретических воззрений, поддерживает философское понимание «снятия» в ходе обобществления и, более того, понимает всё восходящее развитие как исторически непрерывный и восходящий процесс обобществления элементов (объектов) действительной жизни при переходе от одной формы градации (формации) к другой.

Однако до «Полилогии...» единственной фундаментальной социологической теорией был «Капитал» К. Маркса, описывающий лишь один капиталистический способ производства (ЧЭФ «капиталистическая») и основанную на нём одну форму градации восходящего общественно-го развития – «Капитализм». На этой же основе построен весь «традиционный марксизм» и именно на этой основе, то есть, образно говоря, через призму капиталистического способа производства рассматривается восходящее историческое развитие общества, в том числе и социализм, социалистический способ производства.

По этой причине на сегодня для многих доступно лишь «традиционное марксистское» понимание градации «Социализм» и социалистического способа производства как снятой чистой формы капиталистического способа производства (ЧЭФ «капиталистическая»).

(Грубо «снятие» понимается как одновременное уничтожение и сохранение чего-либо или как отмена, упразднение и сбережение. Каждое данное состояние чего-либо «снимается» высшим, чем и объясняется связь ступеней развития и преемственность в развитии. «Снятие» употребляется для характеристики связи, отношения какого-либо низшего явления к высшему. Например, положение о том, что механическое движение включено в биологическую форму движения материи в «снятом» виде.)

Здесь следует заметить, что «Полилогия...» не отрицает базовое учение марксизма «Капитал», а наоборот, включает учение К. Маркса как составную часть, то есть генерализирует его, разумеется, с некоторыми согласующими коррективами. Поэтому только одно это уже позволяет считать эту теорию марксистской, а всё последующее рассуждение – не выходящим за рамки развивающегося марксистского мировоззрения.

1. «Традиционное марксистское» понимание градации «Социализм» и социалистического способа производства

1. В отличие от капитализма, при социализме имеет место так называемое бестоварное производство. Это означает, что вследствие обобществления «средств производства» и коллективной (всей страной) организации труда в масштабах всей страны общество производит, образно говоря, один единый продукт для потребления и дальнейшего развития. Раз он «единый» (и единственный!), то его нет необходимости и обменивать, а он подлежит после производства «сразу» потреблению (или накоплению). Операция «товарообмен» отсутствует за ненадобностью и выпала как звено из цепочки «производство – обмен – потребление», ибо имеем сразу «производство – потребление». Однако так как общество есть множество агентов, как лиц, формирующих само общество и «действительную жизнь», то «потребление» начинается с «распределения» произведённого продукта.

2. Кроме того, и сам рассмотренный «единый продукт» всё-таки не такой уж и единый, равно как и само общество, а состоит из огромного ряда, в общем-то, целостных «конкретных продуктов». После вышерассмотренного первого приближения в экономическом (капиталистическом) толковании социализма как «снятого» капиталистического способа производства возможно уже более детальное его раскрытие.

Так, К. Маркс в «Экономических рукописях 1857–1861 гг.» пишет, что *«труд отдельного лица» «должен был бы с самого начала фигурировать как звено всеобщего производства», «а заранее данный коллективный характер труда определял бы участие работника в продуктах. Коллективный характер производства с самого начала делал бы продукт коллективным, всеобщим. Обмен, имеющий место первоначально в производстве, – это был бы не обмен меновых стоимостей, а обмен деятельностью».*

Итак, исходя из своих теоретических воззрений, К. Маркс характеризует будущее, коммунистическое общество, как общество, в котором механизм взаимодействия агентов производства есть «обмен деятельностью», а не «товарообмен». Это существенный шаг в уяснении сущности коммунистического общества и его ближайшей перспективы – социализма, как первой фазы коммунистического общества.

Но всё это, можно сказать, «превращение» всё тех же капиталистических (экономических) «превращённых форм» труда. Да и «деятельность» есть всего лишь более широкое понятие чем «труд». Нового механизма взаимодействия агентов производства и воспроизводства жизни так и не обозначено.

3. Однако этот момент остаётся так до конца и не осознанным в «традиционном марксизме», ибо, если опираться на современную теорию развития общества «Полилогию...», это означает и смену объекта отношений собственности с «товара» на «деятельность» (в марксовом выражении). А ведь это и «смена» категории как ключевого понятия, характеризующего данную градацию, её способ производства. И это «не осознание» происходит всего лишь потому, что К. Маркс, В.И. Ленин и весь последующий «марксизм», вплоть до сегодняшнего дня, смотрит на развитие общества с позиций исключительно только теории капиталистического способа производства и вершины его творения – «Капитала» К. Маркса.

4. Это явление в «Полилогии...» характеризуется как «экономизм», то есть анализ и рассмотрение всех явлений общественного развития и самого исторического развития с позиций и в терминологии, с использованием категорий только капиталистического (экономического) способа производства. В других выражениях это есть проявление «шор экономизма», как чрезвычайно узкого понимания общественного развития, ограниченного шорами (рамками) только экономического (капиталистического) способа воспроизводства действительной жизни, даже вопреки предупреждениям самих же основоположников марксизма.

Это «узко» есть сосредоточение взгляда и теории только на таком объекте отношений собственности как «вещь» (средства производства, товар, обмен продуктами труда и пр.). В этой связи «классики» признавали (письмо Ф. Энгельса Й. Блоху, 1890 г.), что на исторический процесс развития общества оказывает влияние масса факторов, но у них с Марксом не было возможности проанализировать всё:

«... Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе, определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни.

Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу».

Здесь и сам Ф. Энгельс признаёт НЕДОСТАТОЧНОСТЬ в описании «действительной жизни» только «экономическим моментом».

Однако и «после» К. Маркса В.И. Ленин так же «сосредоточивал» своё внимание в понимании будущего только на таком объекте отношений собственности как «средства производства». Так, в частности, в работе «Государство и революция» в параграфе 3 «Первая фаза коммунистического общества» он писал:

«Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал».

В этом фрагменте продолжается всё тот же «экономический взгляд» на развитие в первой фазе коммунистического общества. Далее В.И. Ленин пишет:

«Поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся из капитализма».

Эти два фрагмента примечательны не только тем, что, по сути, во-первых, подтверждается «экономический взгляд» на развитие общества при социализме и коммунизме уже и в ленинском понимании («коммунизм как нечто развивающееся из капитализма»!). Во-вторых, в центре внимания и главенствующим по-прежнему остаётся такой объект отношений собственности как «средства производства». То есть в новом способе производства нового объекта отношений собственности «традиционный марксизм» не видит!

5. Наконец, так же продолжается рассмотрение «материально-знаковых отношений» опять-таки в понятиях «экономического», то есть капиталистического способа производства. В данном случае «деньги», «банковские билеты» заменяются на некоторые «удостоверение от общества», в которых отображено «количество работы», «отработанное» получившим это удостоверение работником и по которому он, работник, «получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов». Но всё это, можно сказать, «превращение» всё тех же капиталистических (экономических) «превращённых форм» «стоимости». Новые материально-знаковые отношения так и не обозначены.

Кстати, поясняя материально-знаковые отношения при социализме, автор теории «Полилогия...» так же сравнивает «деньги» социалистического СССР с обезличенными «требованиями» на благополучение (продуктов, услуг и пр.

благ), но материально-знаковые отношения социалистического способа производства в СССР видятся им совершенно иначе, по-новому.

6. Как видно из предыдущего, в «традиционном марксизме» мерой благополучения по-прежнему остаётся «количество работы», сводимое так или иначе к трудочасам, к количеству отработанного времени или затраченного на производство единицы продукции и количеству произведённого продукта. Работник за определённое «количество работы» «получает» «соответственное количество продуктов».

Этот способ распределения ничем не отличается от распределения в эпоху изначального капитализма в форме «простого товарного производства», разумеется, за исключением того, что совокупный произведённый продукт является (становится) всеобщим, а затем уже «делится». Таким образом, распределение как благополучение опирается на некую «стоимостную» оценку «количества работы». То есть принципы, заложенные в основания капитализма (капиталистический способ производства) при традиционном понимании социализма не меняются, а лишь строго выдерживаются, подкреплённые неким понятием «справедливости».

Примерно нечто подобное происходит и с анализом исторического развития общества при абсолютном доминировании и единственности «экономического» взгляда на историческое восходящее развитие общества в «классическом марксизме». Шоры экономизма не только во многом меняют внешнюю сторону понимания исторического развития, но и «искажают» сами исторические факты, представляя их в виде, не противоречащем устаревшим в целом взглядам «традиционного марксизма».

Однако как в последнем примере (6), так и в отношении объекта отношений собственности и механизма взаимодействия агентов, а так и самого обобществления, теория «Полилогия...» исходит не из «классического» и традиционного в марксизме понимания, что социализм и коммунизм есть «нечто развивающееся из капитализма». «Полилогия...»

рассматривает социализм как совершенно иной и «самостоятельный» способ производства и воспроизводства «действительной жизни».

2. «Полилогическое» понимание градации «Социализм» и социалистического способа производства

Напомним, что в основе «полилогического взгляда» на развитие общества лежит доктрина одновременного существования и проявления целого ряда «чистых» способов производства, так называемых «чистых эндогенных форм» (ЧЭФ). Эти ЧЭФ образно подобны «срезам» или «слоям» единого процесса производства и воспроизводства действительной жизни. Однако, как известно из «Полилогии...», в каждой градации доминирует лишь одна ЧЭФ, один способ производства, придавая ей главнейшую особость. Этот способ (ЧЭФ) даёт и соответствующее название градации в целом. Таким образом, градация является композицией всех известных и будущих (пока не известных или ещё не понятых) ЧЭФ.

Понятие «доминирования», то есть главенствования, есть ключевое звено в теории «Полилогия...». Доминирование – это не только количественное превосходство в реализации данного способа производства, но и довлеющее (подавляющее) его положение в общественном производстве. При доминировании одного способа ЧЭФ все прочие способы производства под его влиянием не только меняют свои внешние формы на формы, подобные ему, но и деформируются под его воздействием вплоть до принятия «уродливых форм» и внутреннего искажения, противного их собственной природе.

Итак, ранее мы рассмотрели представление о социализме как о бестоварном производстве с позиции вырождения (снятия) лишь капиталистического способа производства. Действительно, в процессе обобществления исчез (снят) «товарообмен» как механизм взаимодействия при капиталистическом способе производства, исчез «товар» как главная

ценность (но не продукт!), как доминирующий тип богатства. Далее, в процессе обобществления исчезла форма отношений собственности как частных отношений по поводу «средств производства», которые выступали ранее и как содержание «товара». Наконец, вследствие обобществления «исчез» (снят) сам объект отношений собственности, собирательно именуемый как «средства производства» или, в более широком контексте, «предан забвению» объект «вещь». А «внешне», в бытовой риторике и, особенно, в классовой логике традиционного марксизма, исчез такой негатив как «эксплуатация».

Однако это исчезновение способа производства не абсолютное, ибо, образно говоря, этот снятый способ производства перешёл в основания общества, в инфраструктуру общества, под контроль «всеобщего интеллекта», а многие его атрибуты обрели новую «превращённую форму».

На этой основе развивается, «расцветает» следующий способ производства, ибо агенты производства остались, осталось и само производство и воспроизводство действительной жизни, но при этом активизировался, стал доминировать иной «срез» этого производства. Основные элементы старого способа производства «сняты», «выродились», «исчезли» и более не доминируют в обществе, представляя собою как бы верхний слой «субстрата гумуса» – «почвы», на которой взращивается новый социалистический способ производства.

1. Теперь агенты производства взаимодействуют не через механизм «товарообмена», а с помощью уже иного механизма взаимодействия, который в фундаментальной социологической теории развития общества А.С. Шушарина «Полилогия современного мира...» называется «СОИСПОЛНЕНИЕ».

На базе «товарообмена» со временем и в ходе обобществления развился до самостоятельного и доминирующего положения социалистический механизм «соисполнения». То есть не «из капитализма», как писал К. Маркс, от «первоначального» обмена продуктами как товарами остался

лишь «обмен деятельностью», а «на базе капитализма», а ещё точнее, на базе ранее обобществлённых и вошедших в основания, в инфраструктуру общества прежде и когда-то доминировавших чистых способов производства, развивается социализм. «Прежде и когда-то» доминировали ЧЭФ «первобытная», «рабовладельческая», «феодалная», «капиталистическая, экономическая».

Иное, а именно развитие социализма «из капитализма» – это и есть «узкий», «зашоренный», «экономический взгляд» на развитие общества *«как нечто развивающееся из капитализма»*.

Однако этот механизм присутствовал в обществе всегда (с момента возникновения простейшего общества), но стал главным, то есть доминирующим, только в градации «Социализм». Доминирование означает не просто главенствование, но и «освещение» всех прочих механизмов и сторон производства, придания им «внешней» формы доминирующего механизма, то есть «как соисполнение». Более того, во многом другие механизмы деформируются, трансформируются, приобретают элементы (или внешние черты) устройства, характерные для доминирующего механизма и способа производства, в случае социализма это «соисполнение». Итак, образно, «всё всему должно соответствовать» и любая «индивидуальность» подавляется этим соответствием «соседа соседу». В крайнем, бытовом, представлении каждый должен быть таким как все, то есть соответствовать им.

2. Далее. При социализме объект отношений собственности «средства производства» снят, обобществлён и как богатство принадлежит всем и всем доступен (разумеется, доступен в той мере, которая соответствует степени организации производства жизни достигнутой в обществе). Теперь главное богатство, доминирующая ценность – это «ТЕХНОЛОГИИ, ФУНКЦИИ» жизнедеятельности, то есть функция, исполняемая трудовым коллективом или отдельным исполнителем. Именно характер исполняемой функции, её объём в процессе общественного производства и воспроизводства

действительной жизни и определяет значимость её для общества и соответствующий «статус» агента производства как исполнителя.

3. Если ранее, при капитализме, понимание главной ценности была связана с «вещами» и со стоимостью, исчисляемой в трудо(человеко)часах, то теперь ценность функции определяется её положением в общем процессе воспроизводства жизни, самого общества, то есть, в первом приближении, это её мощность, объём, количество работающих исполнителей по этой функции. Само качество воспроизводственного процесса зависит от качества и мощности исполняемых функций, от функциональной наполненности процесса жизнедеятельности общества. Вследствие чего быть на острие и в гуще решаемых проблем означает и высокий жизненный статус и соответствующее максимальное благополучие. Или, как говорят в народе: «Главное в жизни – это хорошо устроиться (работать, служить, заниматься деятельностью)». Или, иначе, исполнять «доходную функцию». Помните, как в пьесе А.Н. Островского «Доходное место»?

То есть в новом способе производства и новый доминирующий объект отношений собственности – «ФУНКЦИЯ, технология, процесс».

4. С исчезновением при социализме товарообмена и «денег» (как «третьего товара» для обмена) материально-знаковые отношения агентов социалистического способа производства находят своё выражение в «документах», в «СТАТУСАХ коллективов и лиц». Вспомним крылатое выражение: «Без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек». Так вот, именно документ о занимаемой должности, личное удостоверение, должностная инструкция, табель о рангах и пр. отражали (устанавливали) ценность, «предмет ценности», то есть «расписывали», чем ценна и что есть для общества та или иная исполняемая функция («технология»). Соответственно этому (статусу) и имел благополучие её агент производства.

Таким образом, при социализме основой благополучения является «СТАТУС» исполняемой агентом функции, определяемый соответствующими «ДОКУМЕНТАМИ и ИНСТРУКЦИЯМИ».

5. И если ранее, при капиталистическом способе производства, разделение труда агентов производства было «продуктовым», то есть в идеале каждый агент производил тот или иной товар, а затем он им обменивался с другим агентом (товарообмен), то при социализме, в социалистическом способе производства, разделение труда «пооперационное» или «ячейное» (в общем случае).

То есть каждый делает то, что нужно его «контрагенту», а именно выполняет нужную контрагенту «операцию» или выполняет необходимую для него «функцию». Каждый агент является всего лишь рядовым звеном в общем процессе производства и воспроизводства действительной жизни, а в общем случае, ячейным, обладая определённой свободой маневра, делает то, что нужно обществу. Однако в случае критической ситуации с ресурсами это звено становится «жёстко определённым», когда все связи и параметры директивно установлены и «запланированы» на будущее.

6. Наконец, следует упомянуть и такой, почти «классовый» момент, как вид доминирующих отношений собственности в их «асимметрии» при социализме. Можно сказать, что как таковые, грубо, «частные отношения собственности» окончательно не устраниются. Освободившееся «место» частных отношений собственности по поводу «средств производства», «устранённых» в результате их обобществления, «занимают» новые объекты отношений собственности. Это активизируются, начинают доминировать частные, а точнее, ограниченные группоиерархические отношения собственности на «функции, технологии». При этом в качестве «собственников», «хозяев жизни», выступают уже целые трудовые коллективы и лица, как исполнители принадлежащих им «функций и технологий».

7. Таким образом, при социализме базовыми производственными отношениями становятся «функциональные» («технологические»), ибо «средства производства» обобществлены и принадлежат всем вместе, но никому в частности.

Этот последний момент часто недопонимается искренними сторонниками социализма как «справедливого общества». Ранее уже писалось, что «справедливость» – дело относительное и историческое, и на её основе, по утверждению Маркса, истинного знания об обществе не получишь, кроме как *«современной мифологией с ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства...»*, но никак не *«продукт материального», «общественного производственного процесса»*.

Именно потому, что в условиях социализма «средства производства» и создаваемый в обществе продукт (услуги) «принадлежат всем и никому в частности», недопустимо его (их) делить, делая каждого «мелким капиталистом» и «частным хозяином» (даже на время). Именно поэтому недопустимо распределять продукт, исчисляя для каждого его «личный доход», «прибыль» и пр. И именно поэтому не следует использовать «стоимость» для оценки (и вклада) каждого агента и увязки всех сторон деятельности агентов производства при социализме.

Эти элементы (атрибуты) прежнего капиталистического способа производства «исчезли», их нет, по сути, при социализме (как идеале). Поэтому когда их начинают внедрять под каким-либо предлогом, даже в благих намерениях, а так преимущественно только и было, например, в СССР, то тут же начинается «перестройка» самого социализма, социалистического способа производства, и трансформация его в действительно капиталистический способ производства с его «экономическими», «товарно-денежными» отношениями.

В этом и есть основная и главная ошибка перестройки в СССР и всей предшествующей ей истории.

И истоки этой ошибки в НЕДОСТАТОЧНОСТИ, в ЗАПУЩЕННОСТИ социологической теории развития общества, в недостаточности и неразвитости «традиционного марксизма», который видел (и видит пока) социализм как градацию, образно говоря, в терминах капиталистического способа производства, лишь только как «снятую» форму чистого капиталистического способа производства (ЧЭФ).

Капиталистический (экономический) способ является лишь одним из многих ранее снятых и обобществлённых чистых способов производства (ЧЭФ), не считая будущих ещё неизвестных способов и, разумеется, того нового, который идёт ему на смену. То есть такое, «капиталистическое», а поэтому ошибочное понимание градации «Социализм» как нового способа производства и воспроизводства «действительной жизни», в действительности исключает его понимание как доминирование действительно нового чистого «социалистического» способа производства.

Причём такое «недостаточное видение» иногда перерастает в другую крайность – полное забвение того, что в восходящем развитии социализм как градация «строится» на основании, на базе, как «почве», «снятого» капиталистического способа производства в чистом виде, элементы, подпроцессы и атрибуты которого перешли в основание общества, в его инфраструктуру.

И дело тут, как иногда говорят, не в забегании вперёд, типа «Россия не созрела», а в том, что нет полного научного понимания того, что есть социализм как градация и что есть сам социалистический, как доминирующий, способ производства.

Так, например, не будет же современный взрослый человек строить автомобиль без двигателя, ибо иначе получится «телега», лишь по форме, внешне напоминающая автомобиль. Ибо чтобы поехать на нём (или вместе с ним), придётся впрягаться самому, как лошадь, либо, в конце концов, действительно запрягать лошадь, а затем, чтобы не «таскать лишнего», переделать автомобильный кузов в «крытую

телегу». Или, вспоминая пройденный исторический путь, переделать то, что осталось от автомобиля, в кибитку или экипаж, или коляску, или карету. Однако то, что это будет «рывок» назад, в зады истории, бесспорно.

И если в этом «художественном» примере очевидна нелепость «нового строительства» без самого «нового», то есть без двигателя, то и в социальных вопросах не следует повторять подобные пути решения и строить социализм без социалистического «функционального» способа производства (без ЧЭФ «функциональная, плановая»!).

Нам это надо?

То есть в строительстве социализма как нового общества должно быть главным не просто «научное знание», но и современное передовое научное знание с видением и последующей перспективой восходящего развития общества.

Таким образом, «построение» нового социализма как градации, представляющего композицию всех возможных чистых эндогенных форм как способов производства и воспроизводства «действительной жизни», – это не «разрушение» и «уничтожение» прежнего капитализма.

Это, во-первых, наращивание в ходе «снятия и обобществления» инфраструктуры общества его оснований ещё одним очередным лишённым негативов («эксплуатация», экономические кризисы) слоем с чистым капиталистическим способом производства.

Во-вторых, это активизация и развитие (освоение) уже на этой основе действительно нового чистого «функционального» социалистического способа производства, который есть ЧЭФ «функциональная» («линейная», «плановая», «отраслевая»).

Поэтому если теория этих слоёв ЧЭФ как чистых способов производства известна, то можно строить грядущее общество, последовательно и параллельно наращивая мощь всех типов чистых способов производства как ЧЭФ. При этом никакие градации не будут преодолеваться «скачкообразно», хотя внешне возможно и такое восприятие, а будут

развиваться в уже «снятых» формах, что позволит избежать обострения негативных явлений, порождаемых внутренними, «природными» недостатками каждого чистого способа производства (ЧЭФ), ибо нет в мире ничего окончательно совершенного в человеческом понимании.

Итак, вся история развития общества есть история «снятия и обобществления» всего и вся, старого и отжившего, ибо в этом и состоит восходящее движение к новому. И сегодня это – коммунистическое движение к ГУМАНИЗМУ.

Приложение 2

«Вторая попытка» – вперёд по дорогам истины.

(По А.П. Проскурину
«Вместо бога на поле выходит...»
ЭФГ № 26, 2010 г.)

Уроки гласности, перестройки и социализма

Из истории ГЛАСНОСТИ.

Орудие манипуляции общественным сознанием.

ГЛАСНОСТЬ – начало движения в восходящем развитии общества.

ГЛАСНОСТЬ как катализатор общественных перемен.

Троянский конь «перестройки».

О чём должен «звонить колокол» ГЛАСНОСТИ.

ГЛАСНОСТЬ о «дефекте производства».

ГЛАСНОСТЬ и СОЦИАЛИЗМ.

Научно-техническая революция и ГЛАСНОСТЬ.

ГЛАСНОСТЬ и «трудящиеся нового типа».

«Христианство» и «дух Информационного общества».

Научный клир должен быть преодолен.

Призрак Гласности.

В упомянутой в эпиграфе статье А.П. Проскурин пишет: «Предложена редакцией тема – вычленим, что хорошего было в перестройке, помимо плохого. С моей точки зрения, задача архиважная. <...> И мы не можем понять, нужно ли было вводить гласность или нет?». Невозможно не согласиться с предложенной темой, более того, считаю, что помимо того, чтобы вычленим «что хорошего было в перестройке, помимо плохого», прежде всего необходимо понять, а что это было вообще и до начала перестройки, иначе трудно осознать «что такое хорошо, а что такое плохо». Короче говоря, следует, наконец, «понять общество, в котором мы

жили», то есть строго научно понять и описать на основе теории «реальный социализм» СССР.

В этот «перестроечный» и «апостериорно-социалистический» период поистине исторических перемен и на гребне высокой активности была создана новая, постмарксистская, современная фундаментальная социологическая теория развития общества А.С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)». Полилогия генерализовала учение К. Маркса «Капитал», то есть включила его в себя как составную часть, а поэтому на полном основании можно считать эту теорию именно постмарксистской и марксистской в смысле продолжения развития того опыта научного анализа общества, которое продемонстрировал К. Маркс на примере капиталистического способа производства, на примере капитализма.

Очевидно, что только на основе современной теории возможно получить адекватный ответ на ключевые вопросы «перестройки», в том числе и вопрос, поставленный А.П. Проскуриным в отношении «гласности».

1. Из истории «гласности» периода «перестройки»

В «Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза», сделанном М.С. Горбачевым 25 февраля 1986 г., говорится:

«...партия, Центральный Комитет предпринимают меры, направленные на углубление демократизма социалистического строя. Сюда надо отнести меры по активизации Советов, профсоюзов, комсомола, трудовых коллективов, народного контроля, по усилению гласности. ... и неуклонного развития социалистического самоуправления народа».

Запомним – «самоуправление народа».

Далее подчёркивается:

«Принципиальным для нас является вопрос о расширении гласности. Это вопрос политический. Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении. ... Иной раз, когда речь идет о гласности, приходится слышать призывы поосторожнее говорить о наших недостатках и упущениях, о трудностях, неизбежных в любой живой работе. ... Опыт последнего года показал, сколь решительно советские люди поддерживают бескомпромиссную оценку всего, что мешает нам идти вперед. А вот тем, кто привык работать спустя рукава, заниматься очковтирательством, действительно неуютно при свете гласности, когда все, что делается в государстве и обществе, находится под контролем народа, на виду у народа. (Аплодисменты.) Поэтому нам надо сделать гласность безотказно действующей системой. Она нужна в центре, но не менее, а, может, даже более нужна на местах, где живет и работает человек. ... Необходимо поднимать активность трудящихся, всех и каждого, в созидательной работе, в преодолении недостатков, злоупотреблений, любых болезненных явлений, отступлений от норм нашего права и морали».

Из доклада генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева на пленуме ЦК КПСС в январе 1987 г. «О перестройке и кадровой политике партии»:

«Вот почему неотложной задачей партии становится дальнейшая демократизация советского общества. В этом, собственно, и состоит суть курса апрельского Пленума, XXVII съезда КПСС на углубление социалистического самоуправления народа. Речь, разумеется, не идет о какой-то ломке нашей политической системы. <...> Более полнокровной становится жизнь партийных организаций. Расширяются критика и самокритика. Активнее заработали средства массовой информации. Советские люди хорошо ощущают благотворное воздействие гласности, которая становится нормой жизни общества».

Однако затем развитие демократии, как «самоуправления народа», превращается, представляется как социалистическое «самоуправление трудовых коллективов». То есть, в итоге, делается крен не в сторону народа, а в сторону трудовых коллективов, что совсем не одно и то же. Это принципиально разные вещи. Судя по всему, в ту пору мало кто обратил на это внимание и заметил смену курса, но, однако, и теоретической базы для такой оценки не было, а это важный момент в развитии общества нашей эпохи.

И вот далее читаем:

«Первостепенное значение имеют развитие демократии на производстве, последовательное внедрение подлинно самоуправленческих начал в работу трудовых коллективов. Экономика – решающая сфера жизни общества».

То есть акцент был сделан на развитие демократии только в рамках коллективов отдельных производств.

И вот опять «бросок» в сторону «гласности»: *«Оздоровляя общественную атмосферу, необходимо и дальше развивать гласность. ...»*

Очевидно, настало время приступить к разработке правовых актов, гарантирующих гласность. Они должны обеспечить максимальную открытость в деятельности государственных и общественных организаций, давать трудящимся реальную возможность высказывать свое мнение по любому вопросу общественной жизни».

Это, можно сказать, апогей в развитии гласности. Дальше всё двигалось «вперёд и выше», но уже по инерции.

Несколько забегаая вперёд, отметим, что курс на демократизацию через гласность, но в рамках отдельных трудовых коллективов, согласно «Полилогии...», окончательно завершил вхождение социализма в критическую, предельную фазу развития. Восходящее преодоление складывающейся кризисной ситуации в развитии общества требовало не «усиления гласности», как таковой, а обобществления ограниченных, частнособственнических начал трудовых коллективов и, как следствие, смену самого линейного социалистическо-

го способа производства на новый, постсоциалистический способ производства, то есть, говоря языком того времени, «самоуправления народа». В стране складывалась революционная ситуация.

Однако вернёмся к собственно гласности.

В этом мощном и всеохватывающем, можно сказать, движении за гласность, для читателей ЭФГ, возможно, будет интересен следующий «исторический момент». В статье «Неоконченная история гласности» (20.10.2005) д.ю.н. МГУ Ю. Батулин пишет: *«В конце 1987 года газета «Советская культура» провела «круглый стол» <...> В публикации, занявшей целую полосу, среди любопытнейших мыслей и рассуждений почти затерялась одна маленькая строчка: «... разработан проект Закона о гласности»».*

Там же, со ссылкой на «Строительную газету» от 2 февраля 1988 г. (сегодня это ЭФГ), даётся следующее сообщение:

«Работники Прокуратуры СССР сообщили, что сейчас разрабатываются проекты законов о гласности и о печати, которые расширят возможности журналистов в получении необходимой и достаточной информации. И это сообщение мы считаем особенно важным. Ни для кого не секрет, что многие у нас еще думают, что сегодняшняя гласность – не что иное, как очередная «кампания», которая, как всякая кампания, не может продолжаться бесконечно. Готовящийся закон о гласности опровергает не только подобный скептицизм, но и выбивает почву из-под ног тех, кто надеется отсидеться в «тихой гавани», «переждать перестройку»».

Что ж, «в мире всё повидав», газета, но уже под новым именем, снова вернулась к теме «гласности».

В этой же статье дальнейшая судьба Закона о гласности описывается так:

«Вскоре ведущие юридические институты страны и ряд других учреждений получили задание подготовить концессию таких актов. Проект Закона о гласности был подготовлен в течение трех месяцев – с марта по май 1987 г. <...>

Постепенно информация о судьбе проекта становилась все более скудной, пока вообще не затерялась где-то в «коридорах власти». <...> Видно, что действующее законодательство о праве на информацию достаточно пробельно, и требование о разработке закона «О праве на информацию» продолжает оставаться актуальным. С этой точки зрения давний проект закона «О гласности», если его терминологию переложить на современные реалии, все еще может служить хорошим правовым ориентиром.

История гласности в России не закончена...».

Глас народа – глас божий.

Что мир подрядил, то бог и рассудил.

Что миром положено, тому быть так.

(Пословицы русского народа.

Сборник Даля.

М.: Русская книга, 1993)

2. Под фанфары гласности

Однако дело обстоит гораздо хуже, чем пишет Ю. Батурин. Все действующие законодательные акты в части «гласности» направлены по сути лишь на получение «документированной государственной информации», то есть «сведений о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений, их должностных лиц» (ст. 38 ФЗ «О средствах массовой информации») или «государственных информационных ресурсов» (ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»).

Более того, сама «гласность» изначально подразумевала нечто большее, чем просто «получение информации». В материалах XXVII съезда КПСС и январского пленума ЦК КПСС речь шла о том, что «...*при свете гласности, когда все, что делается в государстве и обществе, находится под контролем народа, на виду у народа.* <...> *Необходимо*

поднимать активность трудящихся, всех и каждого, в созидательной работе, в преодолении недостатков, злоупотреблений, любых болезненных явлений, отступлений от норм нашего права и морали. <...> ...последовательное внедрение подлинно самоуправленческих начал в работу трудовых коллективов. <...> ...широкое и активное участие трудящихся во всех сферах общественной жизни... <...> ...действенная форма всенародного контроля».

Таким образом, «**гласность**» – это не только «знать» и «контролировать», но и «активно» участвовать («в созидательной работе» и самому управлять («самоуправление»). Короче, «**знать – контролировать – управлять**».

При этом очень важен следующий момент, можно сказать, «образно-теоретический», как сказано в докладе, «при свете **гласности**, когда все ... находится под контролем народа, на виду у народа». Однако, в силу «линейности» производства как отраслевого принципа управления и всей организации жизни, так называемые «горизонтальные связи», будь то информация, контроль или управление, отграничивались друг от друга «забором» собственного производства (бригады, цеха, завода, отрасли), «забором» собственной организации (структуры). Другого практически просто и не мыслилось, хотя и говорилось: «Под контролем народа». Исключение составляли, может быть, некоторые крупные народнохозяйственные проекты или «экзотические» моменты истории и государственной жизни.

И всё же имела место малоизвестная практика развития горизонтальных связей в системе народного контроля. Это взаимопроверки групп народного контроля предприятий различной ведомственной подчинённости или групп народного контроля при райкомах КПСС. Но это ещё не носило даже массового характера. А вот работу киножурнала «Фитиль» знали и любили все за красочные сатирические зарисовки из жизни или актёрские минисюжеты.

Однако, строго говоря, далее куцых «знать» дело в период «перестройки» так и не пошло, а ведь «гласность»

предполагала «контроль и управление», но *«живого творчества масс»* так и не получилось. Это «творчество» ограничилось лишь рамками собственного предприятия и собственных трудовых коллективов линейной структуры производства. А это означало, что коллективы «контролировали» сами себя, что исключало объективность в контроле и уж тем более принятие жёстких нелицеприятных решений.

Это касается как Закона СССР от 17 июня 1983 г. «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятием, организацией, учреждением», так и законов о государственном предприятии и выборе руководителей предприятий (июнь 1987 г.) и о праве трудящихся на забастовку (октябрь 1987 г.). Особо отметим, что даже в названии первого закона идёт речь не о повышении роли трудовых коллективов в управлении народнохозяйственным комплексом страны и всей «действительной жизни», а об узком, ограниченном «управлении предприятием, организацией, учреждением». Грубо говоря, за этим просматривается попытка сделать из коллектива некоторого «совокупного» собственника, частного-капиталиста соответствующего предприятия.

В частности, в Законе СССР «О государственном предприятии (объединении)» уже прямо писалось, что *«трудовой коллектив, используя как хозяин общенародную собственность, ... обеспечивает сочетание интересов общества, коллектива и каждого работника»* и делается всё это «на основе полного хозяйственного расчета, самофинансирования, самоуправления, сочетания централизованного руководства и самостоятельности предприятия. <...> Самоуправление реализуется в условиях **широкой гласности** путем участия всего коллектива и его общественных организаций в выработке важнейших решений и контроле за их исполнением, выборности руководителей и единоначалия в управлении предприятием».

Особенно в этом «частнособственническом начале» преуспело то положение, о котором позже писали, что закон «ввёл

уникальный с точки зрения обогащения руководителей госпредприятий, но абсурдный с позиции права принцип «полного хозяйственного ведения» и юридической безопасности (безответственности) руководителей».

Вместо того, чтобы развивать «горизонтальные связи» между предприятиями различных отраслей, эти законы резко усилили частнособственнические интересы трудовых коллективов, их местнические и сиюминутные настроения и тенденции развития, каждый коллектив стал больше думать о себе, о сегодняшнем дне, чем о Родине и своём будущем. Эта «морковка» частнособственнического (не общественного как общенародного) настроения окончательно «сломала коллективы и их руководителей». Желание «набить собственный карман», успеть «урвать» как вирус поразило все предприятия страны.

Сегодня же трудовой коллектив работников предприятия (организации) в экономике, социологии и праве совсем исчез как самостоятельный субъект и объект управления. Причина этого очевидна, ибо на арену хозяйствования вышли не просто «не общественные» (то есть «ограниченные»), а в полной мере частные субъекты, собственники, при этом «средства производства» общественной собственности стали преимущественно частными.

В результате первоначальное «живое творчество масс», настроенное на общественное, народнохозяйственное производство, так и не было реализовано, ибо не было истинно научного понимания «исторического момента», хотя слов об опоре на науку, на марксизм было предостаточно. К сожалению, «наука» того периода оказалась не на высоте и сам «марксизм» оказался, мягко говоря, «запущенным», недостаточным, неспособным ответить на вызов времени.

В этой связи напомним характерный «экономический» акцент в докладе XXVII съезду:

«Мы ставим задачу ... перейти к экономическим методам руководства на всех уровнях народного хозяйства, ...

...мы стоим перед самой серьезной перестройкой социалистического хозяйственного механизма. ...

...экономическое стимулирование, укрепление денежно-го обращения, хозрасчета ...

*...Активным инструментом экономической и социальной политики призваны стать **цены**.*

...Надо, чтобы размер фонда заработной платы предприятий был непосредственно увязан с доходами от реализации их продукции.

...В работе по перестройке экономики и хозяйственно-го механизма как никогда важна опора на науку. Исходя из требований жизни, надо по-новому взглянуть на некоторые теоретические представления и концепции. Это относится к таким крупным проблемам, как взаимодействие производительных сил и производственных отношений, социалистическая собственность и экономические формы ее реализации, товарно-денежные отношения, сочетание централизма и самостоятельности хозяйственных организаций и другие.

...нужно вовремя замечать устаревшие методы хозяйствования и заменять их новыми.

...Если, например, необходимо и оправдано вместо каких-то директивных показателей применить экономические нормативы, то это означает не отход от принципов планового руководства, а лишь изменение его методов и приемов.

...К сожалению, получила распространение позиция, когда в любом изменении хозяйственного механизма усматривают чуть ли не отступление от принципов социализма».

Прервёмся и отметим, что здесь проявился и второй, основной, пагубный крен перестройки, который, если сказать кратко и с опорой на «Полилогию...», заключается не только в насаждении атрибутики капиталистического способа производства, но и самого капиталистического способа производства, причём уже в полный голос, можно сказать, с попранием самих «принципов социализма». А далее оба отмеченных отрицательных крена сливаются в единый, отрицающий социализм, крен:

«В использовании общественной собственности надо решительно поднять роль трудовых коллективов. Важно неукоснительно проводить в жизнь принцип, согласно которому предприятия и объединения полностью отвечают за безубыточность своей работы. А государство не несет ответственности по их обязательствам. Именно в этом состоит суть хозрасчета. Нельзя быть хозяином страны, не будучи подлинным хозяином у себя на заводе или в колхозе, в цехе или на ферме». (Но вот именно о том, что необходимо **«БЫТЬ ХОЗЯИНОМ СТРАНЫ»** в последующих решениях и делах напрочь забыли (?) – ХАТ.)

И вот финал:

*«Пора преодолеть и предубеждение относительно **товарно-денежных отношений**, их недооценку в практике планового руководства экономикой.*

*Отрицание важности их активного воздействия на повышение заинтересованности людей, эффективности производства ослабляет хозрасчет, вызывает другие нежелательные последствия. И напротив, **здоровое функционирование товарно-денежных отношений на социалистической основе** способно создать такую обстановку, такие условия хозяйствования, при которых его результаты всецело зависят от качества работы коллектива, от умения и инициативы руководителей».*

Таким образом, вопреки основам марксизма, на повестку дня поставлено **«здоровое функционирование товарно-денежных отношений»** на некой, так и не прояснённой **«социалистической основе»**. Но ведь известно, что именно «товарно-денежные отношения» есть главный механизм капиталистического способа производства, что «хозяйственный расчёт», как экономический расчёт, есть капиталистический расчёт. Но...

И вот после таких пассажей в докладе пишется, как ныне говорят, «для отмазки», об **«усилении гласности»** и **«социалистическом самоуправлении народа»**:

«В социалистическом обществе, особенно в современных условиях, управление не может быть привилегией узкого

круга профессионалов. ...социалистический строй успешно развивается лишь тогда, когда сам народ реально управляет своими делами, когда миллионы людей участвуют в политической жизни. Это и есть самоуправление трудящихся в ленинском его понимании, оно составляет суть Советской власти».

Всё так в этом абзаце, но как «сам народ реально управляет своими делами», так и остаётся неясным! А это одна из принципиальных ошибок того периода. При этом «благие пожелания» так и остаются (и остались) нереализованными, в том числе и эта задача:

«...привести в действие все инструменты, дающие каждому гражданину реальную возможность активно влиять на выработку управленческих решений, проверять их выполнение, получать необходимую информацию о деятельности аппарата. Этому должна быть подчинена система регулярных отчетов всех органов управления перед трудовыми коллективами и собраниями населения. Многие могут сделать здесь комитеты, группы и посты народного контроля, общественные инспекции профсоюзов, средства массовой информации».

Наконец, ещё раз о трудовых коллективах, ибо и сегодня, но уже в других условиях, в условиях капиталистического способа производства, не стихают разговоры и предложения о повышении роли «трудовых коллективов». Однако в нашем анализе того времени их роль была иной, можно сказать, не только консервативной, но и «реакционной», ибо несла в себе те отношения собственности, которые должны были быть «сломлены», то есть обобществлены в восходящем развитии общества.

Принятый курс окончательно «добил» как сами трудовые коллективы, так и надежду, говоря словами доклада, на то, что «сам народ реально управляет своими делами». Каждый коллектив, образно говоря, «остался наедине со своим корытом», тогда как «корыто» в конце концов досталось частному собственнику. Путь частному предприятию и частному пред-

принимательству под занавес «перестройки» полностью открыл, сняв какие-либо разумные препоны, известный Закон СССР «О предприятиях в СССР» (июнь 1990 г.). И «гласность» в этом деле уже была не нужна, ибо всё возвращалось к «коммерческой тайне» капиталистического способа производства. Видимо по этой причине «гласность» осветила лишь некоторые исторические эпизоды страны и её руководства, тогда как до подлинного управления народом своими делами, своим обществом и государством, так и не добралась.

Поэтому благой призыв «...о *расширении гласности*. *Это вопрос политический. Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении. ...сделать гласность безотказно действующей системой*» так и остался призывом и «гласность безотказно» пошла в другом направлении, в направлении «вседозволенности и распушенности».

Дальнейшее развитие «гласности» сопровождалось такими важными для настоящего контекста событиями, как майским 1990 г. предложением Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова плана поэтапного перехода «к регулируемой рыночной экономике» с последующим началом паники на потребительском рынке и попытками введения нормированного распределения основных продуктов питания, а также состоявшимся в начале июля XXVIII съездом КПСС, на котором было принято программное заявление «К гуманному, демократическому социализму». До краха социализма СССР оставалось не более полутора лет. 25 декабря 1991 г. над Кремлём был спущен флаг СССР.

Итог. «Регулируемая рыночная экономика» оказалась несовместимой с «гуманным, демократическим социализмом», а объявленный в докладе XVII съезду КПСС курс на «здоровое функционирование товарно-денежных отношений на социалистической основе» оказался мифом, а точнее вирусом, разрушившим не только социализм СССР, но и саму страну первого в мире социализма – Союз Советских Социалистических Республик.

Чтобы понять, как вообще могло произойти такое, притом, как говорится в материалах XXVII съезда КПСС, «в работе по перестройке ... важна опора на науку» и «надо по-новому взглянуть на некоторые теоретические представления и концепции», действительно, необходимо было «по-новому взглянуть». Однако «взглянули» так, что потерпел крах социализм СССР, и распалось само государство, общество.

Нет, не просто по-новому надо было взглянуть, а взглянуть глазами новой современной научной теории. Поэтому посмотрим на проблему «гласности» глазами современной фундаментальной социологической теории развития общества «Полилогия...», с учётом ранее данных комментариев о трудовых коллективах, самоуправлении и «товарно-денежных отношениях», хотя это ещё не было основной чертой того периода «гласности» и «перестройки».

*И вечный бой,
Покой нам только снится!
Тогда как гласность – женский род,
Чтоб разрешиться ровно в срок.
И кто с ней время проведёт,
Приплод того и в жизнь стучится.*

(Автор)

3. Что есть «гласность» вообще и в свете «Полилогии...»

Известно, что ошибки теории, ошибки неких «теоретических представлений и концепций» возможно обнаружить лишь исходя из представлений более общей теории, то есть теории, генерализирующей прежнюю теорию. Таковой в настоящее время является современная фундаментальная социологическая теория развития общества А.С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)», которая генерализирует учение К. Маркса

«Капитал», то есть включает её в себя как составную часть. Поэтому совсем кратко и только о тех положениях теории «Полилогия...», которые будут ниже использованы.

3.1. Гласность в понимании современной теории развития общества и социализм

Каждое общество как социально-общественная градация восходящего развития по сложности является композицией чистых эндогенных форм (ЧЭФ), чистых способов производства и воспроизводства действительной жизни. Каждая ЧЭФ воспроизводит свою типологическую часть «действительной жизни» как процесс воспроизводства соответствующего типологического объекта со своим механизмом взаимодействия агентов производства и своими материально-знаковыми отношениями. Прочие характеристики затрагивать в данной статье не будем и ограничимся только рамками эндогенной логики. Международные аспекты, как предмет экзогенной логики развития общества, также не затрагиваются.

Эти процессы как способы производства в каждой градации существуют и реализуются одновременно и одновременно, но только один из них, одна ЧЭФ доминирует, главенствует. Это доминирование и определяет тип градации: первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм, социализм, информационное общество и т.д.

«Действительная жизнь», согласно «Полилогии...», состоит из следующего ряда типологических объектов воспроизводства и производства: «общая жизнь» как форма биологического и «духовного» существования; «работник» как специалист (умелец) в определённой области жизнедеятельности общества; «пространство производства» как место (местность, «производящая территория») жизнедеятельности; «средства производства» как орудия и предмет труда (жизнедеятельности); «функции, технологии» как работа отдельных лиц и коллективов; «информация, знания»; и т.д.

В градации «Капитализм» доминирует капиталистический (экономический) способ производства, а, следовательно, доминирует такой объект воспроизводства, как «средства производства»; механизм взаимодействия агентов производства «товарообмен, рынок», то есть «товарно-денежные отношения»; материально-знаковые отношения – «деньги». Доминирующие отношения собственности по поводу «средств производства» есть ограниченные частные отношения собственности.

В градации «Социализм» доминирует функциональный (технологический, отраслевой) способ производства, а, следовательно, доминирует такой объект воспроизводства и производственных отношений, отношений собственности как «функции, технологии или работа» (в социологическом понимании, а не инженерно-техническом!); механизм взаимодействия агентов производства «соисполнение, план», то есть сопряжённость всех участков хозяйственной деятельности страны как единого целого (грубо, как «конвейера»); материально-знаковые отношения – «документы, статусы коллективов и отдельных лиц». Доминирующие отношения собственности по поводу «технологий, работы» есть ограниченные (не обобществлённые) группо-иерархические отношения собственности. «Средства производства», доминировавшие при капитализме, обобществлены.

Далее следует градация «Информационное общество» – это постсоциалистическое общество в восходящем развитии, в котором доминирует информационный способ производства. В этом обществе, соответственно, доминирует такой объект воспроизводства как «информация, знания»; механизм взаимодействия агентов производства есть «полное и свободное обеспечение информацией». Доминирующие отношения собственности по поводу «информации» – ограниченные, частные. Ранее доминировавшие «технологии, функции, работа» обобществлены.

Восходящая смена градаций происходит вследствие достижения прежней градацией (доминирующим способом

производства) своего критического, предельного уровня, характеризуемого неустойчивостью состояния. В пределе – это состояние бифуркации, или, как часто говорят, несоответствие уровня развития в целом, так называемых «производительных сил» общества доминирующему способу производства, точнее – производственным отношениям, порождённым этим способом производства. Под другим углом зрения это противоречие формулируется как противоречие между общественным характером процесса производства и частной (или ограниченной, то есть не общественной) формой присвоения его «результатов» – результатов доминирующего воспроизводственного процесса.

В каждой градации в период критического состояния с особой силой проявляется свой, присущий данной доминирующей ЧЭФ, доминирующему способу производства, так называемый «негатив»: в первобытности это «произвол»; в рабовладении – «диктат»; в феодализме – «закрепощённость (крепость), повинность»; в капитализме – «эксплуатация» («экономическая эксплуатация» – присвоение прибавочной стоимости); в социализме – «дефект производства». Этот «негатив» и выступает в публичной политике как социальное зло, с которым общество вынуждено бороться и соответственно «перестраивать» (менять) доминирующие производственные отношения.

Так вот, в нашем анализе рассматриваемого исторического перелома, «перестройки» как революционного преобразования материальных основ общества, «гласность» в своей основе и конкретике проявилась как публичное выявление доминирующего негатива общества. Этот момент, можно сказать, является ключевым в проблеме понимания «перестройки» и гласности. Ибо все негативы развития СССР в 80-х годах прошлого века в основном имели именно природу «функционального» способа производства, господствующим (доминирующим) в градации «Социализм» и в СССР, в частности. Вот эти негативы, их природу, и «должна» была высветить и обличить «Гласность».

В этой связи небезынтересна оценка «гласности», данная в сегодня популярной в Интернете «свободной энциклопедии Википедия», которая свободна от каких-либо «теоретизирований», а поэтому представляет всего лишь оценку событий того периода глазами и разумом «просвещенного обывателя».

3.2. Гласность как политический термин и «уроки перестройки»

Однако начнём всё же с нашего родного, русского языка. Так, в «Толковом словаре русского языка» Ушакова читаем: «ГЛАСНОСТЬ – это доступность общественному обсуждению, контролю; публичность. ... Предать гласности что-н. (сделать известным обществу, опубликовать)».

«Википедия» – «свободная энциклопедия» так определяя современное понятие «гласность»:

«Гласность – политический термин, обозначающий политику максимальной открытости в деятельности государственных учреждений и свободы информации. В узком смысле, в современном словоупотреблении, основной компонент политики перестройки, проводимый М.С. Горбачёвым во второй половине 1980-х в СССР и заключавшийся в существенном ослаблении цензуры и снятии существовавших в советском обществе многочисленных информационных барьеров. В конечном итоге именно гласность стала детонатором последующего распада советского строя и СССР. <...>

Вошло в широкий обиход с 1987 как обозначение одного из ключевых направлений реформ, проводившихся в 1987–1991..., широко известных под общим названием «Перестройка»».

С подобной оценкой состояния «гласности» выступила и современница той эпохи «перемен» Нина Александровна Андреева в статье «Не могу поступиться принципами» («Советская Россия», 13 марта 1988 г.). Она писала:

«Если «неолибералы» ориентируются на Запад, то другая «альтернативная башина», пользуясь выражением Проханова, «охранители и традиционалисты», стремятся «преодолеть социализм за счет движения вспять». Иначе говоря, возвратиться к общественным формам досоциалистической России. <...>

...Как говорил М.С. Горбачев на февральском Пленуме ЦК КПСС, «мы должны и в духовной сфере, а может быть, именно здесь в первую очередь, действовать, руководствуясь нашими, марксистско-ленинскими принципами. Принципами, товарищи, мы не должны поступаться ни под какими предложениями».

На этом стоим и будем стоять. Принципы не подарены нам, а выстраданы нами на крутых поворотах истории отечества».

Дальше – больше. Незадолго до XXVIII съезда КПСС заявила о себе «Марксистская платформа в КПСС», которая считала необходимым вернуться к начальным истокам марксизма, а нынешнее состояние советского общества определяла как сочетание элементов из различных формаций, в том числе социалистической и капиталистической. Сторонники этой платформы выступали за сохранение коммунистической перспективы.

В этой связи полезно обратить внимание на следующий исторический факт, опубликованный на сайте «Советской России» в сообщении «Nikita» от 7 марта 2010 г.:

«XXVIII съезд КПСС (июль 1990 г.), к величайшему нашему теперь сожалению, вполне подтвердил эти опасения. Так, на решение переходить «на рыночные отношения» (см. выступление Н.И. Рыжкова. XXVIII съезд КПСС) делегат съезда А.А. Сергеев выдвинул вопрос: «Переходим ли мы к рынку на основе общественной собственности и распределения по труду ... или мы переходим к рынку на основе приватизации экономики, на основе частной собственности и ... распределения по собственности, то есть по капиталу, и с другой – по стоимости рабочей силы как товара, то есть

на основе классической капиталистической эксплуатации. Нам это не подходит. <...>

Как все более и более мы ныне убеждаемся: это нам никак не подходит. Но что же ответил на такой совершенно ясно поставленный вопрос о ликвидации социализма как экономической и социальной системы в нашей стране Н.И. Рыжков? «То, что он предлагает, мы хорошо знаем, так как по этой системе десятки лет жили!»».

Как видим, в то время налицо было (отмечалось) три «движущих силы» в перестройке, к сожалению, ни одна из этих сил не отстаивала, по сути, в сложившихся условиях «неустойчивого равновесия» (бифуркации!) тренд восходящего развития и не осознавала истинных причин критической ситуации.

Истинным трендом восходящего развития общество просто не владело, как не владела и не знала его теория «запущенного марксизма», тех самых сил, которые породили перестройку. В этих условиях разумным было бы остановиться и «осмотреться», осмыслить и понять, но ворожащий гул колокола перестройки «гласность» не давал уже покоя никому, ни слева, ни справа, и общество свалилось в регресс и декомпозицию.

И вот сегодня, спустя многие годы после «перестройки», десятилетия, всеми уважаемый бывший секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС, воистину несгибаемый коммунист Егор Кузьмич Лигачёв в статье «Перестройка: замыслы, результаты и поражения, уроки» (АПН-НН, Дискурс) пишет:

«...перестройка прошла два этапа. На первом этапе – 3–4 года – подъем, на втором этапе, фактически с конца 1989 года – снижение темпов роста экономики, а затем сокращение объемов промышленного и сельскохозяйственного производства. <...>

Пожалуй, самым губительным было нарушение пропорции между темпами роста производительности труда и заработной платы, денежной и товарной массой, что приве-

ло к резкому возрастанию дефицита товаров для населения, а затем к дезорганизации потребительского рынка. <...>

...Почему были нарушены пропорции производства и потребления? Каковы причины расстройств социально-экономического комплекса?

Главные из них – ослабление планового начала в экономике, договорные, свободные цены на выпускаемую продукцию; извращения в процессе формирования и работы кооперативов; ослабление роли государства в экономике и выталкивание коммунистической партии из большой политики. Вслед за этим пришли нестабильность, забастовки, межнациональные конфликты, снижение руководящей роли коммунистической партии в обществе, а затем – контрреволюционный переворот, расчленение Советского Союза. <...>

А между тем требование не медлить, иначе «народ не поймет», перевести сразу значительную часть продукции на реализацию по договорным ценам, было ни чем иным, как волюнтаризмом, скажу больше – политическим авантюризмом. <...>

Одной из причин поражения социалистической перестройки стал ошибочный вывод партии об окончательной победе социализма в СССР... «Окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран». Вывод Ленина был заменен другим: для окончательной победы в СССР достаточно победы социализма в нескольких странах. ... Отсюда, самоуспокоенность, снижение, а затем потеря политической бодрости, не подозрительности, а повторяю, бодрости. <...>

И, наконец, еще одно, пожалуй, самое важное обстоятельство. В руководящем составе партии и государства, партийных и властных структурах союзных республик оказались карьеристы, национал-сепаратисты, политические перерожденцы. Мы имеем дело с политическим перерождением целой группы руководителей-коммунистов. Бывали хуже времена, но, действительно, не было подлее».

Ну вот, виновато «время» и «потеря бдительности», при ошибочном выводе об «окончательной победе социализма в СССР», как будто победа это навсегда, на вечные времена? Опять время виновато, что ли, или нечто иное?

Читаем «уроки перестройки», и что же? Всё, что угодно, только не признание существования объективных причин «кризиса социализма». Правда, что признавать, если «тайны социализма», суть и соль общественного развития так и не были поняты. До сих пор.

Теория капитализма К. Маркса «Капитал» и вся наука марксизма оказались недостаточными для решения задач современных общественного развития. За 70 лет Советской власти «запущенный марксизм» так и не смог осознать Итоги Октябрьской революции 1917 г. И вот главный вывод бывшего члена Политбюро ЦК КПСС: «Народы, будьте бдительны!». Простите, Егор Кузьмич, на полном, как говорится, серьёзе и при полном уважении к Вам и Вашей биографии, учиться надо! Освойте же, хотя бы, наконец, современную фундаментальную социологическую теорию развития общества А.С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)».

Возвращаясь непосредственно к теме, отметим, что среди «уроков перестройки» Е.К. Лигачёва оказался и такой, имеющий отношение к гласности:

«5. Совершенствовать содержание, формы и способы агитационно-пропагандистской и информационной работы партии, нести людям правду об истории советской власти, реального социализма в СССР, своевременно разоблачать клевету, провокации противника, развеять состряпанные им лживые мифы о советском периоде истории и внедренные небезуспешно в сознание части членов общества».

Что можно сказать? Только одно: «А слона-то он и не заметил». Печально.

**Гласность – «ещё буквально
«дурное» движение
трудящихся нового типа».**

(По А.С. Шушарину.
«Полилогия современного мира...».
М.: Мысль, 2006)

3.3. Гласность словами «Полилогии...»

А вот, для сравнения с «уроками перестройки», оценка гласности автором «Полилогии...», данная в параграфе с символическим названием «Комплексное опускание ... всех сторон общественной жизни»:

«В материалах XXVII съезда КПСС (1986), еще насквозь ортодоксальных, тем не менее помимо «полного хозрасчета» уже объявляются ранее немислимые гласность, демократизация, в том числе внутривластные – «в партии не должно быть организаций, закрытых для критики», т.е., следовательно говоря, и для критики самой партии, стержня всей культуры данного исторического типа, причем в ее сложнейшем варианте. Эти гласность, демократизация сами по себе прекрасные, священные, общечеловеческие движения, но они же без предметных новых социальных идей, движений, партийципаций, институтов в условиях копившегося недо-вольства есть не что иное, как элементарное разрешение все-дозволенности. ...упомянутая напыщенно-топорная формула означала передачу идейной власти всей социальной нечисти, а отчасти социальным романтикам (что едва ли лучше)».

В результате в обстановке вседозволенности на крутом повороте истории, говоря песенными образами того времени, желанный «свежий ветер перемен» «поднял с социального дна весь мусор, стремительно активизировал и легитимировал все наихудшие «классы Кураивили» («такой «класс» должен сидеть в тюрьме, а не быть стороной в социальном партнёрстве» – ХАТ) ..., а погань и легкомыслие всегда тут как тут».

Или, наконец, оценка из той же «Полилогии...», но с другой стороны:

«Но было и нечто совсем другое! Историкам еще предстоит возвращаться к этой интересной фазе (срезу). Сперва просто перечислю: гласность, постплановый внеэкономический «бунт», активизация народного контроля, выборность директоров, объединения потребителей, госприемка, информатика и ВТ (вычислительная техника – ХАТ), молодежное творчество, экологическое движение, конверсия (несколько позже), наука и др. Да, большинство из этих движений были еще буквально «дурными», далее еще более изуродовались, извратились, сникли, вовсе пропали. Но попробуем вникнуть в их тогдашнюю суть, имея в виду пороки именно линейной формы производства (социализма – ХАТ) и стихийные тенденции ее нерыночного преодоления.

Гласность вскорости же оказалась канализированной (выражение В.Н. Богачева) черт-те куда. В этом отношении совершенно прав Ф. Кастро, уже в 1986 г. увидевший в гласности разрушительный деструктив. Ведь гласность – штука, бесспорно, позитивная, но требующая очень тонких и отлаженных институтов, тем более в стране с высоким «ментальным разбросом». Но в то же время первоначально-то это и было крайне дурное выражение стихийного преодоления сплошной и неосознаваемой, уже давно не коммерческой, а ведомственной и учрежденческой замкнутости и «тайны» дефекта производства, невынесения сора из изб «технологических феодалов». Это же и есть самый прямой эксфункциональный информационный аспект именно обобществления технологий. <...>

Короче говоря, все эти дурные формы (дурное поначалу по-дурному и преодолевается) и были робкими, но относительно широкими проявлениями не последующей ложной, деморыночной, а действительной интенсификации, «постиндустриализации», онаучивания, гуманизации и т.д. производства <...> (в) направлении стихийного обобществления технологий.

Таким образом, «трудящиеся нового типа» (участники упомянутых выше движений – ХАТ) – это совсем не выдумки

кабинетных мудрецов, а обычная, земная человеческая реальность кризисного состояния линейной формы производства (социализма).

И обращаясь ко всем «трудящимся нового типа», к их элите и вождям, кои имена пока не известны: «Товарищи, а как насчёт того, чтобы «Учиться, учиться и ещё раз учиться!» теории современного общества? Ведь всё может повториться...».

При этом следует сказать, что, как обычно и бывает в истории, особенно в истории досоциалистического периода, не по воле людей и партий, правительства имеют место те или иные исторические явления. Это проявляется лишь согласно внутренним (или внешним) «законам» исторического развития самой социальной материи общества, то есть «помимо воли и сознания людей», но и, конечно, непременно через посредство их «воли и сознания».

Однако очевидно, что само «действие гласности» было с энтузиазмом встречено обществом. Следовательно, оно было исторически «ожидаемым» и, скажем так, необходимым. Последнее же, кстати, нашло отражение и в докладе съезду в выше приведённой формулировке: «Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении».

В целом же, действительно, **«гласность – начало движения в восходящем развитии общества»**, ибо это практическое начало реализации той триады, которая, так или иначе, прозвучала в материалах съездов и пленумов КПСС: **«ЗНАТЬ – КОНТРОЛИРОВАТЬ – УПРАВЛЯТЬ»**.

Так что же с позиций «Полилогии...» представляла собою «перестройка» и «гласность», кроме ранее отмеченного «озвучивания негативов» общества, в том числе главного, доминирующего негатива – «дефекта производства»?

Но прежде необходимо более осознано, научно и теоретически сказать о «негативе» социализма, точнее, о негативе функционального способа производства (ЧЭФ) как собственной основе социализма, то есть, если так можно выразиться, в образах «Полилогии...» «о предмете гласности».

***Гласность – первоначально
это стихийное преодоление
ведомственной замкнутости и
«тайны» дефекта производства.***

(По А.С. Шушарину.
«Полилогия современного мира...».
М.: Мысль, 2006)

3.4. Изначально-перестроечный предмет гласности –
«дефект производства».
О чём должен был «звонить колокол»?

В четвёртом томе «Полилогии...» с названием «Социализм» автор так оценивает ситуацию того периода: *«...с наступлением НТР, или, если угодно, ее самых первых волн, линейная форма производства (социализма – ХАТ) обнаружила себя как по историческим меркам редкостно короткоживущая эндогенная (внутренняя, внутристрановая – ХАТ) структура. ...в «нервных узлах» НТР, электронике, информатике, новых технологиях и их распространениях и т.д. все начало быстро стопориться, сдерживаться, а все производство поражаться дефектом (всех бесчисленных родов), «суммативно» накапливаясь и проявляясь уже в известных макродефектах структуры всего производства и внешних взаимодействий. Система есть система, собственность есть собственность, командующая всем движением производства, никакими хозяйственными эволюциями не меняющаяся. В итоге весь социализм вступил в состояние бифуркации уже резко неустойчивого, неравновесного состояния».*

Таким образом, «перестройка» в её исходном состоянии страны как социалистической градации отождествляется с состоянием так называемой «бифуркации», то есть такого состояния неустойчивого равновесия, когда, казалось бы, незначимые (малой силы) факторы обыденной жизни, вплоть до случайности, оказывают решающее влияние на последую-

щую траекторию развития общества. Эта траектория может быть как восходящей, так и регрессивной, деструкционной, обходной, стагнационной и пр.

Это состояние было порождением несоответствия уровня развития производительных сил уровню (типу, характеру) производственных отношений «линейного социализма», их потенциалу (возможностям) в отношении дальнейшего восходящего развития общества «по сложности». Это несоответствие выразилось в лавинообразном нарастании «дефекта производства» во всех его чрезвычайно многообразных конкретных видах и во всех направлениях деятельности. Этот нарастающий интегрально дефект производства функционального (социалистического) способа производства (ЧЭФ) был (является) не проявлением чей-то злой воли или «кознями» противников социализма (хотя и не без их участия), а является объективным проявлением самих материальных основ этого способа производства, порождением всё того же «производящего труда», ибо нет в мире ничего абсолютно совершенного.

Производящий труд, как общественная форма труда, имеет место почти во всех функциях (работах). Он преодолевает, но, в первую очередь, разрывает доминирующую функциональность, образуя при этом в связных линиях производства дефекты. Эти дефекты проявляются как общественные, объемные формы соисполняемых работ в основных функциях, *«работы вполне весомой», но «которая столь же весомо, материально не сопрягается, не увязывается с другими работами – или уже не нужна, но продолжается, или еще не нужна, но уже есть, или не тем нужна, или не так нужна и т.д. до бесконечности конкретных проявлений».*

Так, положим, что на фабрике (в конторе, на конвейере) произошло некое частичное, планом не предусмотренное, спонтанно возникшее новообразование вполне позитивного свойства, например, успешно внедрённое рационализаторское предложение или изобретение. Но в связную систему различных производств и рабочих мест оно неотвратимо

внесет именно какой-то дефект «несопряжённости». Так как не все сопряжённые производства и рабочие места смогут соответственно перестроиться технологически, конструктивно или качественно, то уже само это новообразование («новшество») вынуждено будет подстраиваться под старую или несколько изменённую среду, становясь тоже «порченным», поражённым вирусом того же «дефекта производства».

Таким образом, синхронные смежные оснащающие и обеспечивающие данное производство (рабочее место) с его новообразованием функции по производству материалов, деталей, электрики, электроники и т.д. что-то делают не так, не столько, не то и т.д. То есть, оставаясь синхронными, они сами того «не подозревая», обретают дефект (заражаются вирусом «несопряжённости вообще»), хотя ничего хуже делать не стали. В результате «новое воспринимается как инородное тело, заноза, вокруг которой начинается воспалительный процесс». Как пишет А.С. Шушарин, *«в итоге дефект проникает во всю совокупность соисполняемых функций, в том числе и в те, которые сами по себе «ни в чем не виноваты», остаются, казалось бы, вполне рациональными».*

Этот дефект всегда и только что-то конкретно «плохое» в работе исполнителей, организации, связях, технике, технологии, последствиях. Но «плохое», конечно, не вообще, что увело бы в дикие нелепости «абсолютных» идеалов, а «плохое», как неизбежно порождаемое именно этой, определенной формой производства (социализма – ХАТ). <...>

Каковы бы ни были многообразные формы дефекта, он всегда означает или своеобразную «неработу» неиспользования потенциала технологии, или объемную форму, как правило, скрытой тем или иным покрывательством, но общественно бесполезной в данном соисполнении работы, хотя и столь же общественно необходимой. Ключевой итоговый негатив капитализма – эксплуатация, присвоение результатов чужого труда. Ключевой итоговый негатив линейной формы – многообразные проявления общественно бесполезного труда».

В отличие от товара, способного «ждать покупателя», функции, будучи процессами, физически «впрок» невозможно «запасать», складировать. Поэтому, коль скоро они в чем-то не те и не то, что надо (ибо несогласованны), то они вносят во все смежные функции диссонанс, т.е. диффузно распространяют дефект, так сказать, общей несопряжённости производства. При этом стихийно диффундируют не технологии (новации), а дефект производства, вызванный этими, самими по себе даже вполне здоровыми и прогрессивными «новациями».

В результате дефект производства оказывается как бы «растворенным» в линиях всего увязанного, сопряжённого производства и при этом совсем не обособляется в определенную «вредную» деятельность. Таким образом, этот «вред» часто приносят как раз самые производственно важные, передовые, продуктивные сдвиги. Но происходит это в скрытых от общества на уровне данного и взаимосвязанных производств, а, следовательно, и в недоступных для конкретного производственного анализа, а поэтому, в частности, и не обособляемых формах. По этой причине «дефекты» есть нечто большее, чем коммерческая тайна экономического среза производства, которая в линейной (социалистической) форме превратилась в обычную экономическую «бухгалтерию», а есть внутренняя, интенсивная форма иррационализации связей и самих процессов линий производства.

«Дефект свято охраняется, но чаще всего совсем не как злонамеренное сокрытие, а просто как нечто неуловимое и незознаваемое», образуя тем самым некую «технологическую тайну» социализма.

С началом НТР эти новообразовательные перемены стали бурно нарастать. А.С. Шушарин пишет: *«Человеческой формой», источником всех этих перемен является творческий труд, труд всеобщий (Маркс), который в его современном специфическом историческом содержании выступает как дислокальный труд, как труд, неизбежно выходящий за всякую данную технологическую локализацию труда, или как*

труд производящий (продуктивный), который и бьется из недр производства независимо от воли и сознания людей (хотя, конечно, и посредством этой воли и сознания)».

Таким образом, в этом главном содержании происходящего оказывается, что все работают «честно» и равнонапряженно, но всё большая часть работы делается вхолостую. Напомним некоторые примеры из недавнего прошлого: изобретения делаются, но не используются; металл ржавеет и складывается; станки выпускаются и приобретаются, но не используются; прокат идет, да не тот; проекты множатся, но не реализуются и т.д. И всё это ещё раз подтверждает, что действительное содержание дефектов технологически конкретно.

Это и есть крайне важная и трудно постижимая, но уже «принципиально постэкономическая, технологическая и коренная особенность всей линейной системы производства» социализма.

Итак, очевидно, что «дефект производства» порождается «производящим», творческим трудом самих «трудовых коллективов», замкнутых на интересы своего производства от бригады до отрасли. Поэтому и в силу этого дефект производства обусловлен «личным интересом» каждого коллектива (каждой функцией исполнителя), то есть *«всей системой собственности на технологии, а потому и проявляется лишь «в пределах отдельных организаций», сама являясь объективной характеристикой всей линейной формы общественного производства. Причем не столько «организаций», сколько самого труда и, главное, его динамики и взаимосвязей».*

Это и есть, как утверждает и обосновывает «Полилогия...», «Основной закон линейного производства», который метафорично выражает объективное нарастание асимметрии собственности, т.е. форму какого-то иррационального «накопления».

Об этих и так называемых «такого рода бесконечных газетных примерах» исключительно многообразных конкрет-

ных форм дефекта постоянно и говориться в документах пленумов и съездов КПСС, Верховного Совета СССР времён перестройки.

Так, например, в политическом докладе от 25 февраля 1986 г. XVII съезду КПСС в концентрированной форме говорится о том, что *«научно-техническая революция выдвигает проблемы и перед социалистическим обществом; необходимо совершенствовать общественные отношения и перестроить мышление; требуется постоянный пересмотр и обновление сложившихся схем управления; действия партийных и государственных органов отстают от требований времени и самой жизни; проблемы в развитии страны нарастают быстрее, чем решаются; имеет место инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, нарастание бюрократизма и консерватизм; в жизни общества начали проступать застойные явления»*.

А также, более конкретизировано: *«Не выполнены задачи по развитию экономики...; отставание материальной базы науки и образования, здравоохранения и культурно-бытового обслуживания населения; развитие происходит на экстенсивной основе, ориентировано на вовлечение в производство дополнительных трудовых и материальных ресурсов; обострилась проблема сбалансированности, располагая огромными ресурсами, натолкнулись на их нехватку; имеет место разрыв между общественными потребностями и достигнутым уровнем производства, между платежеспособным спросом и его материальным покрытием; отставание допущено в машиностроении, нефтяной и угольной промышленности, электротехнике, черной металлургии и химии, в капитальном строительстве; возводятся новые объекты, начинённые устаревшим оборудованием, разрабатываются дорогостоящие проекты, не обеспечивающие выход производства на высшие технико-экономические показатели; институты остаются продолжением аппарата министерств; необходима интенсификация производства на основе научно-технического прогресса»*.

И всё это, так или иначе, стало «рабочим телом» гласности и всей своей негативной массой было брошено на головы граждан, на улицу, в души широких масс трудящихся и народов, всего населения СССР. В ту пору КПСС обладала мощным отрядом пропагандистов и всеохватывающей сетью политической учёбы, доходя до каждого гражданина, не только работающего на производстве или в организации, но и по месту жительства. Страна ужаснулась и забурлила.

Однако гласность, наполняя людское море этим негативом, так и не смогла подсказать людям, довести до их сведения, куда плыть и как плыть, как спастись, кроме того, что нужно что-то делать и делать срочно, а то «отстанем от Америки» (США). Более того, что ещё хуже, в значительной степени «гласность» их дезориентировала, так и не сумев изначально направить их волю и сознание в спасительное течение тренда восходящего развития, ибо и знать об этом не знала, да и никому это тогда и известно не было.

Короче говоря, опять же на языке «Полилогии...», общество, его доминирующее «линейное производство» (социалистическое производство), оказалось в состоянии «критической иррационализации» вследствие систематического нарастания его «родового», изначально присущего, но не сразу проявляющегося, «дефекта производства – основной формы постоянного негатива» этой социалистической (линейной) формы общественного производства.

Таким образом, основной причиной «негативных явлений» предшествующих началу перестройки явилась ограниченная (не общественная) группо-иерархическая собственность (отношения собственности!) на такой доминирующий объект производства жизни как «функции, технологии», причём лишь в той стадии развития отношений собственности, когда эти отношения «зашли в тупик», достигли «критической стадии», «обострились», «достигли предела» развития в первом столкновении с начавшейся научно-технической революцией в мире, когда «верхи не могли, а низы не хотели» жить по-старому!

Вот о чём должна была «бить в набат» гласность, вот о чём должен был «звонить колокол» гласности!

В «Полилогии...» это состояние называется «бифуркацией», то есть неустойчивым (квази)равновесным состоянием. Его особенностью является то, что в этом состоянии «выбор» дальнейшей траектории развития (движения) общества подвержен влиянию множества несущественных факторов, так называемых, «малых сил» обыденной жизни. В результате возникает «борьба» «всех против всех», каждый тянет в свою сторону. Множество разнообразнейших действующих и, по сути, равносильных по влиянию на конечный результат агентов (сторон), не позволяют однозначно выявить последующую траекторию движения общества. При этом становятся возможными как восходящее развитие по сложности, так и регрессивный, деструктивный, обходной, стагнационный и пр. исходы.

Страна «бурлила» и ждала, что будет. Но сути этого исторического бурления «должным образом» никто не понимал...

4. Гласность как инструмент управления и восходящий «дух перестройки»

В этих условиях «гласность» должна была бы не только «высветить и обличить» негативы общественного развития, но и адекватно донести до общества восходящий тренд развития, значимость и существо принимаемых мер, ожидаемые последствия и результаты, разумеется, речь идёт об оценке со стороны «восходящих сил» и ею понимаемой гласности. В теоретическом же плане было бы достаточно, как пишет А.С. Шушарин, выявить *«барьер, подлежащий преодолению, в виде описания всей структуры отживших отношений и собственности, «предположения» траекторий бифуркации, включая упомянутую негэнтропийную («невероятную»), – и более ничего».*

Но даже этого сделано это не было, ибо было «науке неизвестно». Корабль советского государства остался без управления, без управляющего курса, и погрузился в стихию хаоса и невежества.

Следует заметить, что подобные ситуации взаимоотношений с «гласностью» так или иначе имели место на всех исторических переломах общественного развития, то есть массовые революционные порывы всегда с неизбежностью сопровождались «гласностью» и, в первую очередь, такими её составляющими, как «свобода слова» и «действий» в общем контексте борьбы за «справедливость», что позволяло экспоненциально наращивать мощь прогрессивных сил. Этого «требовало» само состояние «неустойчивого равновесия» – бифуркации, как предреволюционной ситуации.

4.1. Восходящий «дух перестройки»

Прочность всякой «сложившейся идеологической формы» исторического способа производства действительной жизни достаточно велика, а поэтому её преодоление, революция, «не возможны без реформации».

В этом плане показательна оценка революционного процесса преодоления феодальной собственности (с ее же собственной, сплетенной с территориальной, могущественной ультраструктурой, «телом Христовым», церковью), данная в «Полилогии...»:

«Радикальный сдвиг, отражая глухие производительные перемены, произошел именно с Реформацией, протестантизмом, с его новой этикой и далее со знаменитым «духом капитализма». Духом вполне исторически релевантным, но именно «духом», тем более что «плоть» преодолеваемых структур была непрозрачна. В еще мистических формах, и сперва еще в элитарных сферах, он содержал и положительные начала освобождения мысли, но затем, в частности «разрешив» прямое обращение верующих к богу (так

сказать, «гласность»), привел и к буйному высвобождению невежества. В частности, в Европе это проявилось в кошмарной, примерно столетней, полосе «охоты на ведьм», так сказать, поиска виновных. И вообще «дух капитализма», начавший утверждаться с Реформацией, процессом был не очень ласковым. Так, при одном из «лидеров» реформации, Генрихе VIII, утвердившем англиканскую церковь, провели не только секуляризацию монастырей, но заодно и повесили 80 000 крестьян, не считая прочих... <...>

...даже один из «шестидесятников», социолог Ю.А. Левада, находит в себе смелость задаться вопросом: а хорошо ли это с «перестройкой» произошедшее? Вопросом, который можно было бы задать и во времена Ренессанса и даже протестантизма. Мало еще хорошего, потому как «в обоих случаях» без мощных идейных заделов объективно все это произошло. Увы, до сей поры с разрушительных тенденций хаотизаций все начинается. А то и до кульминаций доходит, до паранекротических (предсмертных – ХАТ) состояний. <...>

Что же касается знаменитого «духа капитализма» по М. Веберу, то опять здесь предстоит кое-что расплести. Без духа, новых практических интенций, ментальности, «этоса», «строя мысли», касаемых перемен всего производства и «организации труда», действительно восходящих перемен никогда не бывает. Здесь Вебер прав безоговорочно. Правда, тем более встречая «необычайно упорное сопротивление», следовало бы особо подчеркнуть, что сперва новый «дух» был скорее нигилистичен (буквально либерален), нежели конструктивен (известные *laissez faire* – свобода торговли и *laissez passer* – свобода передвижения по определению более отрицательны, чем положительны, в частности поощряющие не только благие трудовые намерения)».

Таким образом, на всех «крутых поворотах» истории «гласность» являла собою исторический «дух перестройки» и наряду с неизбежным (во всяком случае, в прошлом) «буйным высвобождением невежества», «гласность» обеспечивала

прогрессивным силам возможность публичного контроля над развитием революционной ситуации. Кроме того, «гласность» обеспечивала контроль над искоренением накопившегося в старом способе производства «негативов» в ходе смены старого на новое, прогрессивное.

Всё это, так или иначе, ставило под контроль «масс» смену самого способа производства и утверждение нового способа производства, реализующего восходящее развитие общества по сложности. Разумеется, это был не тотальный контроль, а некое спонтанное «массовидное управление» и всего лишь в рамках смены «старого на новое», как утверждение нового понимания «справедливости» и «эффективности». Ибо что толку от гласности (как просто «знать про это»), если нельзя на это «это» как-то и повлиять. С другой стороны, само управление предполагает определённые потоки и состав информации, в том числе и сигналы управляющего воздействия, «свобода» движения которых и сами воздействия обеспечиваются с помощью и даже, в некоторой степени, посредством «гласности».

Поэтому можно сказать, что «гласность» несла в себе революционный «дух перестройки» и первый образ нового «постсоциалистического» образа жизни. Однако реализовывалась она через стихию спонтанного «массовидного управления» и всего лишь в потенции восходящим развитием общества. Несла, но не донесла... и окончательно его, «дух перестройки», потеряла, сбившись на деструктивную траекторию развития.

4.2. Гласность – «тройанский конь» и «сетевой флуд» перестройки

После этого «исторического» отступления вновь вернёмся к конкретной ситуации «перестройки».

То, что было в стране не так, «плохо» и негативно оценивалось в обществе, так или иначе, находило отображение в

СМИ, на телевидении и радио. Это несомненно была положительная сторона гласности того периода. Однако следует заметить, что и здесь всё было не гладко и не совсем так, а так, как и ранее бывало в истории. Вот, например, оценка, взятая из «Википедии» нашего времени:

«Гласность была избирательной. Народу разрешили говорить на все темы, опасные для существования СССР, поддержав разрушение СССР, подобные публикации вызывали ощущение лёгкости, эйфории и вседозволенности. Но начиная с 13 марта 1988 года (после публикации в газете «Советская Россия» антиперестроечной статьи «Не могу поступаться принципами») правительство стало тщательно изолировать от СМИ коммунистов и советских патриотов. <...>

Важнейшие события, происходившие с явной целью восстановления Советского Союза, были недопущены до телевидения и центральных газет. В сложнейших условиях, при полном молчании в прессе происходили, в частности, партийные съезды... <...>

Вместе с тем газеты писали о чём угодно, о любых мелких вещах – от интимной жизни знаменитостей до мелкоголовной хроники и обо всём другом, за что им заплатят. Эфирное время старательно заполнялось описанием безнаказанных преступлений (см. «Прожектор Перестройки»), руганью в адрес СССР, восхвалением Запада и капитализма, дешёвыми «сенсациями», эротикой, рекламой и переводными фильмами – телевизор стал напоминать сетевой «флуд»». («Флуд» от англ. flood – поток, потоп – поток бессмысленных сообщений.)

Таким образом, согласно вышеприведённой статье «Википедии», «гласность» в период «перестройки» оценивается, по сути, образно говоря, как «троянский конь» перестройки. И это действительно так, ибо главная цель «перестройки», концентрировано выраженная XXVIII съездом КПСС как «К гуманному, демократическому социализму», фактически осталась в стороне. Разумеется, что «гласность», как понятие, тут

не причём, всё дело в том, что на деле реализовывалось под флагом «гласности».

Но это уже более к тому, кто и как воспользовался этой «гласностью». Да, «гласность» существует не сама по себе, а лишь в условиях «бушующей» бифуркации, поэтому в этом хаосе «борьбы всех против всех» даже «малые силы» имеют шансы на успех. Вот в этой оценке и находит отражение тот факт, что «лидерство» в перестройке захватили не силы, провозгласившие перестройку в лице КПСС, а силы, ратуящие за капиталистический способ производства, а также присоединившиеся к ним противники социализма и просто маргинальные элементы.

5. Бесплодие «тысяч простоидейных Лассалей» гласности и перестройки

Здесь же следует упомянуть и о «расколе» в самом понимании социалистического (коммунистического) пути развития общества. Так, например, сторонники возникшей незадолго до XXVIII съезда КПСС «Марксистской платформы в КПСС» считали, что необходимо «вернуться к начальным истокам марксизма, а нынешнее состояние советского общества определяли как сочетание элементов из различных формаций, в том числе социалистической и капиталистической, выступали за сохранение коммунистической перспективы». Однако строгого научного понимания того, что такое градация «Социализм» нет и сегодня, в том числе и в Программе КПРФ. По нашему мнению, исчерпывающий ответ на этот вопрос даёт лишь современная фундаментальная социологическая теория развития общества А.С. Шушарина «Полилогия...».

К сожалению, в программных документах и материалах того периода само представление о социализме как способе производства и воспроизводства действительной жизни имело неполное и искажённое научное понимание. И это

сыграло отрицательную роль во всей перестройке, начиная с самой «гласности», ибо нацеливало на ложные ориентиры, а, следовательно, отталкивало самых стойких сторонников социализма и, дезориентируя прочих, по сути, формировало ряды «невольных противников» социализма. Это в свою очередь усиливало и позицию открытых противников социализма, ибо во многом отражало и повторяло их позицию и лозунги...

Вот один из характерных примеров. В докладе XXVII съезду говорится:

«Пора преодолеть и предубеждение относительно товарно-денежных отношений, ... напротив, здоровое функционирование товарно-денежных отношений на социалистической основе способно создать такую обстановку, такие условия хозяйствования, при которых его результаты всецело зависят от качества работы коллектива...».

Однако напомним ещё раз, что вопреки основам марксизма на повестку дня было поставлено загадочное «здоровое функционирование товарно-денежных отношений» на некой, так и не прояснённой «социалистической основе». Вероятно, подсознательно имелся в виду так называемый «социалистический рынок», что так близко к магической силе абракадабры «социалистический капитализм», делающей из документов съезда «бумажного тигра». И это несмотря на то, что именно «товарно-денежные отношения» есть главный механизм капиталистического способа производства, что «хозяйственный расчёт», как экономический расчёт, есть капиталистический расчёт.

Тогда как социалистический (функциональный) способ производства, согласно «Полилогии...», характеризуется следующими атрибутами, соответственно: механизм взаимодействия агентов производства «соисполнение» и «план»; базовый объект производственных отношений и отношений собственности – «технологии, функции»; материально-знаковые отношения – «документы, статусы»; и вместо элементарного капиталистического явления «товар» – «работа

(функция)», а вместо капиталистического «хозрасчёта» (экономрасчёт) – социалистический «технорасчёт». При этом доминирующие производственные отношения есть «функциональные», а доминирующие отношения собственности – ограниченные (не обобществлённые) группо-иерархические отношения собственности по поводу «технологий, функций, работы». При капитализме же доминируют частные отношения собственности на «средства производства».

И вот здесь «гласность», прямо и опосредовано ознакомившая страну с документами и материалами пленумов и съездов КПСС, «внедрившая» в сознание граждан «здоровое» «функционирование товарно-денежных отношений», сыграла свою отрицательную роль. Это проявилось в фактическом отрицании «собственных основ социализма» и популяризации капиталистических принципов хозяйствования, о которых советские поколения, можно сказать, уже забыли и думать. В результате суть социализма оказалась искажённой, и в условиях критического состояния общественного развития и активного «брожения» мысли произошло укрепление антисоциалистических сил.

В этой связи А.С. Шушарин пишет:

««Воспитанные» управленческим фетишизмом линейной формы (социализма – ХАТ) десятки тысяч «Лассалей» спят и видят «простые идеи», с которыми можно ангажироваться у начальства или в газете у толпы, что по сути почти одно и то же, рвение во власти. Об этом писал уже Аристотель, называя первых льстецами, а вторых демагогами, одинаково обретающими огромную силу соответственно у тиранов или демократии. Ну разве не видно, что ни у одной партии, движения, кандидата и пр. нет «за душой» абсолютно ничего интеллектуально соразмерного ситуации в стране и на планете. Так что «отпущенные на свободу» упомянутые «Лассали» и выкинули весь безумный примитивный хаос. Колоссальный потенциал активности (в отсутствии которого, кстати, ложно упрекают носителей советского менталитета), без намеков на обновлен-

ную идеологию, прорвался или оказался канализированным (выражение В. Богачева) в бешенство рыночного примитивизма и вообще хаотизирующей деструкции».

Священная индивидуальная «свобода слова» легко обернулась свободой всеобщей гибели – крахом социализма СССР и единства страны.

Как видим, по оценке А.С. Шушарина, именно «гласность» посредством «отпущенных на свободу «Лассалей»» и «выкинула» весь последующий «безумный примитивный хаос». В своей работе «Полилогия...» он неоднократно подчёркивает, что во всей своей атрибутике социализм («функциональная» ЧЭФ линейной формы) на порядок сложнее «одномерного капитализма» как способа производства жизни. К сожалению, многие из элиты и 19-миллионной партии коммунистов СССР уподобились «простоидейным Лассалам».

Гласность оказалась бесплодной, ибо новая идеология, подобная «необиблейской мифологии» «едва ли разумно возможна без революционного научного обеспечения и синтеза», чего, к сожалению, на тот момент и не было. Всё ограничилось «бумажным выкидышем» – выдвинутой в 1990 г. программой Шаталина-Явлинского «500 дней» («программа 500 дней»). *«Это, режущее слух, – пишет А.С. Шушарин, – название программы выросло не в вакууме, а во вполне определённой политической атмосфере, скажем буйного нетерпения. «Идеократический» строй культуры, вероятно, тогда был просто неспособен на сколько-нибудь продолжительный символический раздрай, свойственный перестройке. Сама идеология (социальное мышление, язык), конечно, хаотизировалась, раскалывалась, менялась даже деструктивно относительно медленно, но символю-вокабульный «холизм» (иерархия духовных ценностей – ХАТ) и по крайней мере внешние слои массового сознания, видимо, долго не могли допустить пустоты или неопределённости, в том числе в эмблематическом пространстве».*

*...два человеческие стремления –
к Знанию и к Могуществу –
поистине совпадают
в одном и том же...*

(Френсис Бэкон.
Новый Органон.
М., 1938)

6. «Новое знание»

6.1. О «новом знании», идущим под флагами НТР (научно технической революции)

И всё же «гласность» в подобной ситуации «хаоса бифуркации» была нужна и в первую очередь, не для того чтобы обличать (хотя это и необходимо было делать), а для того, чтобы вести и звать к тому новому, что настойчиво стучалось в дверь, скрытое под образом научно-технической революции. Речь шла о новом, идущим на смену «функциональному (социалистическому)» способу производства, – об «информационном» способе производства. Он призван был «снять» устаревающий, но всё ещё доминирующий «функциональный» способ производства и воспроизводства всей действительной жизни градации «Социализм».

Социалистический способ производства в его линейной форме оказался удивительно короткоживущим и быстро пошёл к своему критическому состоянию, что было вызвано как «неожиданно нагрянувшей» НТР (научно-технической революцией), так, вероятно, и форсированным социологическим развитием процесса обобществления всех (почти без исключения) «средств производства» и тотальным планированием всей народнохозяйственной деятельности. Учитывая последнее, можно образно, согласно догме запущенного марксизма, сказать, что более обобществлять было нечего.

Однако в те драматические годы перестройки, когда «низы не хотели, а верхи не могли управлять по-старому», действительный образ нового (способа производства), да

и суть тогда доминировавшего социалистического способа производства, скажем, не без горечи, словами незадачливого лектора из известной и до сих пор популярной кинокомедии, оказались «науке пока не известны».

Более того, если в условиях хаоса и в канун первой в мире Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России, благодаря К. Марксу и его труду «Капитал», был известен курс восходящего развития по сложности, так называемый, «тощий тренд» в виде «обобществления средств производства» как путь «уничтожения отношений частной собственности», то ни до 1985, ни после, вплоть до 2005 г., ничем подобным «перестройщики» восьмидесятых годов прошлого века не обладали. Не обладали по той простой причине, что ничего подобного в теории и не было, а был лишь старый, запущенный «экономический догматизм» социологии и собственно самого марксизма, в частности. Так что, говоря каламбуром, «гласности» гласить было не о чем, было на слуху лишь старое и отжившее, к тому же капиталистическое, – «товарно-денежные отношения». «Подвела» наука, не успела ни дать, ни сформировать новое знание.

Автор «Полилогии...» так оценивает роль науки в подобной ситуации:

*«Ф. Бэкон провозгласил «Знание – сила». И Маркс высказал мысль о «превращении науки в непосредственную производительную силу». А уж в наши дни говорено про знания, науку – не перечислишь (...). Но вот что суть все эти прекрасные идеи и мысли? А суть они, и уже давно, прекрасные афоризмы, непреходящие «вечные истины» философии, в силу этой «вечности» столь же давно ставшие банальностями. Чтоб общество могло стать «научным обществом», опирающимся на новое знание, уже не философия, а именно **наука** же и должна выдвинуть **новое социальное знание** об обществе, сложившемся во всей своей материальной конструкции еще как **донаучное**, с гибельным эволюционным трендом и со спасительным революционным. А это может быть только удачная не «вечная», а конкретно-историческая – научная **теория** современного переломного мира».*

Но о каком «новом знании» можно было тогда говорить, когда имела место просто «обвальная десемантизация»? Как далее пишет А.С. Шушарин, *«смыслозначающая деградация социального языка от массовых оснований «измов» до кабинетного профессионализма. Здесь даже не извечные идеологические расстыковки смыслов и значений (...), даже не классическая буржуазная «диктатура глупости», вполне адекватная рыночной системе, а прямо-таки полная «постмодернистская» хаотизация социальной грамматики, лексики и прагматики произошла»*. То есть, грубо говоря, был «демонтирован» сам язык общения, а семантика «колокола гласности» могла лишь оглашать вавилонское смешение языков смысла, где сам смысл, отчасти за его отсутствием, оказался просто утерянным.

Безудержная «свобода слова» и ничем не обузданная «массовая информация» гласности с полной потерей какого-либо семантического стержня это, как отмечает А.С. Шушарин, *«есть факт зверения интеллигенции, т.е. самого народа. А это куда посерьёзней самих по себе вооружений и пр.»*. А итог всё тот же – «свобода всеобщей гибели».

Так вот, в ту пору «спасительный революционный тренд» известен не был, нового социального знания не было, как не было и «конкретно-исторической – научной теории современного переломного мира». Поэтому и «гласность», и все миллионы «новых коммунистических Лассалей», реализовали тот самый «гибельный эволюционный тренд» – «здоровое функционирование товарно-денежных отношений на социалистической основе».

6.2. Спасительный тренд революции

Социализм СССР погиб в столкновении с новым, говоря языком тех лет, с «более социалистичным и коммунистичным» (способом производства) как «по вине собственной критичности в развитии, так и «по незнанию». А из-за отсутствия знания вообще (научного знания) говорить о «донаучном знании» так же не приходится.

Что же представлял собой «тощий тренд» так и не состоявшегося обобществления периода «перестройки» и «гласности»? Очень кратко.

Во-первых, «тренд обобществления». В соответствии с теорией «Полилогия...» речь идёт об обобществлении «технологий, функций», которые при социализме находятся в ограниченной (необщественной) группо-иерархической собственности (трудовых) коллективов и лиц.

Во-вторых. Слом границ собственности коллективов «технофеода» (бригад, цехов, предприятий, отраслей) неразрывно связан со свободным распространением и обменом «информацией», то есть с постановкой «технологий, функций» под общественный контроль, под контроль всеобщего интеллекта.

В третьих, именно свободный, полный и эквивалентный обмен «информацией» и есть основное условие обобществления «технологий и функций». Здесь следует особо подчеркнуть, что речь идёт не только о свободе и полноте освещения негатива и его извращенной формы «чернухи», а о свободе и полноте производственной информации в срезе общественной значимости, позволяющей укреплять и наращивать горизонтальные связи управления производством всей действительной жизни.

При этом каждый агент производства, предоставляя по запросу полную информацию о состоянии, ходе и проблемах «технологий» соответствующего конкретного вида деятельности (то есть, грубо, о тех технологиях, информацией о которых он как агент-собственник «информации» владеет). В свою очередь он так же получает полную «информацию» о состоянии, ходе и проблемах не только сопряжённых или как-то опосредовано связанных с ним производств, но и любых производств вообще, если эта «информация» обеспечивает контроль производства со стороны «всеобщего интеллекта», со стороны общества.

То есть развитие горизонтальных связей исключало «ведомственность» и «ложный патриотизм местничества», делало каждого гражданина не только непосредственным участником каждого некоего локального производственного

процесса, но и всего процесса действительной жизни страны, общества. Это обобществление «технологий» делало его «на деле» управляющим всего государства, что в конечном итоге, образно, означало формирование всеобщего интеллекта общества и постановки под контроль и управление этого всеобщего интеллекта всего производства и воспроизводства действительной жизни.

Таким образом, в своей основе этот «тощий тренд» не состоявшейся перестройки может быть представлен следующим образом: 1) обобществление «технологий»; 2) доминирование такого объекта производственных отношений и отношений собственности как «информация, (знания)». Следует заметить, что в таком виде тренд перехода от социализма к информационному обществу в своём, некоем «абстрактном» объёме в два раза богаче марковского тренда (обобществление «средств производства») времён перехода от капитализма к социализму.

Вот этим постсоциалистическим трендом, как стержнем, и должна была «гласность» упрочить дело «перестройки», показать в идеологической форме «донаучного знания» его научные основы как **«новое социальное знание об обществе»**, сделав тем самым всё общество, как пишет А.С. Шущарин, *«научным обществом», опирающимся на новое знание»*. Увы, но этого не было и это не произошло по причине отсутствия самого «знания».

Вместо этого, образно говоря, «гласность», выполняя свою идеологическую функцию, вынуждена была вбросить в общество ложные цели и ложные знания. Хотели того сторонники и зачинатели этой несомненно нужной обществу «перестройки» перестройки или нет, но силы и законы материального развития общества, «вне зависимости от воли и сознания масс», развернули её развитие, можно сказать, пока в «противоположную сторону». Бифуркация с её непредсказуемостью открыла путь по совсем не восходящей траектории, траектории деструкции, развала, краха и деградации. (Во всяком случае, так это представляется на сегодня. Это, однако, не исключает и

более грандиозного, и всё же восходящего «замысла» провидения. Поживём – увидим.)

В отношении этих двух трендов, где второй (информация и знания), проявился в «самых «дурных» формах», в «Полилогии...» говорится так: *«...в упомянутом виде отклонения от «марксоидной» логики всё это означает только одно – более конкретные реальные тенденции обобществления технологий, действительно, никак не могут быть обойдены, но относительно адекватно могут быть рассмотрены только с учётом всего многообразия сложных обстоятельств (...), т.е. в «конечном», тоже уже конкретном же анализе».*

Этому конкретному анализу и были посвящены предшествующие разделы статьи. Потому обратимся вновь к весьма пока абстрактному, но уже информационному срезу общества.

***Но осуществить это сможет,
естественно, не «элита»,
а только относительно массовый субъект,
«трудящиеся нового типа».
К тому же предстоит сменить
не только «стихию рынка»,
но и уже более высокую «стихию плана».***

(А.С. Шушарин.

«Полилогия современного мира...».

М.: Мысль, 2006)

7. Гласность как движение «трудящихся нового типа»

Характеризуя эти активно намечавшиеся «информационные перемены», которым гласность была весьма созвучна, создатель теории «Полилогия ...» пишет:

«...вся суть информационных перемен в самой социальной основе, на обыденном уровне, образно говоря, уже не экономическое «что почем», и уже не технонимическое

«что, когда, кому...», а аналитическое «где и кто хорошо, где и кто плохо, почему плохо, как лучше, к чему может привести, кто делает и может лучше...». Революционный прорыв от нормативного и учрежденческого, экстенсивного «технорасчета» к конкретному (т.е. везде и всюду уникальному) и более глубокому и широкому посттехническому, посттехнологическому научному (в том числе и социальному в самом широком смысле, «социорегулятивному») анализу, как информационной основе деятельности и её перемен. Причем к **анализу** прежде всего и уже не просто вещей, техники (это уже пройденное), а **именно технологий (процессов, работы, деятельности, мыследеятельности и взаимодействия, взаимоувязанного дела и самих делающих дело)**. Это и суть сброс покровов с тайн производства (всех форм покрывательства). Тогда и возникнет не стихийная диффузия технологий (как при капитализме, <...>), а уже новая общественная форма, их регулируемое интенсивное движение. <...>

«Невероятное» обобществление технологий самими «трудящимися нового типа» (к этому субъектному анализу мы вернемся много ниже) и будет означать общественный, революционный процесс создания **научного механизма производства**, информационно означающего организацию постоянного общественного, **вертикального и, главное, диспозитивного, внефункционального и эксфункционального, межотраслевого, межпредприятийного и межпрофессионального (если угодно – комплексного, междисциплинарного) изучения «интенсивных» величин технологий**. (Именно в этом смысле вопрос об информации – это и есть вопрос об уровне разумности, целесообразности, концентрированности траты социальной энергии...) Но в основе своей это совсем не управленческая задача (как нечто лишь институциональное, производное, оформляющее), а диспозитивная задача самих «трудящихся нового типа» по взаимному «вмешательству» в технологии и их цепи».

Это «взаимное вмешательство» будет означать освобождение человека, трудящихся, от замкнутости и тайн «технологического феода» как отраслевой формы линейного социализма. Это же есть и его снятие, то есть устранение такого негатива как «дефект производства», с которым так безуспешно боролась «гласность» и КПСС времён перестройки. В конечном итоге человек станет ещё более свободным в выборе деятельности и обучении, станет полностью осведомлённым и свободным в контроле над производством, сможет активно участвовать в управлении посредством своего интеллекта.

Несомненно, что при этом возрастет жёсткость организаций, их связей и динамичных перемен, но граждане будут более свободно перемещаться из одной производственной структуры в другую. Понятно, что технологическая дисциплина никуда не исчезнет, но именно для человека она перестанет быть неподвластной, отчуждающей силой. Жёсткость связей и перемен диктуются ростом мощи, плотности связей самой «социальной материи», но в то же время растёт и мощь интеллектуального всепронизывающего анализа производства, анализа, основанного на уникальном мышлении «всеобщего интеллекта», и в результате человек освобождается от учрежденческих, ограниченных группо-иерархических границ собственности на технологии.

Таким образом, грядёт смена управления в постсоциалистическом пространстве не стихией рынка и не «решениями, принимаемыми научной элитой», а как пишет А.С. Шущарин, «...осуществить это сможет, естественно, не «элита», а только относительно массовый субъект, **«трудящиеся нового типа»**. К тому же предстоит сменить не только «стихию рынка», но и уже более высокую «стихию плана». Хотя пока повернуло в обратную сторону».

Итак, обобществление технологий есть их изъятие из оков группо-иерархической собственности и ликвидация господства статусов над людьми при сохранении всего рационального от ранее снятых отношений, в том числе

и функциональных. «Дефект производства», линейность и сам технофеод в своей доминирующей массе исчезнут, но «план», статусы, функциональность как таковые останутся, т.е. будут метаморфированно сняты. В положительном содержании это и есть интенсификация, онаучивание, гуманизация производства, превращение его в понимающее, социорегулятивное производство жизни. Как пишет А.С. Шушарин, это есть *«серьёзное дело. Причём дело самих **«трудящихся нового типа»**, хотя и с помощью новой социальной науки, т.е. нового научно-идеологического профессионализма, интеллигенции. Но уже новых, т.е. «разговаривающих» на обновленном профессиональном социальном языке»*.

Из выше представленного материала видно, что «перестройка» и «гласность» в восходящем развитии общества должны были в своём движении вперёд опираться на **«трудящихся нового типа»**, однако в документах XXVII съезда КПСС речь по-прежнему идёт исключительно о «рабочем классе»:

«Авангардное место в советском обществе принадлежит рабочему классу... <...> ...рабочий класс спланирует наше общество, играет ведущую роль в совершенствовании социализма, коммунистическом строительстве. (Продолжительные аплодисменты.) Постоянная забота об укреплении союза рабочего класса, крестьянства, интеллигенции – краеугольный камень политики Коммунистической партии Советского Союза».

То есть и здесь, в расстановке классовых сил, их стратификации, в новых условиях будущего постперестроечного периода «ставка» по-прежнему делается на классовую структуру уходящего старого общества социализма. То есть никакого понимания о надвинувшейся, стучащейся в дверь смене градаций общественного восходящего развития, даже маломальского намёка нет.

Более того, в практической плоскости перестройки сделан крен в сторону «трудовых коллективов», тем более что

перестройке предшествовала компания по «трудовым коллективам», нашедшая отражение в Законе СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» от 17 января 1983 г. Затем, уже в дальнейшем «углублении социалистического самоуправления в экономике», само самоуправление понималось как «чувство хозяина» по «отношению к собственности», поэтому в докладе съезду и утверждается, что *«...предприятия и объединения полностью отвечают за безубыточность своей работы. А государство не несёт ответственности по их обязательствам. ... Трудовой коллектив обязан за всё отвечать...»*.

Здесь, в докладе, по-прежнему идёт речь о «неожиданно быстро зашедшем в тупик» функциональном (социалистическом) способе производства, где ограниченным группо-иерархическим собственником является всё тот же «трудовой коллектив». Укрепляя этого собственника, «перестройка» всё более укрепляла старое, отжившее, тормозящее движение вперёд, делая из каждого трудового коллектива по сути «коллективного капиталиста», и одновременно, отрекаясь от него, бросала его в пучину так называемого «социалистического рынка», что так или иначе вело к капиталистическому рынку, вне зависимости от того, как его называли.

Именно «трудовой коллектив» с его собственностью на «технологии и функции» был, можно сказать, источником тех бед, с которыми были призваны бороться «перестройка и гласность».

В связи с этим характерен следующий пассаж из доклада М.С. Горбачёва съезду:

«Важно неукоснительно проводить в жизнь принцип, согласно которому предприятия и объединения полностью отвечают за безубыточность своей работы. А государство не несёт ответственности по их обязательствам. Именно в этом состоит суть хозрасчёта. Нельзя быть хозяином страны, не будучи подлинным хозяином у себя на заводе или в колхозе, в цехе или на ферме. Трудовой коллектив обязан за всё

отвечать, заботиться о приращении общественного богатства. Его приумножение, как и потери должны сказываться на уровне доходов каждого члена коллектива. (Аплодисменты.)».

То есть социалистическое «государство» оттолкнуло от себя «трудовой коллектив» предприятия, оставило его один на один самим с собой, что, по сути, равносильно «борьбе всех против всех», ибо «нельзя быть хозяином страны, не будучи подлинным хозяином у себя на заводе или в колхозе, в цехе или на ферме». При этом совершенно забыт такой единый и целостный объект хозяйствования как народнохозяйственный комплекс страны, коллектив замыкался сам на себя в хозяйственной деятельности. Противовеса этому не было предусмотрено, а оговорка, что обязан «заботиться о приращении общественного богатства» ничего при этом не меняла.

А собственник, он на то и собственник, что тут же и непременно «съест» то, что «плохо лежит». Общественные фонды, а затем и «общественная собственность» (государственная собственность) вмиг были приватизированы, а по сути «разграблены». Самономинации «трудящихся нового типа» в перестройке по-горбачёвски, можно сказать, места так и не нашлось. «Класс в себе» так и остался «в себе», вне внимания общества, а «гласность» запела осанну могильщикам социализма. Со временем осанна стала петься также собственникам, но уже собственникам средств производства, в результате метаморфозы собственника как «трудовой коллектив» в собственника средств производства старо-нового «среднего класса». Правда, до сих пор этот слой «среднего класса» так и не достиг желанной «цивилизационной мощи» в 40 %. Да и самого понятие «средний класс» эфемерно и по сути «бесклассово», – это и не бедные, но и не очень уж богатые, а основной имманентный признак, так сказать, количество принадлежащих им «шмоток».

А вот как в «Полилогии...» характеризуется восходящий класс («класс для себя»), рупором которого и «должна» была бы быть, в первую очередь, гласность:

*«Восходящие силы революционного преодоления линейной формы, действительно «**трудящиеся нового типа**», дисструктурны (преемственно и потенциально-революционно ортогональны) по отношению ко всей номинальной стратификационной структуре линейного производства, т.е. они «рассеяны» по всем секторам, срезам, регионам и уровням производства. В строгом смысле в линейной форме некого «экспроприировать», объект обобществления (технологии) имеет не вещественный (как средства производства), а процессуальный характер. <...>*

С некоторой условностью можно сказать, что трудящиеся сосредотачиваются (а пока даже «рассредоточиваются») в каждом коллективе и по их цепям около пока совершенно стихийно, неадекватно и даже извращенно пробивающихся тенденций «эксколлективных» (эксфункциональных), межпрофессиональных, рациональных, координационных порядков и перемен производства во всех его технологических цепях, сферах, срезах и этажах. <...>

...ничего определенного даже только об основной стратификации сказать невозможно: трудящиеся объективно (но еще, конечно, не в идеологических оборотах) заинтересованы в снятии (но не в ликвидации!) господствующих в линейной форме функциональных (в том числе статусных) структур, во взаимном анализе и устранении дефектов производства, в обобществлении процессов производства (технологий). Их имплицитная интенция (единство активности – ХАТ) – в революционном изменении именно трудовых процессов и отношений (лишь как следствие – приобретений). Вот и всё. <...>

Всё дело в том, что «новые трудящиеся» современного социализма, как восходящие силы, на априорную самономинацию не способны, без сопровождающего идеологического, сперва научного, обновления (в том числе затем и новых вокабул) они не могут в принципе консолидироваться, а, следовательно, и самореализоваться. Без огромного, «многоэтажного» общественного процесса

идеологического обновления они остаются «классом в себе»... Более того, именно «трудящиеся нового типа» находятся в самом наименее выгодном положении, ибо любые силы ортодоксии, консерватизма, антисоциализма, либеральной реставрации, деструкции, национализма, шовинизма, сепаратизма, регионализма и пр. легко консолидируются, ибо не нуждаются в новой идейной основе».

Из всего сказанного выше следует, что самономинация «трудящихся нового типа» невозможна без рупора «гласности». Она (как класс) невозможна и без собственного же актива, интеллигенции и элиты, а равно и некоторых движений, организаций, партий, лидеров, определенных дискурсов.

В то же время сама эта интеллигенция невозможна без некоторого нового идеологического и социологического профессионализма: без ««невидимой» кабинетной заумы; без нового интеллектуального «генома культуры» (точней – метакультуры) или самого научного типа дискурса, «ранее не бывавшего»»; без становления по симпатиям; без консолидации в идейной борьбе с носителями отжившего знания («языка»), то есть на основе многочисленных попыток «языка» и текстов по-новому объяснить происходящее во всём нынешнем переломном мире.

Однако учитывая отсутствие вышеотмеченного профессионализма, можно сказать, что в эпоху гласности и перестройки «мы добрались до ручки». *«Пустота на то и пустота, что о ней много и говорить нет нужды, – пишет в последнем параграфе четвёртого тома «Социализм» А.С. Шушарин, – пустота (пока мягко говоря) торжествующего социологического (экономического) клира».* Там же он пишет:

«...«перестройка» и вступление всего мироустройства в неравновесное, неустойчивое состояние бифуркации начались при абсолютном отсутствии теоретического задела. Ну а в значительной мере именно отсюда и провал в экономический фундаментализм, политическое невежество и пр. Короче говоря, провал от «то-

талитарной» монокультуры слова назад в «свободу бескультурия слова». Да еще бескультурия, парадоксально умноженного бесспорно высшим образовательным уровнем на постсоюзных просторах. Так сказать, уж если бред постмодернизма, то на высшем интеллектуальном уровне. Простым свидетельством тому является весьма высокий уровень взорвавшегося хаоса как официальной, так и внеклирной социальной литературы. Вопрос же стоит в революционном переходе к свободе научной поликультуры слова, выражающей свободу мысли и дисциплину (культуру) полилогического языка, сперва только профессионального».

Да, «гласности» времён перестройки, можно сказать, не повезло, ибо в значительной степени это была «свобода бескультурия слова». А «профессионализм» начал появляться только лишь с момента публикации полифундаментальной теории «Полилогия...», да и то...

С момента выхода в свет теории «Полилогия...» прошло уже более пяти лет, однако раструб рупора СМИ и журнализм «стоят поперёк» теории (и теориям), да и теории не нужны народу, которому и своих дел хватает. А.С. Шушарин продолжает:

«Теории не нужны политикам и интеллигенции (в идеологическом смысле «золотой середины» интеллектуальной пирамиды) нынешней генерации, выплывшим и действующим на старых и даже деструктивных идеях. <...> Более того, как это ни странно звучит, теории не очень-то нужны или даже очень не нужны теоретикам! Чужие, естественно».

Что же касательно «главного героя, правящего научного клира», то он, по мнению А. Зиновьева и автора «Полилогии...» «непосредственно никогда не преодолим», но, тем не менее, «должен быть преодолен».

Так что пока не до «гласности», разумеется, в том виде, в котором преподнесла её нам история и «перестройка». Но если она восходяще повторится, то, будем надеяться, что это будет уже действенный рупор движения «трудящихся нового типа».

8. О христианской «перестройке», гласности и «новой религии»

В заключении хотелось бы остановиться на одном любопытном моменте «гласности» на «крутых поворотах истории» и перестроечных перемен, но более ранних времён восходящего развития человеческого общества, окунуться, так сказать, в проблемы «гласности» двухтысячелетней давности.

И здесь опять обратимся к «Полилогии...», чтобы ещё раз провести удивительную параллель между происшедшим в конце второго тысячелетия «с начала Рождества Христова» и событиями этого «начала» и первых столетий новой эры.

Аналогом советской «перестройки» и «гласности» можно, по моему мнению, считать так называемый «дух феодализма» или, что очень близко, «призрак феодализма», хотя, как пишет А.С. Шушарин в «Полилогии...», *«в христианской самономинации восходящие силы («левые») были относительно определены, хотя и безмерно далеки от понимания сути ими же исторически свершаемого. Но и, опять повторю, вполне релевантны восходящему революционному процессу. <...>*

... в Европе шёл неумолимый восходящий процесс преодоления рабства, ликвидации узурпации работников, что и находило своё весьма неадекватное, но в высшей степени релевантное выражение в «принципах христианства», которые и являлись, если сказать в оборотах Вебера, «духом феодализма». Так сказать, о чём сами христиане и не подозревали. (Как, впрочем, и протестанты с «духом капитализма» отнюдь не подозревали, что именно имеют честь строить и даже преодолевать)».

Продолжим (реконструируем) последнюю фразу до времён «перестройки», *«...как, впрочем, и «новые коммунисты» конца второго тысячелетия, проникнутые «духом информационного общества и гуманизма» отнюдь не подозревали, что имеют честь строить и даже преодолевать», но не «преодолели» и не построили, а весь запал того времени, можно сказать, «ушёл в свисток гласности».*

Правда следует сказать, что в значительной степени именно «научный запал» ушёл в свисток «совершенствования хозяйственного механизма» ещё на границе и в начале 80-х годов, как неудавшийся эксперимент во исполнение решений XXV съезда КПСС и известного Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Видимо, отсутствие результативности разрабатываемых ранее мер и спровоцировали «перестройку» в «другую сторону», в сторону капитализма.

Однако, скорее всего дело в «меркантильной» (догматически экономической!) ограниченности в конкретизации поставленных задач и отсутствия в них «принципов» нового общества, идущего на смену «линейному социализму». Здесь, надо сказать, суть не в названии нового общества: социализм-2 или гуманизм, или «нелинейный социализм» или даже коммунизм, как у уважаемого мною Н.С. Хрущева, крепкого и своенравного хозяйственника.

Был, образно говоря, вполне мощный «замах», и казалось, что «прорыв» обеспечен, но не было опоры на «коммунистичность и прогрессивность» именно в социологическом перестроении общества, как когда-то на «дух христианства». Головокружение от мощи страны и, действительно, в могучем «бастионе коммунизма» у власти закружилась голова от своей непогрешимости. И всей силой народных масс «ударил» сами по себе, по основам социалистического строя, по его стержневой материальной части, то есть «ударил» по доминированию «технологий, функций, работы» и по обобществлённым «средствам производства». И социализм СССР, в итоге более чем десятилетних, а скорее двадцатилетних «преобразований» пал как подкошенный. Однако надо было не «перестраивать» и «ударять», а «снимать» (в философском смысле «снятия») старое, отжившее и строить «заново», новое и восходящее общество.

А все напасти и поражения произошли только потому, что **не было собственно восходящей идеологии, новой современной теории**, тогда как старый миф «коммунизма», так и остался расплывчатым, невесомым и почти неосязаемым образом туманного будущего.

Даже у «христианства» был стержень борьбы с языческим «многобожием» и «политеизмом». Здесь же, в перестройке, не было по сути ничего, кроме аморфного «жить лучше» и «догнать и перегнать Америку». Вот и перегнали, да не с той стороны, точнее, не в ту сторону. Как пишет А.С. Шушарин, характеризуя идеологию как «новую религию» общества тех времён, *«какова доминирующая социальная структура – такова и основная логическая форма идеологической конструкции, культуры»*. Так вот этот «культ» в СССР был проявлен в форме «гласности», но был воспринят и понят как «вспомогательное средство демократии», тогда как в восходящем развитии советского общества настало время «народной демократии», то есть «прямой демократии», как, можно сказать, религиозного выражения **необходимости обобществления «технологий, функций, работы»**, постановки их под контроль «всеобщего интеллекта» народов СССР.

Известно и бесспорно, говоря словами «Полилогии...», **что «всякий революционный прорыв реализуется только в сложении всех исторических обстоятельств (существенно только основное содержание)»**.

Что ж, не сложилось.

Не было ни «новой религии» восходящих сил как у «христианства» времён рабовладения, ни «тощего тренда» новой теории, как в 1917 г.

9. О текущем моменте и «гласности»

Сегодня силами регресса и деконструкции являются Правительство Путина В.В. и «общий курс» Президента Медведева Д.А.

Как тут не вспомнить совсем недавние заявления главы Правительства и лидера «правлящей партии» в интервью «Коммерсанту» по поводу «марша несогласных» типа «получите по башке дубиной». Это и очевидное ограничение слова (и собраний), непрекращающиеся судебные процессы над СМИ и всем очевидная «продажность» большинства средств массовой информации. Невозможность справиться, полностью подавить и поставить под свой контроль приводит силы регрессии к необходимости фальсификации истории, ограничению самой возможности появления новых партий прогрессивного (левого) толка.

Однако в арсенале восходящих сил российского общества появился такой мощный инструмент как Интернет, новые способы связи и коммуникации, новые технические средства. Сегодня Интернет подобен «будке гласности» перестроечного периода СССР 1991 г., когда зайдя в палатку с телекамерой Центрального телевидения СССР (программа «Глас народа») можно было в прямом эфире сказать стране и о стране всё, что думаешь и что «душе угодно». Понятно, что в своей массе это был «мусор с социального дна» перестроечной столицы. И если тогда это была «будка гласности» TV и обуздать её власти не составляло особых усилий, то обуздать Интернет не так-то просто. Сегодня Интернет экстерриториален, а в каждый момент времени это в принципе и «прямой эфир», поэтому же в принципе он неподвластен власти, правда, пока и не абсолютно, и только «практически».

И вот, следуя традиции тех бурных дней, современный Интернет так же обрёл свою «будку гласности» – сайт с одноимённым названием, где можно «записать своё собственное видеобращение», а уж рубрик и подобных «будок» в различном исполнении и по различным поводам на просторах России за эти годы было создано немало. Так, на запрос «будка гласности» поисковик нашёл около 100 тысяч ответов, при этом граждане помнят и о первой перестроечной «будке», ибо на запрос «1991 будка гласности» было дано 16 тысяч ответов.

Власть пока не в силах абсолютно подчинить эту сторону «гласности» своей воле. Чего только стоят, например, «урезание» и цензура, блокировка и замалчивание «комментариев граждан», отсутствие «обратной связи» и полное молчание «противной стороны» на сайте, блоге самого Президента РФ. Но это на сайте Президента, тогда как по всей стране «мест», подобных «будке гласности», не счесть, ибо это различные сайты и блоги, журналы и сообщества, форумы, письма, видеообращения и пр.

Итак, борьба продолжается, и гласность принимает новые конкретные формы движения и существования Интернет-сообщества, идёт, говоря слогом высокой науки, непрерывное наращивание мощности и «уровня производительных сил» в этой информационной сфере производства и воспроизводства действительной жизни. И, возможно, завтра это сообщество сольётся полностью с гражданским обществом, обществом граждан Российской Федерации.

Гласность, как когда-то «призрак коммунизма», бродит по планете, утверждая общество нового типа: в мировом масштабе – гуманизм, а на просторах ряда стран, в том числе и РФ – уже новое постсоциалистическое общество, которое в теории и на практике не только чисто технически, но и содержательно именуется информационным обществом.

Приложение 3

Конец классовой дихотомии

В традиционном марксистском понимании *«классы – это большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, ...»*.

Ниже попытаемся с позиций новой теории «Полилогия...» подойти к «классовой» стратификации современной России.

Согласно фундаментальной социологической теории развития общества А.С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)», *различение классов на некоторый исторический момент основывается на «их отношении» к доминирующим (главенствующим) типологическим объектам производства и воспроизводства действительной жизни как богатства, ценности и «смысла жизни», по поводу которого и возникают производственные отношения, отношения собственности. Упомянутые же выше «средства производства» есть лишь всего объект доминирования в капиталистическом способе производства действительной жизни, то есть при капитализме.*

Более того, сами системы общественного производства различаются по типу доминирующего объекта. В «Полилогии...» выделяются как исторический факт следующие градации (системы общественного производства) и доминирующий в них типологический объект: первобытность и «общая жизнь», рабовладение и «работник», феодализм и «пространство производства» (феод), капитализм и «средства производства», социализм и «функции, технологии», а также, вероятно, «информационное общество» и «информация, информатика». Далее восходящее общественное развитие, как говорят, «открыто», и, возможно, грядёт «общество знания» и т.д.

Следовательно, каждой градации соответствует своя уникальная классовая стратификация, каждая из которых в свою очередь подразделяется на два вида – статическую и динамическую. Первые свойственны обществу в периоды его квазистабильного состояния, вторые – в критический период перехода от одной градации к другой. Квазистабильность есть состояние относительного равновесия и постепенного восходящего развития на основе доминирования соответствующего типологического объекта воспроизводства, адекватных ему производственных отношений и, прежде всего, отношений собственности, механизма взаимодействия агентов производства, разделения труда, типологии богатства и ценностей и др.

При этом градация понимается как композиции «чистых» воспроизводственных процессов («чистых эндогенных форм» (ЧЭФ)). Каждая ЧЭФ как чистый способ производства воспроизводит лишь объекты одной типологии из общего числа известных: «общая жизнь», «работник», «пространство производства», «средства производства», «функции», «информация» и т.д. В каждой градации одновременно и одновременно реализуются, имеют место все известные типы ЧЭФ, но только одна из них доминирует (главенствует), «освещая» и деформируя (подстраивая под себя) все остальные. Та ЧЭФ, которая доминирует, носит название соответствующей градации. В градации «Первобытность» доминирует ЧЭФ «первобытная», в градации «Рабовладение» – ЧЭФ «рабовладельческая», в градации «Феодализм» – ЧЭФ «феодальная», в градации «Капитализм» – ЧЭФ «капиталистическая (экономическая)», в градации «Информационное общество» – ЧЭФ «информационная» и т.д.

Теперь о собственно «классовом анализе» и классовой стратификации.

Прежде всего, напомним, что не классы «строят» и определяют градации, а сам материальный способ доминирующего типа производства и воспроизводства жизни формирует «классы». Способ же производства, точнее градация,

определяется доминирующим типом ЧЭФ, то есть типом доминирующего объекта воспроизводства. Поэтому «классы» и, соответственно, «классовые явления» вторичны по отношению к материальным основам действительной жизни и их историческому развитию, хотя и имеют немаловажное, а в определённые исторические моменты (периоды) решающее значение в поступательном восходящем развитии общества.

Сам анализ начнём с рассмотрения классовой стратификации «чистых эндогенных форм», в том числе рассмотрим ЧЭФ «капиталистическая», то есть рассмотрим капитализм как бы в виде, очищенном от влияния ранее предшествовавших в доминировании ЧЭФ первобытности, рабовладения и феодализма. Затем также в «чистом виде» рассмотрим «классовую стратификацию» социализма, как ближайшую к капитализму точку в восходящем развитии «классовых явлений».

Первобытность

«Полилогия...» рассматривает первобытность как эпоху, выделяя в ней такой «начальный» этап (градацию) общественного развития как «Переломная первобытность». Этот период характеризуется тем, что люди уже были, но общества ещё не было. Так, А.С. Шушарин пишет, цитируя В.И. Алаева: *«Всё двоилось в сознании первых человеческих коллективов, всё делилось на «наши» и «не наши»». Да «наши» вовсе не «средства производства», а буквально всё, и сами люди, и территория, и пр.»*. Культ силы и «вспышки беспредела индивидуальной и групповой «уголовщины», совершенно неподвластной контролю спонтанной резни» – вот метафорическая форма реализации тогдашней «эгостадности» как воспроизводственного процесса переломной первобытности.

Так что «**классовая**» **стратификация** в процессе преодоления первобытности была весьма бескомпромиссна, хотя объективно крайне запутанна: **«доиндивидуализированные**

представители «кровнородственных» тасующихся групп и мучительно восходящие «гуманистические» надкровнородственные силы, акторы как отдельные личности, утверждавшие и сознававшие «чужих» и себя уже в качестве людей». Именно эти силы и представляли пробивающееся по мере развития производительных сил и локальных исторических обстоятельств первое уже общественное разделение труда вообще, в том числе профессиональное, территориальное, вещественно-продуктовое и т.д., ломающее эгостадность первобытности.

Это был революционный процесс преодоления биологической формы более высокой, социальной, т.е. снятие «биологической формы» уже социальной формой движения материи. Это был переход от животного «неравенства» к уже общественному, от животной эгостадности к обществам.

Итак, образно можно сказать, что *«классовая стратификация» переломной первобытности, первая в истории, была строго дихотомичной, всего два «класса»: звери, «похожие на людей» и «люди».*

Механизмом взаимодействия агентов этого типа способа производства и воспроизводства было «общение», преимущественно на биологической основе и с «культом силы», но силы уже человеческой.

Первобытность как первое, изначальное общество, постепенно усложняясь в своём развитии, обретало свою мощь и силу через «создание» своей культуры: развитие языка, норм общения, правил и догм, структурирования и пр. Таким образом, освободившиеся от первой в истории «эксплуатации» люди, впервые свободные, чтобы не обратить полученную «свободу» в хаос и «охлократию», под давлением материальных обстоятельств действительной жизни стали жадно осваивать, присваивать то мощное и сильное, что делает человека человеком, скажем весьма метафорично и кратко – культуру общественной жизни, её духовность. Точнее же следует сказать, что сама «действительная жизнь» как процесс формировала человеческую культуру и прежде всего культуру «духовного общения».

Это был «культурный» объект «общей жизни», объект-процесс, нёсший людям счастье и небывалые преимущества перед всем остальным миром (природы). Вокруг этого объекта, как ценности и «смысла жизни», и «по поводу» его складывались первобытные производственные отношения как отношения собственности. Упорядочение жизни «свободных» людей как преодоление потенциального хаоса охлократии (господства «толпы») «свободных» и последующей гибели человечества (человека) требовало (в материальном смысле жизни как процесса) обобществления «общей жизни», основанной на биологической первооснове.

Это произошло на базе актуализации нового объекта-процесса действительной жизни – «культуры общей жизни». Эта новая ценность, богатство и «смысл жизни» постепенно в форме ограниченной, а по своей природе групповой собственности (грубо – частной) с зачатками иерархии усиленно осваивалась людьми. Именно групповой (праобщественный) характер этих отношений собственности и обуздал зревший хаос и охлократию «свободных» людей. Люди окончательно «научились» жить вместе, в обществе. Основным механизмом в этом первобытном обществе стало «телесно-духовное общение», появились имена-клички как материально-знаковая система производственных взаимодействий.

Итак, в отношении объекта «общая жизнь», *в первобытности образуется групповая («неклассовая») стратификация по отношению к собственности на «весь мир» (или «общую жизнь»)*. Соответственно, *«культурные люди», организующие и ведущие в освоении культуры – тоже, можно сказать, класс, но «лишь вкупе и соотносении» с «осваивающими культуру с самых её оснований», а не в собственном содержании. Очевидно и обратное, что «люди, осваивающие культуру с самых её оснований» в жестокой борьбе с оставшимся от прошлого «животным невежеством и звериными замашками», в том числе, несомненно, под давлением носителей культуры и их «элиты», лидеров, тоже, можно сказать, класс, но класс*

«в соотношении». Это те, на ком лежит вся тяжесть и гнёт этого культурно-перестроечного процесса. Но по сути эта основная (статическая) классовая стратификация «никак не классовая (в привычном дихотомическом смысле)».

Дальнейшее возрастание общества по сложности было связано с «великим разделением труда» и выделением «ремесла», то есть связано с переходом к специализированному труду как виду деятельности «трудящихся нового типа». Это произошло на базе активизации нового типологического объекта действительной жизни – «рабочника». Эта новая ценность, богатство и «смысл жизни» постепенно входило в жизнь и в критической форме (в античной Европе) стала известна как «раб», а соответствующие доминирующие отношения собственности формировались как частные отношения собственности.

Рабовладение

Ядро всей рабовладельческой системы ограниченная (необщественная, асимметричная) собственность на «рабочников» (в виде рабов) определяет всю стратификацию рабовладельческого комплекса, всего ареала взаимодействующих обществ.

«В отличие от групповой («неклассовой», сверхантагонистической) стратификации асимметрии собственности на «весь мир» (общая жизнь) в критической первобытности, – пишет автор «Полилогии...» А.С. Шушарин, – рабовладение образует совершенно иную, многоклассовую основную («статическую», «классы в себе») производственную стратификацию. Да и то, ежели «классы» понимать не стандартно-догматически. Это, прежде всего, свободные граждане, в том числе рабовладельцы (к которым по социальным, производственным позициям вполне можно отнести купцов, ростовщиков, работорговцев, военачальников и пр. патрициев и «депутатов парламентов»), в том числе и множество малоимущих, неимущие (т.е.

не имеющие рабов) свободные, плебс, сами рабы (в общем случае, конечно, в разной степени их негражданства, положения в профессиональных структурах), а также объективно необходимые для любого экстенсивного рабства культурноподобные или более отсталые и др. общества, племена и пр. варварской периферии».

Реальная стратификация сложнее, но основная, статическая, здесь именно многоклассовая. Соответственно «классовые» противоречия тут полилогичны и совсем не бинарны. Так, например, это противоречия между рабовладельцами и неимущими свободными (плюс пауперы), между всеми гражданами и рабами, между самими этими обществами всего ареала и т.д.

Основная стратификация рабовладения непосредственно восходящих сил, так сказать, тогдашних «левых акторов», уже ведущей («динамической») стратификации явно не содержит. Так, если рабовладельцы еще характеризуются как исторически реакционный класс, то ни рабы, ни неимущие, ни «внешний пролетариат» восходящей силой в собственном смысле не являются.

На смену стихии воюющих и поработаемых трудовых ресурсов, как объективное отрицание ограниченной (необщественной) собственности на работников в виде рабов, происходило их обобществление, территориализация производства. Шло приучение общества и людей к новой, уже территориальной «урегулированности и порядку».

Рабство подошло к пределу в силу большей ««эффективности» самодельного аграрного, ремесленного труда, растущей опасности внешнего, военного приобретения работников».

Субъектами надвигающейся революции (динамической стратификации) были, можно сказать, «территориалы» – это бывшие рабы и крестьяне, ремесленники и торговцы, вооруженцы и корабли, землевладельцы, все, кто налаживал новую хозяйственную жизнь, новый рациональный тип производства и без рабов.

Это был «гигантский шаг (эндогенно) к свободе, более высокое равенство людей уже как подданных, «равных под одним богом»».

Феодализм

«Гражданские общества» и племена стали феодальными странами. Необратимо сняты культурно-родовые и демографические производственные отношения, попавшие теперь в инфраструктуру, «под контроль всеобщего интеллекта», под защиту государства как гарантии от возврата к рабству, так и в смысле определенной заботы государства, «гражданского общества», обо всех подданных, гражданах.

Доминирующим объектом феодальной собственности является не земля (как *средство*, например, сельскохозяйственного производства), а территория, местность, т.е. *территория как пространство производства, как «производящая территория»*. Здесь главное – это отношения с *территорией, местностью, как натуральным процессом или пространством производства*. Это объект, который по своей невещности не может быть частным, а *всегда* образует объективно более сложные отношения людей. Несомненно, что таким же «оживотворенным» объектом является и город, в коем никакой «пашни» нет, но все также «суетятся».

«Агентами местных взаимодействий, – пишет А.С. Шушарин, – являются люди уже не как организмы, не как граждане (работники, специалисты), а как взаимодействующие соседи, земляки, жители большего или меньшего масштаба этого совместного (от слова «место») взаимодействия. Так сказать, пото-соседи. Основой этого взаимодействия является натуральное, или территориальное, разделение труда». Базовым механизмом связи натурального разделения труда является *спряжение, или соседство*, в большей или меньшей местности.

Всякое гомогенное (однородное) развитие имеет свой предел. Предельной, критической формой феодализма является «автаркия».

«Автаркия, – определяется в «Полилогии...», – представляет собой территориально-иерархическую расчлененность всего производства, разграниченную барьерами (прописками), прикрепленностью людей, занятий, всего производства к местности, в виде предельно фиксированных зон действия всех служб и повинностей. Это такая общественная «организация труда», происхождение которой и относится ко временам «удельщины». Поэтому здесь все подчинено основному производственному отношению, которое метафорично можно назвать уделом (разумеется, не в политическом смысле форм периода начальной феодальной раздробленности на Руси, «удельный князь») или, лучше, феодам. Феод (удел) – это, образно говоря, «рок» феодализма, как диктующий все порядки капитал, феод – это и суть довлеющий неведомой силой удел крепостных выполнять повинности, удел феодалов нести службы и составлять выполнять повинности, неотвратимо при этом беспокоиться о соответствующей положению роскоши, без которой и феодал не феодал, в том числе и в глазах крепостных. Удел (феод) и есть всевластвующее во всех многообразнейших конкретных формах (бенефиций, феод, лен и др.) и сквозное по вертикали главное производственное отношение, <...>

*Непосредственно «воспроизводя» господствующую ответственность на пространство производства, **основная производственная стратификация классического феодализма натурально-иерархична (в том числе и в городе), а в своей преобладающей по массе агросекторной части парцеллярно-иерархична**. А это означает, образно говоря, что ««низы» поделены вертикалями (парцеллярность), а «верхи» – горизонталями (иерархичность)».*

Европейский, классический феодализм внизу был буквально «атомизирован», но именно территориально, натураль-

но, «дворово», что и образовывало всю иерархию его структуры. В этом отношении известен яркий образ «феодальной лестницы», когда каждый в этой лестнице мог заявить: «Моё поле». В целом можно сказать, что фундамент этой иерархии есть *«крестьянский двор», но и деревня – «двор» (<...>), и группа деревень – «двор» с их городами, и вся страна – «двор», включая сюда объективно дополнительные «придатки» по ступеням иерархии в виде гроздьев дворов от господского клена до государевых земель».*

Итак, «классический же (точнее, элементарный) эндогенный феодализм, <...>, натурально и парцеллярно иерархичен. Соответственно феодалы (светские, церковные) – тоже, можно сказать, класс, но лишь вкупе и в соотношении с крепостными, а не в собственном содержании, ибо эти феодалы сами сурово структурированы вместе с гроздьями земельных и пр. чиновников административно-территориального управления. Поэтому по сути основная феодальная стратификация никак не классовая (в привычном дихотомичном смысле), а именно натурально-иерархична, с основой – парцеллярными крепостными (как бы главный производитель, но социально пассивный класс), совместно держащими пространство производства, и «клочками» поделенной местности, неподвижной, несменяемой, «неотчуждаемой».

Восходящие экстерриториальные силы (акторы), «представляющие» новый способ производства и его производительные силы, оказываются здесь *вне* логики всей системы основной стратификации. Этим ещё раз подтверждаются известные соображения о несовпадении «бумажного класса» («в себе») в стратификации квазистабильного состояния общественного развития и восходящих сил динамической стратификации в критический период развития. Разрыв натуральности состоял, прежде всего, в товаризации, или массовизации производства, в том числе и сельского хозяйства. Поэтому город в этом «разрыве натуральности», как извечный «фокус» территории был фокусом и сосредоточения в

нем ростков товарного производства, промышленности, ремесла, купечества, ростовщичества.

Прогрессивными фигурами восходящих сил, отрицающих прежний (феодалный) способ производства, были уже состоявшийся наемный работник, ибо это был уже не крепостной и мелкий собственник, ибо это был уже частный владелец земли (а не территории и даже её части!).

В этой связи, например, А.С. Шушарин замечает, что «беспощадное «огораживание земель» было разгораживанием пространства производства, т.е. его обобществлением, ликвидацией его узурпации. Потому не «экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса», как писал Маркс, а высвобождение земли, в том числе в производственную частную собственность, из тисков собственности на пространство производства. Потому же и в преодолении феодализма крепостное сословие, конечно, выдвигало новые силы, но более просто, в качестве основной части именно народа как «всеобщего субъекта» истории в её переломные эпохи, а вовсе не передового класса». В этой ситуации принципиальная внесистемность (экстерриториальность) восходящих сил преодоления феодализма предопределяла, тем более в условиях отсутствия критической теории феодализма, невозможность хотя бы номинально указать на них и порождающие их процессы.

Производительный сдвиг здесь следует видеть во всем многообразии перемен естественно-технического, материально-производительного, содержания весьма протяженных революционных процессов, ломающих феодальную замкнутость, натуральность, местническую самообеспеченность и автаркическую «самостоятельность». «Потому же, — отмечается в «Полилогии...», — *новые силы рекрутировались далеко не только из непосредственно капитализирующихся или пролетаризируемых крепостных, ремесленников, но и из отдельных купцов, ростовщиков, помещиков, дворян, а то и церковников*». С этим, в частности, связано и

такое «общеисторическое явление», как раскол самого дворянства («аристократии») на «новое» и «старое».

Именно неявность сил предопределила длительность и кошмарную запутанность процесса преодоления феодализма.

В недрах «набухавших» новых производительных сил и всего производства, проявляющихся в форме экстерриториальной товаризации, массовизации и экономизации, происходило объективное обобществление пространства производства, находящегося в ограниченной, натурально-иерархической собственности. С переходом к капитализму произошло восходящее и *необратимое обобществление пространства производства*, изъятие его из ограниченной собственности, симметризация и снятие в «инфраструктуру» господствовавших территориальных отношений, постановка их уже под новый контроль, контроль рынка, капитала.

Капитализм

Критическая теория капиталистического способа производства разработана К. Марксом («Капитал»).

Марксов капитализм – это простой, предельно критически «чистый», элементарный, «идеальный тип», метафорично означаемый обычно как «вульгарный» капитализм (середины XIX века). При этом он ограничен только прорывной, «катастрофически-спасительной», ветвью из всего поля множества траекторий когда-то зревшей бифуркации (критическое состояние неустойчивого равновесия с множеством всевозможных слабо прогнозируемых исходов). Сегодня «капитализм» – это, как правило, рано или поздно неизбежно преодолеваемый, адаптирующийся.

Итак, капитализм – это система с уже общественной собственностью на общую жизнь, на работников, на территорию как пространство производства и с новой господствующими (доминирующими) отношениями собственности, как частной собственности именно на средства производства, как узурпации логически самого простого,

«механичного» (вещного, телесного), объекта обстоятельств производства.

В элементарной форме вещественного богатства («божественное социальное» и «смысл жизни») это потребительная стоимость (полезная вещь) или, как объект обстоятельств и отношений производства, средства производства жизненного или производительного назначения.

Общественная форма частной собственности на средства производства порождает производственное принуждение как экономическое отношение, именуемое отношением эксплуатации (в узком и строгом смысле). Прежние формы принуждения и «негатива» остались далеко позади, ибо это уже не животный страх и физическая сила, или диктат и повинность.

«Закон конца» капитализма, как формы, достигающей своего предела, обобщенно выражается законом капиталистического накопления, то есть ростом богатства на одной стороне и бедности – на другой (обнищание пролетариата), а также и его монополизацией. Однако эти марксовы формулы предельности капитализма относятся, прежде всего, и именно к «вульгарному» капитализму, поскольку «в последующих адаптациях формы предельности заметно изменились». Маркс дал теорию только и только прорывной ветви развития тогдашнего капитализма и дивергенции (расхождении) в где-то неизбежной бифуркации! И не более того, как говорится, возможны варианты.

Основное противоречие эндогенного (внутристранового) капитализма – это противоречие между объективным, происходящим в самом производстве обобществлением средств производства и ограниченной, необщественной частной собственностью на них.

«Основная стратификация капитализма («класс в себе») наиболее логически проста, чисто классически двухклассова – рабочий класс и буржуазия», а в самой эндогенной сути обусловлена собственно природой частной собственности на средства производства. «Эпоха буржуазии ... упростила классовые противоречия», свела их к черно-белой дихотомии.

Дело в том, что только в статической структуре квази-стабильного состояния капиталистического производства образуется номинальная расстановка сил (рабочий класс и капиталисты), которая почти «автоматически», правда лишь относительно «внешне» совпадает с революционной («класс для себя»), преобразовательной структурой основных сил.

Процесс преодоления капитализма социалистическими революциями в «негативном» содержании означал ликвидацию господства частной собственности на средства производства и их изъятие из ограниченного пользования. Это есть очередной шаг обобществления теперь уже основных средств производства и снятие (сберечь, сохранить «положительное» и вместе с тем прекратить, положить конец «отрицательному» – ХАТ) экономических производственных отношений. В «позитивном» производительном содержании преодоление капитализма означало объективный процесс технологизации (внешне как плановизации) производства. В результате, после социализации (первобытность) и демократизации (рабовладение), территориализации (феодализм), товаризации и индустриализации (капитализм), *«преодоление капитализма означало следующий шаг приучения общества и людей к плановой дисциплине труда, к коллективной работе в масштабах всего (отдельного) общества».*

Конечно, уже капиталистическая «фабрика научила пролетариат» планомерной работе, но это в корне, радикально еще совсем не то, в сравнении с *«научением» всего общества, т.е. с изменением всех общественных отношений».*

Социализм

Часто в «классовом» анализе можно наблюдать чисто механический перенос бинарной классической стратификации капитализма («плохие» капиталисты – «хорошие» пролетарии) на расстановку классовых сил при социализме, только теперь схема «верхние – нижние» трансформируется в ««пло-

хия» бюрократы – «хорошие» трудящиеся». Подобная бинарная логика «экономического мышления» широко используется в целом ряде «классовых идей», будь то аристократы, элиты, управленцы, менеджеры, номенклатура, бюрократы, администраторы, чиновники, партocrats, технократы, олигархи и т.д. Однако из «Полилогии...» известно, что исторические стратификации могут быть не просто иные, но и абсолютно другого логического типа. Тип и содержание любой социологической «классовой стратификации» – это всегда только следствия уяснения производственных отношений, форм и структур способа производства действительной жизни.

В линейной форме современного (или бывшего) социализма господствует ограниченная, необщественная (но вовсе не частная) собственность на процессуальные объекты обстоятельств производства, а именно на технологии (функции).

Технологии – это взаимосвязано осуществляемые, реализующие коллективный навык приемы труда, процессы производства, своего рода узлы связной взаимодействия людей (но никак не бесчисленные технологии в технико-технологическом или физическом смысле). Соответственно «технологическое» разделение отображается «отглагольными» явлениями типа: изготовление, выпуск, обработка, создание, внедрение, освоение, сборка, ремонт, испытания, исследование, проектирование, строительство, перевозка, снабжение, добыча, лечение, обучение и др. Никакого «продукта» во всем перечисленном не существует, хотя это все то же самое «производство и воспроизводство действительной жизни». Доминирующие отношения людей в связи с этими технологиями или процессами производства образуют плановую, отраслевую (линейную) форму социалистического способа воспроизводства действительной жизни.

Технологии обнаруживают (проявляют) себя юридически в виде бесконечно разнообразных участков, цехов, бригад, служб, отделов, предприятий, НИИ, колхозов, совхозов и более крупных образований. Эти технологии по своему

существу не могут находиться в частной собственности, ибо неотделимы от коллективной, совместной деятельности людей как «живущие участки производства». Но, «технологии тем не менее есть внеиндивидуальные, объективные процессы, которые в качестве доминирующего объекта обстоятельств производства и оказываются в ограниченной (необщественной) собственности, в узурпации».

Таким образом, доминирующее богатство обществ, в которых господствует линейная (отраслевая, плановая, короче, социалистическая) форма производства, выступает как огромное скопление выполняемых в производстве технологий (функций), а отдельная функция – как элементарная форма этого богатства.

Объективными (обезличенными) агентами технологического разделения труда являются относительно обособленные коллективы людей, выполняющих все эти взаимосвязанные процессы в общественной форме функций. Базовым механизмом связи является «соисполнение» функций. Поэтому, «подобно тому, как обмен товаров нуждается в «третьем» товаре (деньгах), соисполнение функций (процессов) нуждается в «третьих» функциях (процессах), в управлении». Это обстоятельство и становится основой уже, можно сказать, «вертикальной» сети функций функционального производства. Таким образом, в совокупности «горизонтальная» и «вертикальная» сети функций формируют группо-иерархическую структуру собственно функционального производства.

«В целом, – резюмирует А.С. Шушарин, – пока можно сказать так: вместо обмена, товара, потребительной стоимости и стоимости товара (в товарном производстве) в функциональном производстве соответственно выступают соисполнение, функция, работа и положение функции. Но если обмен товаров осуществляется на основе равенства (величин) их стоимостей, то соисполнение функций осуществляется логически радикально по-другому, на основе соответствия (величин) положения функции. Функциональность здесь и обнаруживает себя именно как связь соответ-

ствия».

Основной закон функционального производства, как метафорическое выражение его равновесия, это закон положения функций, который состоит в том, что «в среднем выполняется соотношение, при котором *статусы* (в своем предьявительском, потребительском содержании «благополучения», в частности все тех же льгот и привилегий) агентов всех функций *равны мощности конечных функций*, т.е. благообеспечению».

Итак, доминирующим объектом отношений собственности, по поводу которого складываются социалистические («функциональные») производственные отношения, являются «функции, технологии». В отношении (по поводу) этого объекта часто можно было услышать такие метафорические выражения как: моя (или не моя), наша (или не наша) бригада, смена, лаборатория, фабрика, завод, предприятие, колхоз, совхоз, кафедра, институт, отрасль, наука, и т.д., наконец, жизнь или страна (!). Эти речевые обороты являются смысловым и субъективным проявлением «собственности на технологии в форме статусов как доминирующих *смыслов бытия*». Это, по сути, расшифровка определенной ценности для человека и одновременно общественной формы богатства (благополучия), в связи с которым и складываются отношения людей, собственности.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что это говорит каждый, скажем так, «член коллектива» бригады, смены, лаборатории, фабрики, завода, предприятия, колхоза, совхоза, кафедры, института, отрасли, науки и т.д., наконец, нашей жизни или страны (!).

Таким образом, «технология» как совокупность функций является собственностью коллектива. Этой собственностью как совместным и взаимосвязанным процессом труда распоряжается (не юридически) по своему собственному разумению каждый обособленный коллектив (с его администрацией), а не общество. Представляется это настолько естественным и нормальным, что всё, что мешает этой собственности, вы-

глядит весьма предосудительным.

Собственность на технологии имеет новый, группоиерархический характер и напоминает в своей иерархичности феодальную собственность на «пространство производства», а по своим групповым элементам формально напоминает первобытную собственность на «общую жизнь».

Таким образом, это своего рода «технологический феодед», где собственно группа, можно сказать, как конечный и «массовый» исполнитель есть собственник производственного присвоения «технологий», а управление поэтакно представляет эту же самую собственность в ультраструктуре иерархии административного управления, имеющего дело с документами. Следовательно, *в целом собственник «по горизонтали» есть группа (коллектив) исполнителей, а по «вертикали» его представляют в иерархии управления различные ранги руководителей («номенклатура») с органами управления (аппаратами)*. «Центр» этой иерархии в нескончаемом дискурсе «планового торгоа» замыкает согласование функций в относительное целое. Таков «линейный» функциональный социализм, именно на этот уровень общественного развития вышел в своей материальной основе СССР как страна «реального социализма».

«Хозяином» функционального производства оказывается отнюдь «не «начальник» («центр»), не работники, а невидимая инертная середина, безликое большинство, а иногда и люмпенское меньшинство (разлагающиеся коллективы), а все управление лишь выражает эту молчаливую игру.

Между тем производящий труд, творчество, производят сложные идеи, которые невозможно сразу «принять и воплотить», согласовать, превратить в «план» или «мероприятие», ибо эти идеи вначале надо выстрадать, освоить, познать, т.е. изменить себя. Более того, *новые производительные силы выдвигают не просто идеи, а людей, несущих идеи, способных на идеи личностей, всегда выдающих из групповой нивелировки*. Но доминирующая

функциональная форма производства стоит на пути движения таких идей и, тем более, людей. Она со временем превращается в чудовищные тиски для творческих индивидов, которые являются носителями принципиальных новообразований и тем самым «рвут» со всем привычным, легко согласуемым и простым.

О более высоком уровне общественного производства, способа производства, метафорически именуемого информационным обществом, ни партии, ни движения, ни их кандидаты и не помышляют до настоящего времени, ибо интеллектуально, несмотря на порой даже избыточную активность, ««за душой» абсолютно ничего интеллектуально соразмерного с ситуацией в стране и мире» нет. Нет ни новой теории, ни соответственно новой восходящей идеологии, а есть лишь «перепевы», на все лады, старого и пройденного.

Однако следует заметить, как пишет А.С. Шушарин, что *«назревшие преобразования отживших производственных отношений осуществляет «народ», выдвигаемые им восходящие силы, преодолевающие как отжившее состояние так и «представляющие» новое, становящееся производство. Но в этом процессе всегда и везде реален огромный спектр многообразнейших сил, в том числе «перегибающих», реакционных, консервативных, инертных, маргинальных, деструктивных и т.д., использующих, как правило, близкие прогрессистские и «справедливые» популистские лозунги и вокабулы».*

Поэтому сначала необходим «скупой» и предельно абстрактный анализ их объективной расстановки, или основной, «статической», стратификации. Это еще и есть только лишь «теоретический класс на бумаге», «класс в себе» (Маркс), но без уяснения которого невозможно правильное понимание меняющихся, запутанных, реальных, то есть «динамических» расстановок сил, в том числе уже и «класса для себя».

В настоящее время существует множество различных «клас-

совых подходов», при этом часто говорится о рабочем классе.

Все такого рода подходы представляют собой механический перенос одного классического решения классового вопроса в классическом марксизме на качественно совершенно другое. В «Полилогии...» показано и доказано, что в других формах производства основные стратификации могут быть логически совершенно не похожи ни друг на друга, ни на самую простую в истории стратификацию классического буржуазного общества. Например, ни рабы и не крепостные в своё время в чистом виде не являлись восходящими силами; ибо не рабы сбрасывали рабство и устанавливали более высокие феодальные порядки, равно как не крепостные как таковые сбрасывают автаркию и устанавливают прогрессивные буржуазные порядки.

Непосредственно отображая господствующую собственность на «технологии (функции)», *основная производственная стратификация современного социализма группно-иерархична, а в своей преобладающей по массе численности обнаруживается метафорой «коллективы»*. Таким образом, образно говоря, что «низы» поделены вертикалями (коллективы), а «верхи» – горизонталями (иерархичность).

Реальный социализм внизу был буквально «молекулярен» на основе «производственного коллектива» (вспомним, что при феодализме говорилось об «атомизации» на основе «двора»), но именно «технологично (функционально)», «коллективно», что и образовывало всю иерархию его структуры. В этом отношении характерен незабываемый образ «реального социализма», когда каждый трудящийся, каждый гражданин не только пел от души «Наш паровоз (образ страны – авт.) вперёд летит...», «Мой адрес – не дом и не улица. Мой адрес – Советский Союз!», но и гордо говорил: «Наш коллектив, наше предприятие, моя работа». В целом можно сказать, что фундамент этой иерархии есть не только коллектив бригады, но и коллектив предприятия, и

коллектив отрасли – и всё это «коллектив», и «самодеятельный коллектив» – «коллектив», и вся страна – «коллектив», включая сюда все ступени иерархии коллективов всех сфер деятельности от самого низового звена, состоящего из некоторого набора функций, до страны.

Итак, *элементарный эндогенный социализм в линейной форме функционально иерархичен. Соответственно, «начальство» – тоже, можно сказать, класс, но лишь вкупе и в соотношении с исполнителями (коллективов), а не в собственном содержании, ибо эти «начальники» сами строго структурированы вместе с гроздьями чиновников партийного, административного и иного, но тоже функционального, управления (финансы, цены, охрана труда, пожарная безопасность, экология и пр.). Поэтому, по сути, стратификация социализма никак не классовая (в привычном дихотомичном смысле), а именно функционально-иерархична, с основой – трудящимися «трудовых коллективов» (как бы главный производительно, но социально пассивный класс), совместно обеспечивающими функционирование процесса производства и воспроизводства действительной жизни, и «дискретно», функционально разделённым всеобщим воспроизводственным процессом жизни, непрерывным, всеохватывающим и «неотчуждаемым». Отсюда и инерционность процесса, отторжение «новаций», ломающих налаженный ритм производства, слабость связей по горизонтали и «односторонняя», трудно пробиваемая снизу вертикаль.*

Восходящие эксфункциональные силы (акторы), «представляющие» новый способ производства и его производительные силы, оказываются здесь вне логики всей системы основной стратификации. Этим ещё и ещё раз подтверждаются известные соображения о несовпадении «бумажного класса» («в себе») в стратификации квазистабильного состояния общественного развития и восходящих сил динамической стратификации в критический период развития.

Несколько слов об информационном обществе

Действительно, как показала практика последних советских лет, *«нужен принципиально новый работник, способный более широко видеть все многообразие связей и понимать последствия своих поступков, своих решений»*. Это во многом связывается с компьютеризацией труда, с наличием и необходимостью владения огромным объёмом разнообразной информации, который сам человек физиологически освоить не в состоянии. Несомненно, что такой работник, «трудящийся нового типа», уже давно потенциально складывался.

Поэтому ряд «постиндустриалистов» прозорливо утверждает о грядущей смене управления «не стихией рынка, а решениями». Осуществить это сможет, естественно, не «элита», а только относительно массовый субъект, «трудящиеся нового типа». Таким образом, в будущем предстоит сменить не только «стихию рынка», но и уже более высокую «стихию плана».

Более того, можно сказать, что до последнего времени человечество стремилось главным образом изменить природу, однако уже сегодня, «чтобы не покончить с собой, человечеству необходимо вернуть себе (почему вернуть, а не создать?) способность *понимать* (природу), а сперва, заметим, ее же высшую форму – общество. К тому ж не только понимать, но и нечто преобразовывать. Отношения».

Таким образом, восходящий постсоциалистический прорыв, если он состоится, связан с переменами в направлении всеобщей информатизации и интеллектуализации производства, повышения роли знаний. *В «классовом» вопросе «поиска субъекта» следует иметь в виду, несомненно, «транспрофессионалов» и «информационистов» как стратегических посредников между различными типами знаний, типами и сферами деятельности, контроля и управления. «Искать» в первую очередь следует среди*

тех трудящихся, кто свободно ориентируется во всём информационном пространстве, умеет и владеет им, пусть даже на правах «частной собственности», ибо иначе пока и не бывало в освоении типологически новых объектов «действительной жизни».

Сам «поиск» вызван тем, что «новые трудящиеся» современного социализма «как восходящие силы на априорную самономинацию не способны, без сопровождающего идеологического, сперва научного, обновления». Без массового процесса идеологического обновления они остаются «классом в себе», лишь теоретически (не массово) представляя некие силы в части обобществления технологий.

В заключении уместно привести следующие слова автора «Полилогии...»: *«Кризис социализма и всего мира со вселенской нелинейностью фокусируется именно на профессиональном уровне идеологического кризиса, без положительного разрешения которого, вероятнее всего, социализм и весь мир гибнут в катастрофе. Ведь что такое уже часто склоняемые и упоминавшиеся межпрофессиональность, транспрофессиональность, трансдисциплинарность и пр., когда некое «всезнание» абсурдно по определению? А это и есть прежде всего новое профессиональное социальное знание, новое социальное видение всего современного мира, каковое только и может образовать новый геном, затем – интеллигенцию, в итоге – идеологию, наличие которой, напомню, собственно, и отличает людей от братьев меньших. Армагеддон, повторю, находится в тиши кабинетов и библиотечных залов, в битве «толстых книг» в головах «астирантского народа»».*

Современная Россия

Таковы «классы» в развитии от капитализма и до информационного общества, да и то лишь для градаций, представленных лишь чистыми эндогенными формами (ЧЭФ) как чистыми способами производства действитель-

ной жизни. Но, как вначале указывалось, каждая градация есть композиция всех известных ЧЭФ и лишь только одна из них доминирует (главенствует), «освещая» и деформируя все остальные. Поэтому рассмотренную вначале классовую стратификацию капитализма на основе типологического объекта «средства производства» (первая группа, ЧЭФ «капиталистическая») следует, во-первых, дополнить «силами», стоящими за каждой из известных, «ранее исторически пройденных», типологий ЧЭФ.

Сегодня в России доминирует капиталистический (экономический) способ производства с объектом частных отношений собственности «средства производства». В то же время такая (вторая) группа типологических объектов отношений собственности как «общая жизнь», «работник» и «пространство производства», а также и соответствующие ЧЭФ в целом обобществлены, то есть входят в инфраструктуру общества и находятся «под контролем всеобщего интеллекта», под контролем общества.

Имеется ещё и третья группа типологических объектов, в частности, таких как «информация» (информатика, информационное пространство), «знания» (как осмысленная и упорядоченная информация). Объекты этой группы ещё не вполне актуализированы и активизированы, многие пока ещё не только не актуальны, но и вообще не воспринимаются как нечто самостоятельное и значимое (в смысле их типологии). Однако в конкретном проявлении за этими объектами порою встают существенные силы, не учитывать которые нельзя.

Теперь несколько подробнее о силах, стоящих за второй группой типологических объектов.

С одной стороны, люди как агенты производства относятся к объектам второй группы как «к общим». Соответственно «трудящиеся нового типа», как строители и проводники более совершенного в типологии способа производства (а это сегодня «функциональный (социалистический)» и «информационный» способы производства) «по

их отношению» к уже обобществлённым типологическим объектам второй группы едва ли имеет какие-либо принципиальные, скажем так, «претензии», разве что по текущему улучшению и совершенствованию, устранению всяческих деформаций. Близкое к этому отношение будет и со стороны «прочих классов», ибо как-никак, но эти объекты уже обобществлены, поэтому как такового «революционного противоречия» между общественным характером производства и частной формой присвоения в отношении этих объектов, можно сказать, не существует.

Однако, с другой стороны, для людей как агентов, работающих в сфере производства на основе объектов второй группы, их деятельность и отношение к этим объектам несколько иное. Они для них являются, если так можно сказать, источником текущего заработка, это объект их благополучия, стабильности и, во многом, судьбы. К тому же работа в госучреждениях и на госпредприятиях считается стабильной, а иногда и хорошо оплачиваемой. При этом, как было отмечено, отсутствует так называемый источник противоречий «между общественным характером производства и частной формой присвоения (благ)». Следствием чего во многом и является, как иногда пишут (об интеллигенции), «двойственная природа» и «противоречивая роль в революционном процессе» агентов в этой сфере производства, что, однако, не исключает их социальной активности в определённых условиях. Действительно, в сферах деятельности второй группы множество интеллигенции, ибо это области здравоохранения, культуры, воспитания и образования, профессионального обучения, правоохранительных органов, регионального и местного управления, государственной службы и т.д. Объект их производственных отношений уже давно обобществлён.

Интересно, что, например, в статье «Пролетарий в шляпе» (ЭФГ № 16–17, май 2009 г.) в схеме «классовой структуры» из пяти выделенных «сфер общественного производства» четыре относятся ко второй группе ЧЭФ, правда,

в несколько ином обозначении. Только лишь одна сфера «Материальное производство и воспроизводство» соответствует ныне доминирующей ЧЭФ «капиталистическая», которая основана на типологии объекта «средства производства».

Во-вторых, рассмотренные выше стратификации следует дополнить «силами», стоящими за только ещё грядущей активизацией и последующим доминированием типологией будущих ЧЭФ, которые ещё во многом не осознаны или «не так поняты». При этом следует помнить, что «освоение» новой типологии объектов и механизмов взаимодействия агентов по их поводу осуществляется вначале через институт отношений частной собственности. Этот факт подробно раскрывается в «Полилогии...» на всех этапах исторического восходящего развития общества. Однако и здесь возникают противоречия, но уже иного рода, а именно противоречия между существующим (действующим) механизмом взаимодействия агентов производства («товарообмен») и типологически новым объектом производственных отношений (отношений собственности), объектом, который «требует» иного механизма взаимодействия (например, «соисполнения», «плановости»), но агенты вынуждены пользоваться старым механизмом.

В-третьих, в критической ситуации рассмотренные выше стратификации следует дополнить «силами», стоящими за теми же, если так допустимо сказать, «обобществлёнными» агентами инфраструктуры производства и воспроизводства действительной жизни. Здесь так же формируются противоречия между «природным» механизмом взаимодействия агентов инфраструктуры производства («общение», «трудообмен» и «соседствование») и навязанным им в форме «деформации» доминирующим типом объекта механизмом взаимодействия («товарообмен»).

Разумеется, не все конкретные объекты и соответствующие конкретные производства (деятельности) охвачены этим доминированием (в форме деформации), однако там,

где это имеет место, агенты инфраструктуры вынуждены подчиняться действующему механизму «товарообмена», то есть рыночным, товарно-денежным отношениям. В частности, это выражается в том, что многие, даже сторонники марксова учения, считают вполне нормальным, пусть даже для капитализма, продажу детей, здоровья, культуры, а в запальчивости – «чести и совести», Родины и т.д. Довод у них прост: если что-то продаётся, то это и есть товар, хотя, строго говоря, «товар» есть всего лишь «вещь», телесный предмет, который как ценность представлен в теории «средствами производства».

И, наконец, последнее, – что есть восходящий класс, «трудящиеся нового типа»?

Выше было отмечено, что *«Основная стратификация капитализма («класс в себе») наиболее логически проста, чисто классически двухклассова – рабочий класс и буржуазия», а в самой эндогенной сути обусловлена собственно природой частной собственности на средства производства»*. Образуемая номинальная расстановка сил (рабочий класс и капиталисты) почти «автоматически» относительно, правда лишь относительно «внешне» совпадает с революционной («класс для себя»), преобразовательной структурой основных сил. Вот в этих «относительно «внешне»» и «почти» скрыта пока ещё огромная пропасть, разделяющая даже динамический «рабочий класс для себя» и «трудящиеся нового типа». В данной ситуации, ситуации капитализма, «новым типом трудящихся», то есть господствующим (доминирующим) классом при социализме (как следующей после капитализма новой градации) является класс собственников «технологий, функций», которые находятся при социализме в ограниченной (не общественной), группо-иерархической собственности.

Далее. Ранее было показано, что *стратификация социализма никак не классовая (в привычном дихотомичном смысле), а именно функционально-иерархична, с основой – трудящимися «трудовых коллективов», совместно обеспечивающими функционирование процесса производства*

и воспроизводства действительной жизни.

Таким образом, для преодоления упомянутых метафорических «относительно» и «почти» при переходе от «революционного рабочего класса для себя» к «коллективу», а точнее, к «трудовому коллективу» как некой организованной группы трудящихся (рабочих), «совместно обеспечивающими функционирование процесса производства», необходимы, скажем так, их организация, структуризация и «озадачивание». Иными словами, «трудовой коллектив» должен выступать как некое единое целое со своими потребностями и интересами, целями и задачами, а если кратко и на юридическом языке, то как «юридическое лицо» (вначале де-факто, а затем и де-юре), «обеспечивающее функционирование процесса производства».

В современных условиях капитализма с появлением класса «нового типа трудящихся» соединение «средств производства», находящихся в частной собственности капиталистов, и «рабочей силы» должно (с позиций трудового коллектива) осуществляться посредством двухстороннего договора владельца «средств производства» и владельца «технологий, функций» (грубо – рабочей силы, но и не только «силы») в лице «трудового коллектива» нового типа трудящихся. Обратно, можно сказать, это должен быть конкретной производственный договор «класса с классом», но в лице конкретного «капиталиста» и конкретного «трудового коллектива». Следует заметить, что и сегодня подобие такого договора имеет место, но в нём принимает участие не сам трудовой коллектив как юридическое лицо и собственник «технологий и функций», а профсоюз. Однако профсоюз представляет всего лишь интересы работников наёмного труда данного производства, разрозненно продавших (или продающих) свою рабочую силу, а не вступивших как единое целое в совместную сделку с капиталистом, владельцем всего лишь «средств производства». В результате, в отличие от владельца «средств производства» («хозяина»), фактический владелец «технологий и функций» не воспринимается так же, как «хозяин» вла-

дельцем результатов (продуктов) производства по этой сделке. А ведь это результат и итог их совместной деятельности.

И второй, важный момент, вытекающий из определения класса «трудящихся нового типа» (коллективов). Это то, что коллектив это не просто группа трудящихся «по горизонтали», но это и вся иерархия управления функционированием и развитием «по вертикали», разумеется, в своей части по поводу «технологий и функций». Что означает и включённость в класс «трудящихся нового типа» при капитализме научно-технических работников (НТР), младший обслуживающий персонал (МОП), работников служб управления, а так же прочих сопряжённых служб и цехов. Более конкретный состав «коллектива трудящихся нового типа» подскажет практика работы и борьбы за «трудящихся нового типа».

Итак, по сравнению с классической марксистской ситуацией, появилось радикально новое обстоятельство – на порядок возросшая сложность постигаемых структур и тенденций современного мира. А это, одновременно, и некое совершенно новое качество в содержании и динамике идеологического процесса. Сегодня часто к прогрессивным силам относят «рабочий класс», рабочих высшей квалификации, крестьянство, научно-техническую (прежде всего заводскую) интеллигенцию, выделяют особую роль директоров предприятий и т.п. Но при этом буквально оставляют «за сценой» наше учительство, здравоохранение, транспорт, строительство, науку, сферу обслуживания, наконец, управление, или, с другой стороны, идеализирует рабочих и крестьян, когда давно не секрет, что и в самых «низах» реальны явления богаделен, несунов, группового эгоизма, рвачества, иждивенчества, люмпенства и пр.

Однако «рабочий класс» в традиционном марксистском понимании остаётся пока всего лишь «протестным классом», хотя и во многом близко стоящим к классу «трудящихся нового типа». *Субъектами надвигающихся революционных перемен (динамической стратификации) являются, можно*

сказать, «функционалисты» («истинные» социалисты)) – это, прежде всего, как говорят, «авангард промышленного пролетариата», трудящиеся: научно-технические работники, менеджеры и управленцы, крестьяне и торговцы, служащие и работники культуры, «ремесленники» и мелкие предприниматели, ... – все, кто действительно налаживает и склонен налаживать новую хозяйственную жизнь, новый рациональный тип производства и без «неимущих средств производства», ибо «средства производства» будут обобществлены.

Наконец, не следует забывать и о том, что «класс» – это некие абстрактные агенты воспроизводственного процесса действительной жизни, тогда как реальные люди, каждый гражданин, даже в течение одного дня, а то и «одного мгновения», выполняет множество «ролей» этих абстрактных агентов производства. При этом ответить какая из этих ролей является для него основной весьма затруднительно, тем более сложно отнести его в целом как индивидуума к только одному, вполне определённом, но абстрактному, теоретическому, «классу».

Таким образом, действительно углублённый и развёрнутый «классовый анализ» только и возможен на современных научных основаниях. Лишь овладение современной социологической теорией развития общества, такой, например, как «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)» А.С. Шушарина, даёт необходимые шансы на адекватный ситуации анализ «классовой борьбы» и классов. Хотя, как это показано и доказано в «Полилогии...», все классовые явления вторичны по отношению к собственно самим материальным основам общества и его исторического восходящего развития. Поэтому в любом анализе необходимо начинать именно с них, с анализа развития материальных основ общества, что и было продемонстрировано в настоящем материале.

И уж совсем абсурдно сводить все проблемы восходя-

щего развития общества только к «классовой борьбе», «классовому сознанию», «к взятию государственной власти в свои руки», забывая, что наша действительная жизнь в основе своей материальна (высшая, социальная, форма движения материи), а «структурно» есть всего лишь композиция различных способов её производства и воспроизводства.

Приложение 4

О «трудовом и творческом потенциале» трудовых коллективов.

(«Трудный путь» к пониманию трудового коллектива и его «собственности»)

1. Трудовой коллектив как субъект права

С энтузиазмом и надеждой воспринял инициативу «Экономической и философской газеты» по «широкому обсуждению и внесению поправок и дополнений, соответствующих современным реалиям», в проект Федерального закона «О трудовых коллективах», когда-то внесенного на рассмотрение в Госдуму по инициативе КПРФ.

Полностью поддерживаю точку зрения редакции ЭФГ в том, что ключевыми моментами данного законопроекта являются:

1. Констатация самого факта существования трудового коллектива как некоего субъекта права, отсутствующего в нынешнем законодательстве РФ.

2. Описание прав и полномочий трудового коллектива, позволяющее ему влиять на те или иные процессы организации...

Однако, ознакомившись с текстом «проекта» спустя много лет после его разработки, во многом иначе воспринял его, особенно главу 1 «Общих положений». Причиной неожиданно «нового прочтения» стало, если так можно сказать, знакомство с недавно вышедшей из печати пятитомной фундаментальной социологической теорией развития общества А.С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)» (см. <http://www.shusharin.ru> и <http://www.polilogiy.narod.ru>).

Изучение данной теории показало, что она является той научной базой, которая позволяет более чётко и объективно понимать как саму суть закона, так и формулировать его

основные положения и статьи. Во-первых, и самое общее, – «современные реалии», на которые указывает в редакционной статье А.П. Проскурин, есть, прежде всего, когнитивные начала «всего и вся» в нашей жизни, в развитии общества. Это и «новый профессиональный язык» (теории) самого современного понимания законов развития общества, это, наконец, и всюду присутствующий «глобальный аспект отнюдь не быстрого негэнтропийного подъёма всего социума» как тенденции преодоления насильственного мира. Суть этого подъёма по возрастанию сложности общества лежит на пути гуманизации и обобществления «технологий и функций» не только в национальном, но и уже в глобальном (экзогенном) восходящем преодолении «очередных» исторически отживших форм. Одним из важнейших признаков современного гуманизма является его обращение к разуму как научной рациональности, преодолевающей границы опыта (но, конечно, не самого опыта), основанного на непрерывной череде метода «проб и ошибок». То есть гуманизм в развитии общества – это, прежде всего, **«научность»** в решении всех проблем его восходящего развития.

Следует особо заметить, что такое понимание исторического момента никак не связано с «текущими» идеологиями современного общества, – это, как утверждает «Политология...», есть всего лишь проявление «второй стороны «основного закона» гуманизма». Проявление этой «научности» мы уже наблюдали в период начала «перестройки», выражавшийся в небывалом **«авторитете науки»**, «который, – как писал А.С. Шушарин, – пусть даже ещё неустойчивый, но определяется уже не намерениями интеллектуалов, а самим типом общественного производства, <...>, когда в радикальном отличии от всех предшествующих форм идеологических процессов вдруг обнаружилась *политическая популярность учёных, превзошедших популярность звёзд экрана <...>*.

Дальше, правда, картина стала очень быстро меняться. Крупный прокол вышел в народных надеждах практически

на всех упомянутых лиц (от Абалкина Л. до Ясина Е., всего 36 фамилий – ХАТ), у которых, так сказать, «за научной душой» не оказалось **ничего**».

Таким образом, в деле дальнейшего развития «социальной материи» сообразно самой культуре современного мышления необходимы, прежде всего, уже понятийные, теоретические, научные обоснования. Очевидно так же и то, что прежний багаж «научности», в том числе и в рамках «традиционного марксизма» оказался явно недостаточным для решения проблем, «соответствующих современным реалиям».

Поэтому в разрешении вышеупомянутых проблем «о трудовых коллективах» будем опираться на науку и действовать «по науке» – по теории «Полилогия...».

1.1. О трудовом коллективе как субъекте права на владение объектом собственности «функции, технологии»

Субъектами гражданского правоотношения являются его участники. В каждом правоотношении участвуют не менее двух субъектов, в противном случае нет ни общественно-го отношения, ни правоотношения. Например, собственник предприятия (точнее «средств производства») является управомоченным лицом, поскольку само право собственности определяется, как право лица владеть, пользоваться, распоряжаться неким объектом, в данном примере – вещью или иначе – «средствами производства».

То есть объектом гражданского правоотношения является то материальное или нематериальное благо, по поводу которого это правоотношение возникает. Поэтому важной, можно сказать решающей, характеристикой субъекта права является правильно представленное определение его объекта владения, пользования и распоряжения через указание на те блага, которые представляют интерес для субъектов гражданского права, вступающих ради этих благ в определенные отношения.

Известно, что объектами гражданских правоотношений могут быть вещи, действия (в том числе услуги), результаты действий, результаты духовного и интеллектуального творчества и пр. Под объектами права следует понимать то, на что направлены права и обязанности субъектов правоотношений.

Таким образом, участники гражданских правоотношений по отношению друг к другу выступают как юридически равные субъекты, обладающие организационно-правовой и имущественной, объектной обособленностью, а само гражданское правоотношение представляет собой сложную правовую категорию, состоящую из трех обязательных элементов: (1) субъектов, (2) объектов и (3) содержания.

Однако в опубликованном проекте закона «О трудовых коллективах» отсутствует, в отличие от субъекта «социально-экономических отношений» (ст. 2), статья, прямо определяющая основной объект собственности субъекта, то есть то, через что является субъект «трудовой коллектив» «управомоченным лицом». Короче, собственником чего является «трудовой коллектив»?

Для ответа на этот вопрос рассмотрим небезызвестную типовую коллизию из жизни современного трудового коллектива.

Одним из незыблемых прав трудового коллектива является право на забастовку. Чем и как подкрепляется это право, чем так силен и богат трудовой коллектив, что позволяет ему иметь такие «разрушительные» и в то же время весьма действенные права? Вероятно, за этим и скрывается существенная сторона трудового коллектива, который в состоянии противостоять «на равных» так называемому «хозяину производства» с его силой и богатством в виде собственности на «средства производства» (капитал). В силу «симметрии» в таком «равновесном» противостоянии это так же есть некая собственность, но уже собственность трудового коллектива, собственность не на «вещи» («средства производства»), или их капитализированной форме «капитал», а на процесс, на

так называемые в «Полилогии...» А.С. Шушарина «технологии, функции».

Согласно Трудовому кодексу РФ (Глава 61. Рассмотрение и разрешение коллективных трудовых споров), понятие «**забастовка**» есть *«временный добровольный отказ работников от исполнения трудовых обязанностей (полностью или частично) в целях разрешения коллективного трудового спора» как «неурегулированных разногласий между работниками (их представителями) и работодателями (их представителями)...».*

Право на забастовку отражено в статье 409 «Право на забастовку» в соответствии со статьёй 37 Конституции РФ.

Как видно, в формулировке понятия «забастовка» указывается на отказ работников от исполнения их «функции», называемой в тексте «трудовыми обязанностями», «возложенными на него (работника – ХАТ) трудовым договором» «в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой **функции**» (Статья 56. «Понятие трудового договора...»). Далее, в «Статье 57. Содержание трудового договора», читаем: «... трудовая **функция** (работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы)».

Кроме того, как вытекает из текста определения понятия «забастовка», только работник (коллектив) находится в таком отношении к объекту «трудовые **функции**», что лишь он «в состоянии» отказаться «от исполнения трудовых обязанностей», то есть отказаться от исполнения «**функции, технологии**». Вот это-то и есть проявление отношений собственности на «технологии, функции», ибо только «работники», трудовой коллектив, являются «владельцами» (владеют!) «функцией» («технологией»), ибо только они и могут «распорядиться» (!) ими, например, в форме отказа от их «использования» (!). То есть, в этих формулировках полностью, скажем так, де-факто, отражено это проявление этого права:

он, трудовой коллектив, есть собственник такого объекта как «функции, технологии», только он ими (1) «владеет», (2) «распоряжается» и (3) «исполняет».

Действительно, действующий Гражданский кодекс РФ так и определяет содержание и права собственности: «Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения...». Следовательно, очевидно, что именно трудовой коллектив есть субъект (собственник), у которого имеется исключительное и изначальное право на владение, распоряжение и пользование таким **объектом** отношений собственности как «**функции, технологии**».

Таким образом, силой и богатством (в буквальном смысле) трудового коллектива является обладаемая (владеемая) им «собственность» на производственную «функцию» или, как даётся в «Полилогии...» в форме категории, «технология», но не в узком инженерно-техническом смысле, а в качестве элементарного проявления её даётся как «функция» отдельного исполнителя или более мелкого производственного подразделения. Вот об этом, главном, главном концептуально, и следует в первую очередь «правоустанавливать» в Федеральном законе РФ «О трудовых коллективах». А затем уже следовать и в части утверждения «самого факта существования трудового коллектива» как субъекта права, связывая это с объектом исключительного права в чётко определённой типологии объектов собственности как «функции, технологии», отсутствующего в нынешнем законодательстве РФ.

Таким образом, в этом частном примере, образно говоря, забастовка есть столкновение интересов двух сторон «собственников». Одна сторона – это владелец («собственник») «средств производств» или «хозяйин средств производства», а другая сторона – это владелец («собственник») «функции», «технологии» того же производства или, как говорится в быту, «хозяйин производства» как процесса.

Однако в Трудовом кодексе РФ, например, в статье 20, «сторонами трудовых отношений являются работник и работодатель», а не работодатель и трудовой коллектив. Бо-

лее того, несмотря на декларирование «социального партнёрства» и «равноправия сторон», «неравноправны» даже обозначения сторон. Так, с одной стороны, пишется «дают работу» (работодатель), а с другой – «нанимаются на работу» (работник), но не «наоборот». В нашей же трактовке, с применением закона «О трудовых коллективах», это бы прозвучало примерно так: трудовой коллектив (работников) берёт на себя исполнение производственных «функций», а владелец (хозяин) организации предоставляет «средства производства» и т.п., то есть происходит равноправное, как говорят в науке, соединение «рабочей силы» («функций и технологий») и «средств производства». Кроме того, приоритет в представлении интересов работников следовало бы закрепить не за «соответствующими профсоюзами» (как в ст. 29–31 ТК РФ), а за трудовым коллективом, осуществляющим производственную «функцию».

В последующем тексте кодекса это неравноправие оформляется в ст. 56 «Понятие трудового договора...» уже в таких выражениях как «работодатель обязуется предоставить работнику работу», а не «средства производства» как «собственник средств производства». То есть «напрямую» закладывается неравноправие, а «социальное партнёрство» сводится фактически к производственному диктату, превращая не только работника, но и весь трудовой коллектив в «рабочую силу» и не более. Это-то и даёт так называемому «работодателю» формальное основание считать, что весь доход предприятия (организации), вся получаемая прибыль и вся «прибавочная стоимость» есть собственность «работодателя», его собственность, а не собственность трудового коллектива работников, теперь уже окончательно не «равноправного» «социального партнёра».

Вот это неравноправие, заложенное в Трудовом кодексе РФ, и призван, по нашему мнению, устранить закон «О трудовых коллективах РФ» в доработанном редакции ЭФГ варианте проекта Федерального закона, ибо в «действительном производстве» происходит лишь «логическое сложение»

«средств производства» одного владельца (хозяина «организации») и «функции, технологии» другого владельца (трудо­вого коллектива). Это «логическое сложение» по сути равно­сильных сторон (или «факторов») собственно и позволяет сформировать дееспособное производство, как говорится в теории развития общества, по «производству и воспроизвод­ству действительной жизни».

2.2. О «субъект-объектных» отношениях в редакции проекта

1. Итак, начнём с главного в нашем анализе проекта зако­на «О трудовых коллективах», – со статьи 2 *«Трудовой кол­лектив организации – субъект социально-экономических отношений»*.

Речь идёт о «социально-экономических отношениях», но вот «по поводу чего» и «в связи с чем» сказано, мягко говоря, не только не внятно, но и вообще ничего не сказано. Правда, упомянуты «экономические отношения», но что за ними сто­ит, в чём их суть? Об этом можно лишь догадываться и ча­стично прояснять по дальнейшему контексту статей закона. А ведь за этим скрывается главная сторона сути закона о тру­довых коллективах как субъекте «социально-экономических отношений».

2. Пункт 1 статьи 2 закона гласит: *«Трудовой коллектив ор­ганизации является субъектом социально-экономических отношений, включая отношения собственности, осно­ванные на праве свободного распоряжения своим трудо­вым и творческим потенциалом»*.

Здесь социально-экономические отношения раскрыва­ются через отношения собственности по поводу «трудо­вого и творческого потенциала» трудового коллектива. Казалось бы, далее должен быть пункт, раскрывающий и прямо на­зывающий этот «потенциал» как «объект отношений соб­ственности», которым владеет трудовой коллектив на правах

ограниченной (не обобществлённой) собственности. Это понятие «трудового и творческого потенциала» близко к категории объекта (процесса!) отношений собственности именуемого в «Полилогии...» как «**технологии, функции**».

И действительно, ниже, в пункте 3 статьи говорится, что «Трудовой коллектив организации объединяет ... способности к труду ... и использованию трудового, интеллектуального и творческого потенциала работников в деятельности организации». Однако сам объект отношений собственности «объектом отношений собственности» так и не назван. Почему?

Вероятно, в этом отразилось влияние использованной теоретической базы при подготовке текста этой статьи закона. К тому же в такой формулировке как «потенциал» этот объект и не обозначается как объект, а воспринимается как некое свойство трудового коллектива.

Так, например, согласно классическим марксистским представлениям об «общественно-производственных, или экономических отношениях» и «прежде всего отношениях собственности» эти отношения собственности «всегда связаны с вещами, то есть со средствами и предметами труда, а также с результатом труда – продуктом. Это значит, что отношение собственности есть отношение человека к человеку через посредство вещи».

То есть классический марксизм видит лишь «объективные материальные, экономические отношения людей друг к другу в процессе производства, выражающиеся в их отношении к средствам производства и результатам труда как к своим или как к чужим». А отсюда следует два типа отношений собственности «к средствам, предметам и результатам труда», соответственно, – «тип частной собственности» или «тип общественной собственности», что далее и находит отражение в правовых отношениях собственности. Других объектов отношений собственности и в целом «общественно-производственных» кроме как «вещей» ни традиционный марксизм, ни современная власть и общество не видят и не приемлют.

Это и объясняет, почему в проекте Закона субъект в лице трудового коллектива представлен, говоря образно, как «безлошадный», то есть лишенный, по сути, права на его имманентный, исключительно только ему присущий и изначально неотделимый от него, объект собственности (объект отношений собственности). Но именно в силу этой «имманентности» так или иначе, этот объект постоянно возникает в той или иной «словесной упаковке». Именно поэтому и возникла сама идея Закона о трудовых коллективах (в не зависимости от воли и сознания людей) как оформленного права на владение этим объектом и прочими правами в сфере «общественно-производственных» отношений.

Люди, а в нашем обсуждении – трудовые коллективы – для марксизма всего лишь «основной элемент производительных сил общества», к которым относятся «средства производства (средства труда и предметы труда – ХАТ) и люди, обладающие определённым производственным опытом, навыками к труду и приводящие эти средства производства в действие». Вот эту способность человека к труду в классическом марксизме именуют «рабочей силой», которая при капитализме «становится товаром». («Способность» – это не объект и не «вещь», а поэтому товаром быть не может – ХАТ.) «Классики» следующим образом определяли понятие «рабочая сила»: рабочая сила есть «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости».

Наконец, там же утверждается, что «целесообразная деятельность человека, или труд, и средства производства являются необходимыми факторами процесса труда», всякой производственной деятельности. То есть процесс труда есть «взаимодействие рабочей силы и средств производства».

Так что же это за объект отношений собственности, о котором необходимо прямо заявить в Законе о трудовых коллективах, и, который, так или иначе, представлен в силу сво-

ей имманентности трудовому коллективу в таких метафорах, факторах и категориях как «трудовой и творческий потенциал», как «совокупность физических и духовных способностей», как «навыки к труду», как «целесообразная деятельность человека или труд» и «рабочая сила»? То есть некая работа, но не вещь и не свойство, а **процесс!**

Как уже ранее кратко отмечалось, согласно теории развития общества А.С. Шушарина «Полилогия современного мира...», таким объектом, объект-процессом, являются «технологии», а как элементарные явления – «**функции**», «**работа**». «*Технологии, – пишет А.С. Шушарин, – это и не люди, и не средства производства, и не бесчисленные технологии в квазивещественном (тем более физическом) смысле, а взаимосвязано осуществляемые, реализующие коллективный навык приёмы труда, знания, процессы производства, своего рода узлы или, по моде, «кластеры», связанной взаимодействия людей.* <...>

... в самых первых представлениях технологии обнаруживают (проявляют) себя юридически в виде бесконечно разнообразных участков, цехов, бригад, служб, отделов, лабораторий, далее – предприятий, НИИ, колхозов, совхозов, более крупных образований. В основе всех этих внешних, юридико-организационных форм и лежат ячеисто взаимосвязанные процессы производства, технологии. Все эти технологии по своему существу никогда не могут находиться в частной собственности (хотя отношения с ними, конечно, могут быть капитализированы); они всегда неотделимы от коллективной, совместной (сорганизованной) деятельности людей как «живущие участки производства» (вспомним «живущую пашню»). Но, будучи неотделимыми от деятельности людей, технологии тем не менее есть внешнеиндивидуальные, объективные процессы, которые в качестве доминирующего объекта обстоятельств производства и оказываются в ограниченной (необщественной) собственности, в узурпации».

Вообще же основной характеристикой всякой деятельности, человека или (трудового) коллектива, «является объектность деятельности, её субъект-объектная ориентированность. <...> ...содержание проблемы объектности деятельности заключается в том, что деятельность как субъект-объектное отношение понимается как способ воспроизводства объекта в способах человеческой деятельности» (см. «Деятельность как социальный феномен»).

Таким образом, «технологии» – явление фундаментальное (как и средства производства), классически не поддающееся определению, ибо есть типологическая часть всей действительной жизни общества. Вся же действительная жизнь общества есть совокупность таких типологически разных объектов производства и воспроизводства действительной жизни как «общая жизнь», «работник», «пространство производства и жизни», «средства производства», «технологии, функции», «информация и знания» и т.п., которые есть либо процессы (объект-процесс), либо «предметы» (объект-предмет).

Соответственно обезличенными агентами такого объективно логического среза производства и воспроизводства действительной жизни (а не только собственно промышленного производства) как взаимосвязано осуществляемых *технологий, процессов*, являются относительно обособленные *коллективы* людей, выполняющих все эти взаимосвязанные процессы в общественной форме *функций*. То есть эти агенты и есть **трудовые коллективы**.

Содержанием, «телом», носителем функции, элементарной технологией или элементарным предметным богатством такого функционального среза производства является полезная работа (процесс) в бесконечном разнообразии ее конкретного содержания. Поэтому в таком, функциональном срезе производства нет никакого продукта, в функциональном производстве его не существует, здесь есть только процессы, можно сказать, и услуги, но тогда это будут «услуги» металлургические, авиастроительные и т.д.

Наконец, здесь же необходимо сказать не только о том, что есть объект собственности трудового коллектива, но и характеризовать логическую структуру собственности «на технологии-функции», которая в традиционном марксизме понимается лишь как «частная» или «общественная», причем даже не предполагается вообще любой иной их логической структуры, кроме упомянутой, «атомарной».

Собственность на технологии имеет, по сравнению с классическим марксизмом, новый, группо-иерархический характер, т.е. логически в своей иерархичности формально напоминает феодальную собственность на пространство производства (на процесс производящей территории), а по групповому характеру внешне напоминает первобытную собственность на общую (совместную) жизнь.

«Технология» является собственностью коллектива, – утверждает «Полилогия...», – а этой собственностью как совместным и взаимосвязанным процессом труда распоряжается (конечно, не во внешнем, юридическом смысле) по своему собственному разумению каждый обособленный коллектив вместе с его администрацией, а не общество – это и есть сама собой разумеющаяся данность, естественная, абсолютно нормальная, морально-положительная. В самом деле, меняются заявки, меняются потоки, сваливаются горы заданий, инструкций, директив, «но при этом, – пишет А.С. Шушарин, – реальное распоряжение технологией, расстановка людей, организация процесса, использование всех элементов технологии, в том числе и разлюбленных средств производства, незыблемо как гранит остаются святым, кровным делом коллектива».

Таким образом, «собственность на технологии в своем «чистом виде» имеет не просто групповую, не иерархическую, не дихотомичную и т.д., но и не аморфную, а совершенно определенную группо-иерархическую объективно-логическую структуру (своего рода «геометрию») иерархии «собраний»».

2. Трудовой коллектив – ключ к восходящему будущему, ключ к социализму

2.1. О «маркировке границ трудового коллектива»
и принципах правового регулирования производственных
отношений

3. В статье 5 *«Основные права и обязанности трудового коллектива»* в пункте 2 записано: *«Трудовой коллектив, предоставляя организации свой трудовой, интеллектуальный и творческий потенциал, совместно с Органами управления организации участвует в решении вопросов трудовых отношений, участия трудового коллектива в доле прибыли, в вопросах развития производства и социальной сферы, создает для этого свои органы и поручает им представлять интересы трудового коллектива»*.

Здесь опять право на «совместно с Органами управления организации участвует ...» по сути, обосновывается как право собственника «технологий-функций», но через некий мифологизированный «интеллектуальный и творческий потенциал», который так и остался не раскрытым и не определённым, а в правовом отношении «ничтожным».

Попутно следует заметить, что в этой статье закона обнаруживается некоторое противопоставление «администрации» как «Органов управления организации» и трудового коллектива. Однако, как выше было указано в цитированном из «Полилогии...» фрагменте, под трудовым коллективом как собственником следует понимать не только прямых, непосредственных исполнителей, но и всю иерархию производственного управления производством (и коллективом исполнителей). Собственно эта производственная иерархия и определяет «групповую собственность непосредственных исполнителей» как группо-иерархическую собственность на «функции, технологии». Поэтому лучше было бы написать, что «Трудовой коллектив ... через систему органов трудового коллектива (см. гл. III «Система представительства трудово-

го коллектива» проекта закона – ХАТ) совместно с Органами управления организации участвует в ...» и далее по тексту.

В приведённом выше обосновании содержится и ответ на поставленный главным редактором в предисловии к проекту закона вопрос о «маркировке границ между трудовым коллективом и собственно менеджментом, которая иногда размыта до невидимости» и решению «проблемы включения/невключения в состав трудового коллектива его управленческого звена». Ответ на эти вопросы однозначный: администрация, управленческое звено, менеджмент и, разумеется, «мастера, бригадиры, начальники участков, цехов и лабораторий, руководители отделов и направлений, заместители директоров и главных инженеров и конструкторов, различные контролёры и приёмщики продукции» – все они члены трудового коллектива. Это его составные части как собственника «функции, технологии» данного производства (организации).

И, как пишет А.П. Проскурин, «абсурдно выводить руководителя за рамки трудового коллектива», а, исходя из теории «Полилогия...», абсурдно выводить и весь прочий списочный состав организации. То есть абсурдно выводить за рамки трудового коллектива всех тех, кто не является непосредственным исполнителем на данном производстве (в организации). Здесь же, в целом, речь идёт о политэкономических (социально-общественных) производственных отношениях по производству и воспроизводству действительной жизни, а не о калькуляции «прямых» (или «косвенных») затратах труда в ценообразовании продуктов (услуг) производственной деятельности организации. Речь идёт о «гражданских отношениях» в рамках гражданского, хозяйственного и предпринимательского, права РФ.

Таким образом, в связи с изложенным в пунктах 1, 2 и 3, предлагается:

А. Начать главу 1 «Общие положения» статьёй **«Цели и задачи законодательства о трудовых коллективах»**.

Примерное содержание статьи:

1. Целями законодательства о трудовых коллективах является установление государственных гарантий производственных и трудовых прав и свобод трудовых коллективов, создание благоприятных условий производственной деятельности и социального партнёрства, защиты прав и интересов трудовых коллективов и организаций как юридических лиц, а также органов государственной власти и местного самоуправления. ...

2. Реализация, в частности, изначального права трудовых коллективов на прямое «представительство, избираемое работниками», упоминаемое в Трудовом кодексе РФ в связи с самозащитой трудовых прав работников, в социальном партнёрстве и пр. ...

3. Обеспечение реализации статей 1 и 2 Гражданского кодекса РФ (раздел I «Общие положения», подраздел 1 «Основные положения», глава 1 «Гражданское законодательство») ..., в том числе «беспрепятственного осуществления гражданских прав», «свободы в установлении своих прав и обязанностей на основе договоров», «осуществления прав собственности ... основанные на равенстве, автономной воле ... самостоятельности участников», «осуществления предпринимательской деятельности» и пр.

4. Обеспечение равенства хозяйственных прав и возможностей в производственной деятельности как исключительных (неимущественных) прав собственности трудовых коллективов на выполняемые им производственные функции...

Б. Ввести в главу 1 «Общие положения» дополнительно статью ***«Основные принципы правового регулирования производственных и трудовых отношений, а также прочих непосредственно связанных с ними отношений»***.

Примерное содержание статьи:

1. Исходя из общепризнанных принципов ..., сущности и практики правовых отношений ..., в соответствии с Конституцией ... и последовательно развивая действующее

гражданское законодательство ... основными принципами правового регулирования производственных и трудовых отношений, а также прочих непосредственно связанных с ними отношений, признаются:

– свобода производственной деятельности и труда, которые каждый коллектив свободно выбирает или на который свободно соглашается, право распоряжаться своей производственной функцией, своей производственной специализацией и родом деятельности («технологией, функцией»);

– равенство прав и возможностей трудовых коллективов и организаций в процессе создания и функционирования организаций и производств;

– равенство прав собственности трудового коллектива на владение и распоряжение своей производственной функцией, своей производственной специализацией и родом деятельности («технологией, функцией») и прав организации на владение и распоряжение своим имуществом;

– равенство прав собственности трудовых коллективов и организаций на конечный продукт производств (услуг) и доход в долях, оговоренных учредительными документами этих двух равноправных сторон;

– социальное партнёрство ...;

– обеспечение равных прав трудовых коллективов на забастовку и организации (работодателя) на локаут;

– ... и пр.

2. ...

В. Ввести в главу 1 «Общие положения» дополнительно статью *«Изначальный объект собственности трудового коллектива – «технологии, функции».*

Примерное содержание статьи:

1. Изначальный объект собственности любого трудового коллектива есть его производственная «функция» в организации, или «технология» как совокупность элементарных производственных функций отдельных исполнителей и функций (технологий) составляющих организацию

структурных подразделений по всей группно-иерархической структуре организации.

2. Объект собственности трудового коллектива организации имеет группно-иерархическую логическую структуру отношений собственности как ограниченных, то есть необщественных (но и не частных), отношений собственности.

3. Право собственности на «технологии, функции» принадлежит трудовому коллективу вне зависимости от его конкретного персонального наполнения.

Г. Ввести в главу 1 «Общие положения» дополнительно статью **«Основные права трудового коллектива как собственника на «технологии, функции» в организации производства организации»**.

Примерное содержание статьи:

1. Трудовой коллектив зарегистрированной организации обладает всеми правами и обязанностями юридического лица с названием «Трудовой коллектив (наименование организации)» вне зависимости имеется ли самостоятельная регистрация трудового коллектива в качестве юридического лица (см. статью 5 проекта закона, пункт 1).

2. Трудовой коллектив как собственник на «технологии, функции» организации на равных правах, как одна из сторон, участвует в организации производства соответствующей организации путём оформления двухстороннего (или многостороннего) договора о создании и производственной деятельности организации.

3. Вне зависимости от первоначальных учредительных документов организации трудовой коллектив автоматически становится соучредителем данной организации. В случае несогласия с учредительными документами и не выполнения (не принятия) его требований по изменению учредительных документов прочими соучредителями, по истечении трёхмесячного срока с момента официального письменного представления им всем прочим учредителям новых требований, учредительные документы автоматически теряют свою силу,

а равно и регистрация организации как юридического лица.

4. Доля дохода трудового коллектива в общем доходе организации и её распределение определяется двухсторонним (или многосторонним) договором о создании и производственной деятельности организации.

Разумеется, принятие данных предложений потребует и уточнения ряда прочих статей проекта Закона о трудовых коллективах, но это уже дело редакционного коллектива по «доработке и оптимизации».

Таковы основные, концептуальные, предложения по доработке предложенного варианта проекта Закона о трудовых коллективах, исходя из современной фундаментальной социологической теории развития общества А.С. Шушарина «Полилогия современного мира...». Полагаю, что это отвечает пожеланиям ЭФГ о «соответствии современным реалиям», разумеется, в части использования современного научного мировоззрения по затрагиваемым вопросам.

Наконец, в заключение, учитывая, что предметом закона являются «социально-экономические отношения», следует обосновать закон как-то отобразить и позицию другой стороны, другого субъекта, в части направленности субъект-субъектных отношений в данном проекте, именуемом, например, в ныне действующем Трудовом кодексе РФ как «работодатель».

2.2. Об общественном значении и важности принятия Федерального закона «О трудовых коллективах»

Борьба за данный закон и его принятие означают собой важный этап в развитии современного капиталистического общества в его восходящем развитии по сложности. Осознание обществом необходимости его принятия, даже сам факт признания этой проблемы является революционным шагом в деле движения, эволюционного развития в сторону социа-

листического способа производства действительной жизни. Если говорить на языке современных политических лозунгов, то это революционный шаг в движении «Вперёд, к Социализму!».

Ниже кратко, опираясь на современную фундаментальную теорию развития общества – на «Полилогию...» А.С. Шушарина, приведём обоснование революционности этого шага в современном экономическом и политическом движении трудящихся и всех слоёв общества.

Первое. При капитализме, согласно теории, доминирует (главенствует), то есть «освещает» (трансформирует и деформирует, «трактует») все прочие объекты и механизмы взаимодействия агентов производства такой известный объект отношений собственности как «средства производства» (вещь, товар, капитал). Это объект-предмет (вещь, вещный объект) как богатство и «смысл жизни» вызывает и такие всем известные сегодня механизмы взаимодействия агентов производства как «товарообмен» и «рынок» с базовыми производственными отношениями в форме «товарно-денежных» отношений. При этом разделение труда в своей основе является «продуктовым», то есть «каждый производит свой продукт», посредством которого через механизм «товарообмена» обеспечивает себя всеми прочими продуктами (и услугами). Форма материально-знаковых отношений представлена «деньгами». Доминирующий тип собственности (асимметрия в квазиравновесном состоянии) есть частная собственность на «средства производства».

При социализме доминирует (главенствует), то есть «освещает» (трансформирует и деформирует, «трактует») все прочие объекты и механизмы взаимодействия агентов производства, такой, доселе неизвестный в традиционном марксизме, объект отношений собственности как «функции, технологии» (работа, производственная деятельность). Это объект-процесс, богатство и доминирующий при социализме «смысл жизни». Соответствующий механизм взаимодействия агентов производства, хорошо известный из истории

социализма в СССР, есть «соисполнение», «план» с базовыми «функциональными, технологическими» производственными отношениями.

Разделение труда в основе социалистического способа производства является «ячеистым», можно сказать «функциональным» («пооперационным»). «Каждый делает своё дело согласно плану» – куёт, пашет, строит, проектирует, исследует, выращивает, лечит, учит, ремонтирует, воспитывает и т.п. При этом, согласно плану «соисполнения», сопряжения всех видов деятельности в стране, делает («соисполняет») он это для своих плановых контрагентов. В свою очередь другие контрагенты делают всё, что необходимо для него, опять же посредством того же механизма «соисполнения».

В результате все оказываются связанными как бы единым технологическим процессом производства и воспроизводства жизни данного общества. Форма материально-знаковых отношений представлена многообразием различных «документов, статусов коллективов и лиц». И, главное (в нашем предмете обсуждения), доминирующий тип собственности (асимметрия в квазиравновесном состоянии) есть группо-иерархическая собственность трудовых коллективов (и лиц) на ранее уже упоминавшиеся «технологии, функции».

Таким образом, борьба за закон о трудовых коллективах как собственников «функций, технологий», пусть в необщественной (не всего общества, не обобществлённой) форме отношений собственности, такой как группо-иерархическая собственность, есть борьба за посткапиталистические, гуманистические отношения будущего, есть борьба за «обновлённый социализм». Иной формы собственности и быть не может для сложных процессов производства с множеством различных исполнителей. Эта форма, можно сказать, в некоторой степени предельного отношения даже «близка» к частной, «несмотря» на то, что группо-иерархическая собственность трудовых коллективов (и лиц) на «технологии, функции» есть доминирующая форма собственности на доминирующий объект

производственных отношений (отношений собственности) при социализме.

Поэтому повышение статуса и статута трудовых коллективов как собственников «функций, технологий», признание их обществом через закон и право, есть восходящий шаг на пути к социализму. И пусть пока продолжают доминировать в обществе капиталистические атрибуты экономического способа производства – «средства производства», «товар», «капитал». «рынок» и пр., но это уже «заявка» на активизацию именно будущей, социалистической атрибутики функционального (социалистического, гуманистического) способа производства.

В силу «процессового» характера объекта, его сложности, здесь невозможен частный характер отношений собственности, а только групповой, группо-иерархический вид отношений собственности при производстве и воспроизводстве действительной жизни.

Однако следует помнить, что эта борьба трудовых коллективов за правовую форму собственности на «функции, технологии» как форму исключительного (не вещного) права ещё совсем не означает достижения предела общественного развития, в том числе и не является пределом вид группо-иерархической собственности трудовых коллективов на «функции, технологии», так как в дальнейшем и здесь с исторической необходимостью в восходящем развитии также «потребуется» обобществление «функций, технологий», подчинение их интересам общества, постановки их под контроль «всеобщего интеллекта», под контроль общества. Но это вопрос уже постсоциалистического развития, того будущего, на котором «споткнулся» социализм СССР.

Итак, борьба за трудовые коллективы как группо-иерархического собственника объект-процесса «функции, технологии», есть борьба за будущее нашей страны и всего человечества за социализм и гуманизм. Вот почему важно сконцентрировать все имеющиеся силы парламентской и внепарламентской оппозиции на борьбе за принятие этого закона.

Второе. Учитывая вышесказанное, вполне допустимо, особенно на начальном этапе этой борьбы, ограничиться в рамках законодательной инициативы лишь утверждением в обществе через форму закона права трудовых коллективов на такой ему присущий перманентный объект [отношений] собственности, богатства и «смысла жизни» (божественное социальное) как «технологии, функции». То есть ограничиться лишь вступлением в права трудового коллектива как собственника, если хотите, как равноценного и равноправного партнёра организации (производства), а не как одной из сторон отношений «работник – работодатель» по Трудовому кодексу РФ. Это было бы признанием правовой и практической силы трудового коллектива, силы, вполне равновеликой и равноценной праву вещной собственности «работодателя» на «средства производства», на капитал.

С другой стороны, это бы позволило позднее поставить вопрос об изменении всего языка трудовых отношений и вместо «работник» писать и говорить «производитель», а вместо «работодатель» писать и говорить только «предприниматель», тем самым оставляя за ним лишь инициативу и организующее начало в создании того или иного производства, организации и пр. И это было бы справедливо.

Это означало бы, в частности, что доминирующее ныне в стране частное производство (и организации) строится на договорной основе двух равноправных и равносильных собственников – «функций, технологий» и «средств производства» (капитала), а право собственности на «функции, технологии» было бы жёстко привязано к трудовому коллективу, пусть даже и в рамках буржуазного права и рыночных отношений капитализма.

Поэтому, возможно, на текущий момент целесообразно воздержаться от внесения в проект закона ряда «цифровых параметров», предполагая разрешение стоящих за ними проблем в ходе формирования договорных соглашений двух равноправных собственников (учредителей) как юридических лиц, хозяев, в рамках текущего законодательства. Это значи-

тельно упростило, облегчило и ускорило бы принятие данного закона.

Третье. Рассматривая данный проект Федерального закона о трудовых коллективах как равноправных участников производства и воспроизводства действительной жизни в условиях доминирования капиталистического способа производства, нельзя не остановиться и не показать те преимущества, которые следуют из данного закона для второй стороны производства – для самих предпринимателей как собственников «средств производства» и капитала, а также и для общества в целом. Перечислим хотя бы кратко и тезисно лишь некоторые из этих «плюсов».

Во-первых. Это способствует повышению эффективности производства в данной организации (на предприятии), ибо трудовой коллектив, как собственник, заинтересован в повышении рентабельности производства, в котором он участвует как собственник. Это порождает не только рачительность и ответственность в процессе функционирования производства, но втягивает трудовой коллектив в борьбу за качество и совершенствование всего технологического цикла как бы «изнутри» самого производства. Здесь уместно напомнить об опыте работы японских кружков качества и об их отношении к производству (организации) как к своему дому и своему будущему, дающему не только пенсии и всевозможные льготы, но и обеспечивающему работу и достойную жизнь прочим членам семьи по примеру производственных династий в СССР.

Во-вторых. Это способствует перспективному развитию производства и росту совокупного дохода, ибо вся будущая жизнь работников трудового коллектива оказывается связанной с благополучием предприятия (организации), что потенциально означает и благополучие подрастающего поколения каждой семьи работников данного трудового коллектива, профессиональную ориентацию молодых членов этих семей на работу на данном предприятии.

В-третьих. Несомненно, что равноправное участие в создании и функционировании данного предприятия (организации) влечёт за собой истинно партнёрские (равноправные) отношения, что невозможно обеспечить в рамках только Трудового кодекса. Это же на деле обеспечивает мир и покой обеим сторонам, так как они изначально сотрудничают на договорной основе и свободны в выборе партнёров. Грубо говоря, при достаточно высокоразвитых и устоявшихся договорных отношениях, само возникновение «забастовок» как трудовых споров исключается, ибо все вопросы решаются заранее с равной ответственностью и заинтересованностью. Это обеспечивает гражданский мир и покой.

В-четвёртых. Со временем развитие производственных отношений как отношений двух, скажем так, стратегических собственников избавит общество от существующих перекосов в уровне доходов, достигающих в России по некоторым данным децильного соотношения 1 : 30 – 1 : 50, что для ряда европейских государств выглядит как вопиющая несправедливость (при существующих у них децильных отношений порядка 1 : 4 – 1 : 5). А это означает снятие социального напряжения в стране и в отношении к собственникам «средств производства», более взвешенного и умеренного отношения к вопросам национализации, деприватизации и восстановления прав народа на созданные им ценности и природные богатства.

Наконец, *в-пятых,* это создаёт положительный образ предпринимателя, ибо отныне (после принятия данного закона), он перестаёт быть, как говорится, чуть ли не единственным «козлом отпущения» и источником всех рукотворных и нерукотворных бед. Думается, что и коррупционная составляющая нынешней России при этом пойдёт вниз, ибо в полку «хозяинов» жизни и производства прибавится почти вдвое «юридических лиц» и они, теперь подавляющие в своей «поголовной» численности, едва ли будут спокойно смотреть на существующий криминальный и коррупционный беспредел.

Итак, всё и вся «говорит за то», что закон «О трудовых коллективах» есть «стоящее дело», что он нужен всем, и слева и справа. Остаётся только надеяться, что проявленная инициатива ЭФГ поможет трудовым коллективам преодолеть «трудный путь к себе», то есть стать, как принято говорить, «классом для себя», а также сможет «способствовать формированию депутатской группы, которая впоследствии попытается добиться принятия» Федерального закона «О трудовых коллективах РФ».

Приложение 5

Соблазнённые права

Недавно Госдума РФ ужесточила наказание за нарушение авторских прав. Теперь распространителей подделок смогут сажать на 6 лет. Кроме того, их ждет и крупный штраф – до полумиллиона рублей. А в некоторых случаях фирмы, уличённые в пиратстве, могут быть просто ликвидированы.

Однако увиденные в одной из передач телевидения кадры уничтожения лазерных дисков с «программным продуктом» для ЭВМ и прочими результатами интеллектуального труда, так называемых пиратских дисков, сильно поколебали мою веру в разумность власти. Как, чем можно оправдать уничтожение ценностей, «результатов интеллектуального труда», да ещё в условиях их дефицита и нищеты населения, пользователей?! Вспомнилось при этом и переданное ранее всеми СМИ сообщение о вступлении в борьбу с контрафактом министра обороны РФ, об отстранении от работы нескольких директоров оборонных предприятий и возбуждении уголовных дел.

Однако известно и другое, а именно, что США, «Международный альянс интеллектуальной собственности» регулярно поднимают вопрос о российских заводах и очень остро требуют применения в отношении Российской Федерации экономических санкций. Хотя очевидно, что введение санкций приведёт к тому, что тогда в России не будет заводов по выпуску компакт-дисков.

Суть рассматриваемой проблемы – в авторском праве как праве на интеллектуальную собственность, в Законе РФ «Об авторском праве и смежных правах», который регулирует правоотношения, которые возникают в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства, фонограмм, исполнений (ст. 1), а также программ для электронных вычислительных машин и баз данных (ст. 2).

И вот вопрос: что это за права, защита которых требует уничтожения ценностей, и причём здесь США и министр обороны РФ? А главное, как считают многие, иногда подделка, и не только дисков, настолько хороша, что от оригинала её и профессионал не отличит. И стоит ли тогда платить в десятки раз больше? Какой смысл тратить почти 1000 рублей за музыкальный диск, когда его можно купить и за 100? И качеством ничуть не хуже.

С программными продуктами ещё хлеще. Беру прайс-лист одной из фирм по продаже компьютеров и сравниваю: некоммерческая операционная система ЛИНУКС на 3 дисках почти в 20 раз дешевле коммерческой операционной системы ВИНДОУС и более чем в 20 раз дешевле пакета программ МАЙКРОСОФТ ОФФИС (один диск).

Конечно, скажет просвещенный компьютерщик, программы ЛИНУКС имеют статус бесплатных программ, а вот ВИНДОУС – это коммерческое программное обеспечение, за эти программы всегда надо платить. (Разумеется, что не о собственно носителях-дисках идёт речь, за них, как за вещь, платят всегда.)

Попробуем взглянуть на эту проблему с позиции теории А.С. Шушарина «Полилогия современного мира...», наиболее адекватно отражающей социологические явления. Прежде чем показать эффективность теории, даже при решении таких бытовых задач, представим, как бы на этот вопрос ответила известная марксова теория, которую генерализировала, обобщила, включила как часть теории Шушарина. Вот что получилось.

Позиция капитализма

Любой предприниматель, капиталист, если обстановка позволяет, ради увеличения прибыли на 100 и более процентов, как говорят, готов пойти на «любое преступление», а на увеличение цены готов всегда и при первой возможности. Если диски покупают по завышенной в десятки раз цене,

то их по этой завышенной цене и продают. Как говорится, спрос рождает предложение.

Но почему этой ситуацией, контрафактом в России, озабочены США, хотя платят российские граждане российским гражданам в России? Почему низкие цены и «российские пираты» наносят американским производителям ущерб, превышающий 1 млрд долл. в год, по данным Международного альянса по интеллектуальной собственности? Вероятно, потому, что это американская интеллектуальная собственность. Проще, «американский товар», и они, США, хотели бы продавать его в десятки раз дороже, чем «российские пираты».

Так, например, в статье юристов по интеллектуальной собственности «Пираты теряют рынок» указывается, что «чемпионы Европы по воровству программ – греки (63 % краденного программного обеспечения), если не считать Россию и Украину с показателями 87 % и 91 % соответственно». Ну и мир, кругом «воры» и «пираты». Даже в самих Штатах украли 22 % от установленного программного обеспечения. Цифры впечатляют, а если ещё добавить, что «китайцы и вьетнамцы крадут 92 % программного обеспечения», и озабоченность вступлением в ВТО вместе с присоединением к соответствующим соглашениям, то у непредвзятого читателя естественно возникает мысль: что-то здесь не так! Их ли это товар, и товар ли это вообще? И не из воздуха ли пытаются США и власти России делать деньги, изымая их из карманов и без того нищего населения?

Да, большинство программного обеспечения разработано под маркой США, а «коммерческие успехи» фирмы «Майкрософт» просто шокируют. Хотя бы потому, что имеет место явная монополия на программный продукт. Более того, как пишут юристы, любой официальный производитель обречён быть монополистом в своей сфере. Монополизм заложен в структуре самого института авторского права. Итак, это первая, но не главная «вина» права. Если «право» позволяет себе быть «виновным», то что это за право? Вопрос риторический. Ответ прост: это капиталистическое право.

Но почему такое возможно? Читаем опять-таки у юристов:

1. Право интеллектуальной собственности в большинстве случаев создаёт юридические монополии не на базе фактических, а, что называется, на пустом месте.

2. Право интеллектуальной собственности, конечно, так же, как и вещное право, испытывает влияние фундаментальных политико-экономических концепций.

3. Анализируя позиции учёных о понятии объекта авторского права и его места в авторско-правовом отношении, можно увидеть, что процессы оценки роли объекта в правоотношении и его конкретного содержания зависят от общественно-политической ситуации в стране.

4. Результаты творческой деятельности составляют значительную часть экономического оборота в современном мире, а появление такого объекта авторско-правовой охраны, как программы для ЭВМ, превратило их в самый коммерчески выгодный сектор рынка. (Интеллектуальный продукт «по размерам» становится больше материально-вещественных ценностей, «вещная собственность» становится ничтожной, неощутимой, а капитализму нужно много денег, вот и придумали сделать из интеллектуального продукта товар и деньги. – ХАТ.)

5. Вовлечение исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в сферу товарно-денежных отношений заставляет наделять продукт интеллектуального труда свойствами товара, а участников подобных отношений – возникающими правами и обязанностями.

Наконец-то всё ясно: сделаем товаром «не товар» и будем получать прибыль, то есть вся сущность морали замшелого капитализма в этом действе – получать (не зарабатывать!) деньги любыми путями, и если надо, то и «сломать», «купить», подстроить под себя право, даже если это идёт вразрез с интересами подавляющего большинства граждан! Вот и весь сказ о капиталистическом праве или несправии, кому как ближе, ведь корень-то один – ПРАВО!

В целом же, научно, сложившуюся ситуацию оценивают примерно так, что не необходимость регулирования отношений по поводу новой категории товаров привела к возникновению права интеллектуальной собственности, а последнее создало новую категорию товаров; что условием возникновения отношений по обмену нематериальными благами является вмешательство права.

Позиция СССР

Теперь о том, как ситуацию с «авторским правом» как правом исключительным (то есть не «вещным» правом) оценивали юристы и учёные СССР, страны первого в мире строительства социализма. Так, ещё в 1954 году советские юристы писали, что исключительным является лишь право авторства, а все остальные правомочия автора в будущем должны быть лишены исключительного характера, выступали за отказ от понятия «исключительное право», ссылаясь на отпадение исторических условий, вызвавших его появление.

В советское время авторский гонорар – оплата интеллектуального труда – в большинстве случаев был нормирован, ставки его определены нормативным порядком, и необходимость в исключительном праве автора воспроизводить и распространять произведение отпала.

Таким образом, введение правовой охраны интеллектуальной собственности при капитализме делает «не товар» товаром, вовлекает его в рыночный, коммерческий оборот и позволяет тем самым новоиспеченному товаровладельцу получать не по труду, а сверх того, то есть сверхприбыль. Этим всё сказано. Кроме того, по своим натуральным свойствам нематериальный объект может быть использован одновременно неограниченным кругом лиц, а проще говоря, сам по себе нематериальный объект объект отчуждить (от слова «отчуждать») невозможно. То есть, если пользоваться бытовой терминологией, ни отдать целиком, не оставив себе, нельзя, ни взять целиком, не оставив ничего у автора, нельзя.

Достигнутые в сфере науки и техники и культурные достижения опираются на знания и ценности, накопленные человечеством за многовековую историю, поэтому рассматривать их как детища исключительно непосредственных творцов было бы в высшей степени некорректно.

Таким образом, несмотря на ценность для общества продукта интеллектуального труда как знания, интегрированной информации и т.п., не вызывает сомнения, что этот продукт как результат интеллектуального труда, как нематериальный объект или объект-процесс не является обычным «вещным» продуктом, а по сути «товаром».

Позиция «Полилогии ...»

В теории А.С. Шушарина рассматривается ряд последовательных ценностей общества как объектов собственности, на основе которых строятся чистые эндогенные (внутри-страновые) формы (ЧЭФ) отношений собственности, являющиеся базой в период своего доминирования для известных социально-воспроизводственных «формаций», или градаций по Шушарину. Напомним эти градации: эпоха первобытности, рабовладельческое общество, феодальное общество, капиталистическое общество, социалистическое общество и др., доселе ещё неизвестные и неизведанные.

Каждая из ЧЭФ, в совокупности формирующих ту или иную градацию общества в целом, характеризуется следующим минимумом описания: базовый объект воспроизводства, механизм взаимодействия, материально-знаковые отношения, богатство, собственность.

Вот эти ЧЭФ: «первобытность», «рабовладение», «феодализм», «капитализм», «линейный социализм», «постлинейная, знание» и «философская, известным быть не может».

Таким образом, в соответствии с эндогенной логикой, да и простым здравым смыслом, воспроизводственный процесс «действительной жизни» для социально-воспроизводственной градации «Капитализм» можно

представить в виде семи вышеуказанных частных воспроизводственных процессов ЧЭФ.

Вот их краткое описание:

Базовая ЧЭФ «капитализм»: воспроизводимый базовый объект – средства производства, вещь, товар; механизм взаимодействия агентов производства – товарообмен в форме рынка; «эквивалент» в промежутках между циклами производства – деньги; богатство – вещественное богатство, капитал; собственность – частная собственность на средства производства.

ЧЭФ «первобытность»: воспроизводимый объект – собственно общая жизнь, то есть человек как биологическое существо, его культура и язык, образ поведения и т.п.; механизм взаимодействия – биологическое взаимодействие и культурно-духовное взаимодействие как общение; «эквивалентом» между циклами производства являются соответственно «неживотное» и «фамилия, имя»; богатство – «телесно-духовное здоровье»; собственность – эгостадная собственность на общую жизнь.

ЧЭФ «рабовладение»: воспроизводимый объект – работник; механизм взаимодействия агентов производства – трудообмен; «эквивалент» между циклами производства – дипломы, свидетельства; богатство – трудовые ресурсы; собственность – собственность на работников (рабов).

ЧЭФ «феодализм»: воспроизводимый объект – пространство жизни и производства; механизм взаимодействия – соседствование; «эквивалент» между циклами производства – прописка, качество жизни; богатство – натуральное богатство, арена производства жизни; собственность – иерархическая собственность на пространство производства и жизни.

ЧЭФ «социализм»: воспроизводимый объект – функции, технологии; механизм взаимодействия агентов производства – соисполнение; «эквивалент» между циклами производства – статус, документы; богатство – технологии

(функции), умение; собственность – группо-иерархическая собственность на технологии.

ЧЭФ «постлинейная, знание»: воспроизводимый объект – знание, содержательная информация; механизм взаимодействия агентов производства – соинформирование; «эквивалент» между циклами производства – «знаний ёмкостная степень»; богатство – знания, научная школа, наука; собственность – ограниченная групповая собственность на «знания», на общественный интеллект.

ЧЭФ «философская, – известным быть не может»: воспроизводимый объект – «философия жизни»; механизм взаимодействия – общественный интеллект; «эквивалент» между циклами производства – «уровень посвящения»; богатство – мудрость, философская школа; собственность – ограниченная групповая собственность на единый смысл жизни.

Согласно теории А.С. Шушарина, в каждой градации имеют место все ЧЭФ (все семь вышеприведённых выражений-процессов) с различной степенью развития, но только одна из них доминирует, то есть «освещает», принуждает прочие ЧЭФ использовать её механизм взаимодействия.

Как видно из приведенного, результаты интеллектуального труда как объекты интеллектуальной собственности, олицетворяющие богатство «знания, научная школа, наука», являются базовым объектом собственности ЧЭФ «постлинейная, знание», которой соответствует механизм взаимодействия агентов производства – «соинформирование», то есть как свободное распространение знаний, информации, со-информирование о достижениях через институты информации и экспертные системы.

То есть информация, результаты интеллектуального труда, программы, то, что записано на лазерных дисках, и т.п. не являются товаром. Более того, механизм взаимодействия агентов производства по поводу этого объекта собственности, «соинформирование», есть свободное распространение знаний, информации, со-информирование о достижениях

через институты информации и экспертные системы, а не «товарообмен» посредством купли-продажи.

Да, в капитализме механизм «соинформирования» находится под влиянием «товарообмена. Однако «под влиянием» не означает замены одного механизма на другой, ибо это будет уже «подмена», что не только безнравственно, но и антинаучно (т.е. «противоправно» в науке).

А это значит, что нечего драть три шкуры за лицензионные диски, разводить авторское право, давить катками и бульдозерами эти ценности во имя несуществующей «интеллектуальной собственности» (как «вещной собственности»). Остаётся только одно – авторство, как ссылка на автора, как право требовать ссылки на автора, и не более!

Итак, весь ответ в одном абзаце из нескольких строк. Но «запущенная социология» и «обслуживающий власть, идеологизированный научный клир» вынуждают писать многостраничные статьи и труды, чтобы доказать власти и праву, что они не правы.

Поэтому, не осознавая того, но правильно чувствуя сущность явления «интеллектуальный труд как «общенародное достояние»», акторы социализма в лице советских учёных-юристов, не стали делать из «нематериальных объектов» объекты рыночного, коммерческого оборота, не стали делать из результатов интеллектуального труда предмет (объект) торговли, то есть товар. В то время как в капиталистическом обществе нематериальные результаты человеческой деятельности с определённого времени рассматриваются как объекты рыночного оборота.

Но почему типически разные, не однородовые, не однотипологические сравнения об одном и том же объекте – «объекты для присвоения и включения в рыночный оборот» и «общенародное достояние»? Ведь одно не исключает другого, более того, и в рыночной экономике интеллектуальный продукт составляет общественное достояние, и в социалистической экономике общественное достояние может быть объектом рыночного оборота.

Но уровень сегодняшней «запущенной социологии» и уровень современного мышления не позволяют чётко разграничить даже социализм и капитализм в «чистом виде», в базовых, «материальных» основаниях. Исключение только одно – при социализме имеет место преимущественно общественная собственность на средства производства, а при капитализме имеет место преимущественно частная собственность на средства производства. То есть имеет место чисто «количественное» различие, что «вторично». Это не сущностное различие «почему-то» затем порождает прочие отличия. В чём ещё базовые, фундаментальные отличия капитализма и социализма?

Почему в практике социализма не выводят все вещные продукты из категории «товара», не рассматривают как объекты общенародного достояния, хотя все вещные продукты и есть общественное достояние, как достояние общества, часть которого находится в частной (личной) собственности? Проще, почему при социализме есть рынок, а капитализма нет, ибо он «снят»? Как известно, рынок – это сущность капитализма, «деньги – товар – деньги». Ведь нельзя же всерьёз говорить, что при социализме, хотя рынок и есть, но по схеме «товар – деньги – товар».

Процесс же, и тот, и этот, непрерывный и многовековой, тысячелетний. Очевидно, что рынок есть при социализме, но он социалистический, а значит, при социализме есть капитализм. Но и при капитализме есть элементы социализма, значит, и при капитализме есть социализм. Вот это, казалось бы, несовместимое и демонстрирует теория Шушарина «Полилогия современного мира...» через одновременное существование всех чистых эндогенных форм отношений собственности: первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм, линейная форма (плановая, социализм). Но в каждый момент времени степень развития этих чистых эндогенных форм различна, и тем, какой вид и какой базовый объект собственности доминирует, «определяется» вид социально-воспроизводственной градации.

Так что, чтобы адекватно и чётко отвечать на вызов времени, необходимо освоить, изучить теорию А.С. Шушарина «Полилогия современного мира...», которая генерализировала (включила в себя как составную часть, как частное) марксизм. И тогда, примером тому – данный труд, не потребует, говоря словами пролетарского поэта В.В. Маяковского, «изводить единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Тогда достаточно будет одного абзаца или даже одного предложения: «Это не товар».

Предложения

1. Следуя примеру Китайской Народной Республики, приобрести лицензионные компьютерные программы и операционные системы и устанавливать их на каждый продаваемый на внутреннем рынке компьютер бесплатно.

Из газет известно, что в гостях у руководителя «Майкрософта» Билла Гейтса председатель КНР Ху Цзиньтао пообещал, что прекратит вывоз из Китая компьютеров, если на них не установлена официально купленная программа. Китайцы уже приобрели таких программ на 400 млн долларов.

Этим шагом Россия сохраняет рыночные отношения в межгосударственных отношениях, выдерживает соглашения с ВТО, но действует «по науке» внутри страны; не занимается самоуничтожением в форме уничтожения ценностей: лазерных дисков, контрафакта и проч.

2. Направить предложение мэру Москвы приобрести на средства Москвы и предпринимателей лицензионные компьютерные программы и операционные системы и устанавливать их на каждый продаваемый на внутреннем рынке Москвы компьютер бесплатно.

3. Прекратить уничтожение ценностей под предлогом борьбы с контрафактом, ибо в конечном итоге это делается и производится на средства налогоплательщиков страны. Но так как это всё же пока товар, то, если он некачественный, надо реализовывать его по соответственно сниженным ценам.

Предложенный анализ – это, так сказать, руководство, в частности, для политических, парламентских партий и сил соответствующего мировоззрения для принятия решений при голосовании по проектам, связанным с «программным продуктом».

Поэтому если «программный продукт» – не товар, не объект права вещной собственности, то и нет необходимости усиливать для него меры ответственности, более того, есть смысл в их ослаблении, ибо единственное, что следует пока защищать, – это просто авторство. Если авторство соблюдается, то ответственность вообще не должна возникать! Поэтому при «последнем» голосовании в Госдуме «левые» депутаты, а из «правых», так сказать, нормальные, уравновешенные приверженцы капиталистических отношений, озабоченные развитием страны, – все они должны были бы хотя бы проголосовать против ужесточения мер в отношении «программного продукта», если не «снятия» вообще наказания в случае соблюдения авторства.

При более взвешенном подходе, основываясь на передовой фундаментальной теории А.С. Шушарина «Полилогия...», следует в целом пересмотреть всё законодательство об авторском праве, и в первую очередь привести в соответствие «программные установки» своих партий, получив тем самым и поддержку отечественных производителей лазерных дисков с «программным продуктом», разумеется, производящих без нарушения только собственно авторства.

Послесловие

Но... Опять, продолжают звучать и не забываются слова, услышанные по радио 25 апреля 2006 г.: «Сегодня началось под Москвой уничтожение 100 тысяч «пиратских» дисков, их общий вес 4 тонны». Затем сообщение: «МВД приступило к уничтожению 10 тонн контрафактных телефонов...» Почему? Вдруг новое сообщение в рекламе по НТВ: ««Евро-

сеть» объявляет борьбу высоким ценам и предлагает телефоны «Моторола»...». Но вот приходит информация о том, что «уничтожение» – это «разборки конкурентов» с помощью власти...

Приложение 6

Рекламное объявление, опубликованное в газете «Советская Россия»

Шушарин А.С.

Полилогия современного мира.

(Критика запущенной социологии)

<http://www.shusharin.ru>

<http://www.polilogiy.narod.ru>

М.: Мысль, 2005–2006. – 5 книг, 3095 с.

Работа является эскизом новой фундаментальной социологической теории общественного развития современного мира (социума) как многомерного, «многослойного», многозначиевого и полилогичного процесса «производства и воспроизводства действительной жизни», теории, в корне переосмысливающей основания материальных процессов и весь исторический путь развития человечества от «миллионлетней долюдской первобытности» до первых лет современности XXI века. При этом новая генерализирующая теория во многом сохраняет преемственность классического понимания лишь «слоя» экономического развития и только двух последних столетий.

Структура изложения всех ступеней восходящего общественного развития едина и содержит основные законы и категории, раскрывающиеся последовательно в таких понятиях как: объект собственности, агенты и акторы воспроизводственного процесса, механизм взаимодействия, ценности и богатство, равновесное и критическое состояние, символично-знаковая система, вид рационализирующего и сознательного взаиморасчёта, ультраструктуры, отчуждение, асимметрия, кризисная форма доминирующей собственности на объект взаимодействия, идеология, «классы», революционный процесс и обобществление и пр.

В теории рассматривается, как эмпирический факт, исторический ряд последовательных ценностей общества как

типологических объектов собственности, на основе которых строятся соответствующие чистые эндогенные (внутристрановые) формы (ЧЭФ) отношений собственности. Однако сами формы существуют в «действительной жизни» изначально, одновременно и «параллельно». Вот эти ЧЭФ: первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм («вульгарный»), линейная (плановая) форма «социализм» и ещё не известные формы...

В каждой из известных социально-воспроизводственных «формаций» или градаций, по Шушарину, имеют место все ЧЭФ с различной степенью развития, но только одна из них доминирует, то есть «освещает», принуждает прочие ЧЭФ «использовать» её механизм взаимодействия. Переход от доминирования одного «слоя» ЧЭФ к другому происходит путём обобществления доминировавшего объекта с ограниченными (частными) отношениями собственности или, как иначе говорят философы, путём «снятия» доминирующих производственных ограниченных (частных) отношений собственности по поводу этого объекта. Объект собственности «переходит» в основания социума, в так называемую инфраструктуру общества, где этот объект попадает под общественный контроль и управление и находится уже в общественной собственности. В процессе этого перехода и происходит смена социально-воспроизводственных градаций в последовательности соответствующей смене доминирования, то есть в порядке следования «слоёв» ЧЭФ по сложности восходящего развития.

Особое внимание уделено следующим проблемам: «как возможно общество», о генезисе государства и «гражданского общества», а также новому взгляду на «первобытность» и что есть социализм, полилектический анализ социалистических преобразований в СССР.

Полилогия изучает отношения людей, т.е. только материальные формы деятельности и взаимодействия (но не саму эту деятельность); отношения производства (но не само это производство). Изучение в целом ведётся в координатах

двух логик общественного развития – экзогенной и эндогенной. Самое общее представление об эндогенной логике – об её эмпирическом корреляте как главной последовательности новых критических форм и прорывов (не «формаций»!) соответствует вышеприведенному ряду ЧЭФ.

Отображение гетерогенного характера общества, полипричинности его связей и явлений, самой многообразности процессов производства и воспроизводства действительной жизни основывается на использовании полилогии причинно-следственных связей и понятия бифуркации для критических и «революционных» состояний общества.

Особого внимания заслуживают идеи построения и ступени, законы и признаки нового гуманистического общества как типологически «идеалистического материализма».

В створе экзогенной логики на основе «нового типа научной рациональности в основаниях социологии» критически рассматривается вся действительная или сложная логика истории как некая интеллектуальная громадность. Дается целостный анализ интенсивных и экстенсивных процессов в строении и развитии современного социума, глобальных процессов, рассматриваются характерные международные явления на большом числе примеров, цифр и событий.

В заключении в последнем, пятом, томе рассматривается развивающийся кризис современного мира, провал в неравновесное состояние, мифология трагического деморыночного заблуждения народов, глобальная материальная деконструкция и варваризация процессов на просторах бывшего СССР, некоторые узловые процессы и итоги. Последние главы посвящены «дальнейшим вероятиям-невероятиям развития бифуркации» и «штрихам к социально-политической картине» современности.

По всем вопросам и заказу пятитомного издания
обращайтесь по телефону в Москве 8-916-8873150
или пишите по адресу:
117321, Москва, а/я ...

Приложение 7. Чистые эндогенные формы. Таблица 1

Атрибуты чистой эндогенной формы	Наименование чистой эндогенной формы (ЧЭФ) и её атрибутов	
	Первобытность (апополитейная)	Рабовладение
Критическая теория	политический социогенез (простая культурология)	политическая демография
Базовое взаимодействие (симметрия)	социально-биологическое	демографическое
Базовые производственные отношения	культурно-родовые	демографические (гражданские)
Базовый объект	общая жизнь	работник
Разделение труда	органическое	профессиональное (гражданское, демографическое)
Механизм	общение (телесно-духовное)	трудообмен
Богатство	телесно-духовное здоровье	трудовые ресурсы
Некоторые элементарные явления	просто человек («организм»), язык, жизнедеятельность, родство...	работник, специалист (в том числе воин), учитель-ученик...
Материально-знаковые отношения (сфера)	фамилия, имя, свойство (антропонимика)	«дипломы» (трудонимика)
Тип равновесия	органическое	военно-демографическое (гражданское)
Критическая (преодолеваемая) форма	первобытная общинность	экстенсивное рабовладение
Доминирующая собственность (асимметрия)	эгостадная собственность на общую жизнь	собственность на работников (рабов)
Преодолевающий сдвиг	обобществление общественной жизни, социализация (демографизация) производства	обобществление работников, натурализация (территориализация)

Наименование чистой эндогенной формы (ЧЭФ) и её атрибутов		
Феодализм	Капитализм	Современный Социализм (линейная форма)
политическая география	политическая экономика («Капитал»)	политическая технология
местное	вещественно-продуктовое («товар»)	функциональное
территориальные	экономические (товарно-денежные)	функциональные (технологические)
пространство производства	средства производства	технологии (процессы)
натуральное	продуктовое	ячеистое
соседство	обмен («рынок»)	соисполнение
натуральное богатство	вещественное богатство	технологии («функции»)
натуральные занятия, местность...	товар, потребительская стоимость, стоимость...	функция, работа, положение функции («объём»)...
прописка (топонимика)	деньги (товаронимика)	документы, статусы коллективов и лиц (технонимика)
территориальное	товарное («рыночное»)	функциональное (технологическое)
автаркия	развитой рынок	линейность («планомерность»)
натурально-(парцеллярно) иерархическая собственность на пространство производства	частная собственность на средства производства	группо-иерархическая собственность на технологии
обобществление пространства производства, индустриализация (товаризация) производства	обобществление средств производства, технологизация (плановизация) производства	обобществление технологий, онаучивание производства

Научная

АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВИЧ ХАРЧЕВНИКОВ
КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛИЗМА
(Политическая технология)

Корректурa: О. Шадрина
Компьютерная верстка: Л. Ходош

Подписано в печать 03.10.2011
Формат 60х90/16
Бумага офсетная
Тираж 300 экз.

ООО «Авторская книга»
Москва, ул. Большая Никитская, д.50/5
тел: +7 (495) 646-17-25
www.izdat.ru